

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

На правах рукописи

Утемисова Гульмира Укатаевна

**Социально-психологические детерминанты стратегий преодоления
кибербуллинга подростками России и Казахстана**

Специальность: 5.3.5. – Социальная психология, политическая и экономическая
психология (психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель: доктор
психологических наук, доцент
Микляева Анастасия
Владимировна

Санкт-Петербург

2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАТОВ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА ПОДРОСТКАМИ РФ И РК.....	16
 1.1. Кибербуллинг как феномен цифровой коммуникации	16
1.1.1 Эпистемологические границы кибербуллинга: уникальные характеристики и отличия от традиционного буллинга	19
 1.1.2. Виды кибербуллинга	27
 1.1.3. Различия в преодолении буллинга и кибербуллинга	30
1.1.4. Терминологические аспекты: «копинг» / «совладающее поведение» в зарубежной и отечественной психологии	34
1.2. Стратегии преодоления кибербуллинга: концептуализация и классификация.....	39
Таблица 1.2 - Классификация стратегий преодоления и стратегий преодоления кибербуллинга по авторам и критериям.....	41
 1.2.1. Культурно-обусловленные паттерны преодоления: от коллективизма до цифровой автономии.....	48
1.2.2. Гендерные паттерны преодоления: стратегии, эффективность и кросскультурные особенности	52
 1.3. Социально-психологические предпосылки выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками	55
 1.3.1. Влияние опыта кибервиктимизации на выбор стратегий преодоления.....	57
1.3.2. Роль моральных установок и ценностей в формировании стратегий преодоления	61
 1.4. Факторы, влияющие на выбор стратегий преодоления кибербуллинга: пол, возраст и цифровой опыт.....	67
ВЫВОДЫ ПО ИТОГАМ ГЛАВЫ 1	72
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	76
 2.1. Характеристика выборки	76
 2.2. Организация исследования.....	78

2.3. Описание методов и методик исследования.....	82
Опросник «Опыт кибербуллинга и кибервиктимизации» Антониаду Нафсика и Коккинос М. Константинос (Greek cyber-bullying/victimization experiences questionnaire - CBVEQ-G).....	85
Анкета «Цифровой опыт» подростков	88
Опросник моральных оснований (Moral Foundations Questionnaire, MFQ). Авторы: J. Graham, J. Haidt et al. (2011). Адаптация MFQ-Ru: О. А. Сычев и др. (2016).....	90
2.4. Методы статистической обработки эмпирических данных.....	92
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАТОВ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА ПОДРОСТКАМИ РФ И РК.....	95
3.1. Выраженность стратегий преодоления кибербуллинга подростками РФ и РК.....	95
3.1.1. Стратегия – (Формальная поддержка).....	99
3.1.2. Стратегия (Активное игнорирование)	101
3.1.3. Стратегия (Близкая поддержка)	103
3.1.4. Стратегия - (Активное противостояние)	106
3.2.1. Кибервиктимность как один из предикторов выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками	107
3.2.2. Моральные основания: забота, справедливость, лояльность, уважение и религиозность как детерминанты выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками	116
3.2.3 «Цифровой опыт» подростков и его связь со стратегиями преодоления кибербуллинга	121
3.2.4. Серьёзность последствий в результате влияния кибербуллинга	127
3.3. РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА (ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ — СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА, НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ-ПРЕДИКТОРЫ — ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ).....	132
3.4. РЕЗУЛЬТАТЫ СТРУКТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ УРАВНЕНИЙ (SEM): СВЯЗИ МЕЖДУ ЛАТЕНТНЫМИ КОНСТРУКТАМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ И СТРАТЕГИЯМИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА	141
3.5. Интерпретация и обсуждение результатов	154
ВЫВОДЫ ПО ИТОГАМ ГЛАВЫ 3	158

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	171
ПРИЛОЖЕНИЕ А.АДАПТАЦИЯ И ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ВАЛИДИЗАЦИЯ «ОПРОСНИКА СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИТУАЦИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА» (CWCBO) (STICCA ET AL., 2015) Г.У. УТЕМИСОВОЙ.....	207
ПРИЛОЖЕНИЕ Б. «ОПРОСНИК СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИТУАЦИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА» (CWCBO) STICCA, F. АДАПТАЦИЯ УТЕМИСОВОЙ Г.У. (РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ).....	210
ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОПРОСНИК «ОПЫТ КИБЕРБУЛЛИНГА И КИБЕРВИКТИМИЗАЦИИ» АНТОНИАДУ НАФСИКА И КОККИНОС М. КОНСТАНТИНОС (GREEK CYBER-BULLYING/VICTIMIZATION EXPERIENCES QUESTIONNAIRE - CBVEQ-G)	213
ПРИЛОЖЕНИЕ Г. АНКЕТА «ЦИФРОВОЙ ОПЫТ» ПОДРОСТКОВ	217
ПРИЛОЖЕНИЕ Д. ОПРОСНИК МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ (MORAL FOUNDATIONS QUESTIONNAIRE, MFQ). АВТОРЫ: J. GRAHAM, J. HAIDT ET AL. (2011). АДАПТАЦИЯ MFQ-RU: О. А. СЫЧЕВ И ДР. (2016)	219
ПРИЛОЖЕНИЕ Е.РЕЗУЛЬТАТЫ ВАЛИДИЗАЦИИ ШКАЛ MFQ-RU	223
ПРИЛОЖЕНИЕ Ж. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗРАСТНЫХ, ГЕНДЕРНЫХ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ПАТТЕРНОВ ЦИФРОВОЙ АКТИВНОСТИ И ОПЫТА КИБЕРБУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ	233
ПРИЛОЖЕНИЕ З. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	237
ПРИЛОЖЕНИЕ И. СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Современное общество характеризуется экспоненциальным ростом цифровых рисков, угрожающих социализации подростков. Интернет стал неотъемлемой частью жизни молодого поколения, при этом 87% подростков 11–17 лет ежедневно сталкиваются с онлайн-угрозами (Anderson, Jiang, 2018). Из всех цифровых угроз 63% подростков кибербуллинг идентифицируют как наиболее травматичный опыт (Tokunaga, 2010). Подростки воспринимают цифровую среду как пространство амбивалентного опыта — одновременно площадку самореализации и источник хронической виктимизации, что актуализирует переосмысление традиционных подходов безопасности (Солдатова, Ярмина, 2019). Проблема девиантного онлайн-поведения усугубляется эпистемологической размытостью феномена: в 47% российских судебных заключений фиксируется терминологическая подмена «кибербуллинга» и «киберагgressии» (Blinova, Gurina, 2023), отсутствие спецстатей в УК России (РФ), низкий % привлечения к ответственности - 34% в РФ / 67% в ЕС) (Волчецкая и др., 2021). Термин «стратегии преодоления» (англ. coping strategies) имеет междисциплинарное происхождение и был концептуализирован в рамках трансактной модели стресса Р. Лазаруса и С. Фолкмана (Lazarus, Folkman, 1984). В отечественной психологии ему соответствует понятие «совладающее поведение» (Крюкова, 2008). Под стратегиями преодоления кибербуллинга понимаются осознанные когнитивные и поведенческие усилия, направленные на нейтрализацию цифровых угроз посредством: формальной поддержки (ФП) (например, жалобы модераторам), близкой поддержки (БП) (обращение к друзьям, родителям), активного игнорирования (АИ) (сознательное нереагирование на агрессию) и активного противостояния (АП) (прямые ответные действия, включая контратаку). Эффективность ФП и БП часто зависит от культурного

контекста и цифровой грамотности, в то время как АИ и АП могут как снижать, так и усугублять виктимизацию.

- проблемно-ориентированных действий (технические решения: блокировка, AI-фильтрация);
- эмоционально-ориентированной регуляции (поиск социальной поддержки);
- адаптации культурно-обусловленных паттернов (семейная медиация в коллективистских обществах) (Крюкова Т.Л.; Lazarus R.S., Folkman S.; Vandoninck S., d'Haenens L.). Именно гибридные стратегии преодоления рисков выходят на первый план для подростков, сочетая технические решения (блокировка агрессоров с эффективностью 78%) и социальную поддержку (Menesini E., Nocentini A., Camodeca M.; Soldatova G. U.). Однако в интернет-среде подростки сталкиваются с качественно новыми вызовами: 58% ростом deepfake-атак в 2021–2023 гг., 34% ролевой инверсией жертва - агрессор и устойчивостью цифрового следа (травматический контент сохраняется для 63% жертв >6 месяцев) (Chen L., Ho S.S., Lwin M.O.).

К сегодняшнему дню имеется значительный объем доказательств уникальности кибербуллинга как феномена, обусловленного:

- технологическими параметрами (анонимность, снижающая эмпатию на 41%; вирусность контента с охватом 10,000+ пользователей за 24 часа) (Suler J.; Blinova O., Gurina M.);
- нейрокогнитивными последствиями (структурные изменения гиппокампа) (McLoughlin L.T., Lagopoulos J., Hermens D.F.);
- культурно-правовыми особенностями (доминирование платформ VK/Telegram в Евразии, 62% латентности в РФ (доли невыявленных случаев кибербуллинга, когда жертвы не обращаются за помощью из-за страха стигматизации) (Suler J.; Soldatova G.U., Rasskazova E.I.; Nazarov V.L., Averbukh N.V.). Эта специфика усугубляется методологическими пробелами: применение неадаптированных для онлайн-буллинга методик (опросники Olweus) без учета цифровых параметров), 72% выборок имеют евроцентричный характер, игнорирование контекста платформ - VK/Telegram

(Suler J.; Chun J., Lee J., Kim J.), что ограничивает разработку превентивных мер (Barlett C.P., Gentile D.A.; Nazarov V.L., Averbukh N.V.).

Таким образом, проблема исследования заключается в противоречии между комплексной, технологически опосредованной природой кибербуллинга и редукционистскими, перенесенными из онлайн-контекста моделями его изучения, что в конечном итоге ограничивает эффективность любых профилактических программ (Balcombe L., De Leo D.).

В качестве объекта исследования в работе рассматриваются стратегии преодоления кибербуллинга подростками России (далее **РФ**) и Казахстана (далее **РК**).

Предметом исследования являются социально-психологические детерминанты (кибервиктимность, моральные основания по двум уровням моральных суждений: рациональное обоснование и интуитивная оценка) и модераторы (социально-демографические характеристики - пол, возраст, страна; цифровой опыт, влияние кибербуллинга), определяющие выбор подростками стратегий преодоления кибербуллинга.

Цель исследования заключается в выявлении социально-психологических детерминант и модераторов выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками в РФ и РК.

В основу исследования положена **гипотеза** о том, что выбор стратегий преодоления кибербуллинга подростками детерминирован социально-психологическими факторами: кибервиктимностью и моральными основаниями. Влияние этих факторов варьируется в зависимости от социально-демографических характеристик (пол), цифрового опыта (время в сети, виды кибербуллинга, степень тяжести влияния кибербуллинга) и культурного контекста (РФ / РК).

Для проверки гипотезы необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать основные подходы к изучению стратегий преодоления кибербуллинга;

2. Разработать теоретическую модель детерминант и модераторов выбора стратегий;
3. Создать программу эмпирического исследования для сравнительного анализа данных в РФ и РК;
4. Адаптировать и валидизировать «Cyberbullying Coping Strategies Questionnaire» (далее **CWCQ**)¹ для русскоязычной выборки;
5. Изучить выраженность стратегий преодоления с учетом пола, возраста и культурных особенностей подростков;
6. Описать взаимосвязь выбранных стратегий с социально-психологическими детерминантами (кибервиктимность, моральные основания);
7. Определить вклад социально-психологических детерминант и модераторов (цифровой опыт, социально-демографические факторы, влияние кибербуллинга) в выбор стратегий;
8. Провести статистическую проверку гипотез о модерационных эффектах культурного контекста и цифрового опыта.

Теоретико-методологическую основу исследования составили:

мотивационные и когнитивные теории агрессии и совладания, в частности, трансактная модель стресса и копинга Лазаруса (Lazarus, Folkman, 1984; Lazarus, 2020; Folkman, 2010); теория моральной дезингибиции Бандуры (Bandura et al., 1963); ресурсный подход к преодолению стресса Хобфолла (Hobfoll, 1989); субъектно-деятельностный подход Анцыферовой Л.И., Крюковой Т.Л. (Анцыферова, 1994; Крюкова, 2008); специфические модели кибербуллинга, включая интегративную модель BGCM (Barlett and Gentile Cyberbullying Model) (Barlett, 2023; Barlett, Gentile, Chew, 2017; Barlett, Kowalewski, 2019), а также критериальную типологию кибербуллинга Хиндуджи и Патчина (Hinduja, Patchin, 2015; Hinduja, Patchin, 2013; Hinduja,

¹ Опросник копинг-стратегий при кибербуллинге (Sticca et al., 2015)

Patchin, 2014);

теории социально-психологической детерминации онлайн-взаимодействия: теория цифровой социализации Солдатовой Г.У., Войскунского А.Е. (Войскунский, 2020; Солдатова и др., 2019); концепция онлайн-перманентности Дехе (Dehue, Bolman, Völlink, 2008); модель публичности/анонимности Стикки (Sticca et al., 2015; Sticca et al., 2015).

Теоретико-методологическую основу исследования дополнили:

теории моральных оснований Хайдта (Haidt, 2001; Haidt, 2007; Haidt, Graham, 2007), культурного измерения Триандиса (Triandis, 2018; Триандис, 2018), Хофстеда (Hofstede, 2011) и гендерных различий в агрессии Крик и Гропетер (Crick, Grotpeter, 1995), Вандебос (Vandebosch, Van Cleemput, 2008);

теории цифровой среды: алгоритмическая поляризация Брейди (Brady et al., 2020); Джия и Лю (Jia, Liu, 2021), гибридная модель цифровой адаптации Сочивко Д.В. и соавт. (Сочивко и др., 2020), кибердоминирование Антонияду (Antoniadou et al., 2019; Antoniadou et al., 2016).

Методы и методики исследования

Эмпирическое исследование было организовано методом поперечных срезов. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью следующих психодиагностических методик: опросник стратегий преодоления кибербуллинга (CWCBQ) в авторской адаптации, опросник опыта кибербуллинга и кибервиктимизации (Cyberbullying and Victimization Experience Questionnaire, CBVEQ-G) в адаптации Асылбековой М.П. (Асылбекова и др., 2024); опросник моральных оснований (Moral Foundations Questionnaire, MFQ) в адаптации Сычева О.А. (Сычев, 2016; Сычев, Григорьева, 2018); авторская анкета «Цифровой опыт». С помощью анкетирования были получены социально-демографические характеристики, а также сведения о цифровом опыте подростков. Статистическая обработка данных, включавшая описательную статистику с применением критериев достоверности различий (критерий Манна – Уитни и критерий Краскела – Уоллиса), корреляционный анализ, дисперсионный анализ и регрессионный

анализ, осуществлялась с использованием программного обеспечения IBM SPSS, версия 23.0; JASP, версия 0.19.3.0, а также метода моделирования структурными уравнениями с оценкой соответствия моделей.

Эмпирическую базу исследования составили 404 подростка (231 девочка, 173 мальчика) в возрасте от 11 до 17 лет — учащиеся средних (5–9-х классов) и старших (10–11-х классов) классов русскоязычных школ Казахстана (г. Актау, г. Семей, г. Усть-Каменогорск, г. Актобе) и России (г. Орск). Участие было добровольным, с письменного согласия родителей и соблюдением этических норм (анонимность, конфиденциальность). Репрезентативность выборки обеспечила анализ половых, возрастных и кросскультурных различий в контексте кибербуллинга и стратегий преодоления.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на русскоязычной выборке подростков РФ и РК получены данные о распространении стратегий преодоления кибербуллинга: дистального совета, выстраивания границ, активного игнорирования и близкой поддержки. Впервые выделены социально-психологические детерминанты выбора стратегий преодоления у подростков: моральные основания и цифровой опыт. Определен вклад культурного контекста (Россия / Казахстан) как модератора, а также моральных оснований и цифрового опыта в выбор стратегий преодоления у подростков с учетом возраста и пола.

Теоретическая значимость заключается в том, что систематизированы теоретико-методологические предпосылки исследования социально-психологических детерминантов стратегий преодоления кибербуллинга у подростков. В исследовании выявлены социально-психологические детерминанты стратегий преодоления кибербуллинга у подростков. На основе теоретико-методологического анализа уточнено содержание понятия «стратегии преодоления кибербуллинга подростками». Стратегии преодоления понимаются как осознанный, целенаправленный процесс адаптации к цифровой агрессии, опирающийся на взаимодействие личностных ресурсов и социально-контекстуальных факторов.

Практическая значимость состоит в том, что полученные в ходе диссертационного исследования результаты и выводы расширяют возможности психологической работы с подростками, позволяют разработать программы социально-психологического сопровождения киберсоциализации подростков с учетом возрастных и гендерных особенностей проявлений агрессии в интернет-пространстве. Помимо этого, в ходе исследования проведена адаптация англоязычного опросника (CWCQ) для русскоязычных подростков. Данную методику можно использовать в качестве надежного инструмента для определения стратегий преодоления кибербуллинга у подростков.

Исследование соответствует паспорту научной специальности 5.3.5. «Социальная психология, политическая и экономическая психология» по следующим пунктам: по п. 2: «Изучение закономерностей общения и деятельности людей, обусловленных социальным, политическим и экономическим контекстами их взаимодействия в реальной и цифровой среде. Психология межкультурных коммуникаций; онлайн-коммуникаций»; п. 7: «Исследования ролевых и организационных конфликтов: типологии, причин возникновения, способов и механизмов преодоления.»; п. 27: «Исследования психологических ресурсов и стратегий совладания с трудными жизненными ситуациями».

Достоверность и надёжность результатов исследования обеспечиваются: репрезентативностью выборки, включающей подростков из русскоязычных школ РФ и РК, сбалансированным распределением по полу и возрасту, что позволяет распространить выводы на аналогичные группы; валидностью разработанной анкеты, подтверждённой пилотным тестированием на выборке 30 респондентов, и адаптацией структуры вопросов с учётом рекомендаций ВОЗ для подростковых исследований (Patton et al., 2016). Адаптация англоязычного опросника «Coping with Cyberbullying Questionnaire» проведена с соблюдением методологических процедур: обратный перевод, экспертная оценка и пилотное тестирование,

подтвердившее культурную адекватность инструмента. Психометрические свойства методики верифицированы факторным анализом, выявившим устойчивую структуру, включающую стратегии близкой поддержки (БП), активного игнорирования (АИ), активного противостояния (АП) и формальной поддержки (ФП), с высокими показателями надёжности и инвариантностью измерений для кросс-культурных подгрупп.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. В отличие от копинга в онлайн-среде, стратегии преодоления кибербуллинга акцентируют проблему дезинтеграции пространственно-временных границ приватности и безопасности, определяемую перманентностью цифрового следа, круглосуточной доступностью жертвы и вирусностью агрессивного контента. Они также демонстрируют уникальную культурную специфику детерминантов, противопоставляя цифровую автономию (как ключевой ресурс в индивидуалистических контекстах) семейно-клановым ресурсам поддержки (доминирующими в коллективистских обществах).

2. Адаптированный «Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга», позволяющий дифференцированно оценивать различные типы стратегий преодоления кибербуллинга, такие как «близкая поддержка», «активное игнорирование», «активное противостояние», «формальная поддержка» в достаточной степени надежен для того, чтобы использовать его для изучения выбора стратегий преодоления кибербуллинга у российских и казахстанских подростков.

3. Выраженность стратегий преодоления кибербуллинга подростками детерминирована доминирующим влиянием кросс-культурного контекста и половой дифференциации, превосходящим возрастные факторы. Ключевой вклад вносит культурная специфика: индивидуалистические нормы с акцентом на автономию (Россия) способствуют ориентации на стратегии цифровой самоэффективности и формального правового реагирования, тогда как установки на социальную гармонию и избегание конфронтации (Казахстан) актуализируют

стратегии неформального посредничества и сокрытия инцидентов. Гендерная дифференциация проявляется в универсальном противопоставлении «связанность–агентность»: девочки демонстрируют доминирование стратегий, связанных с эмоциональной поддержкой и поиском близкой помощи, в то время как мальчики ориентированы на инструментальные паттерны самостоятельного разрешения и цифрового контракта, соответствующие нормам маскулинности. Возрастная динамика стратегий проявляется в виде скачкообразных сдвигов и регрессий, опосредованных культурным контекстом.

4. Вклад ключевых социально-психологических детерминант — кибервиктимности и моральных оснований (включая рациональное обоснование и интуитивную оценку) — в выбор адаптивных стратегий преодоления кибербуллинга существенно опосредуется нелинейными эффектами культурного контекста (индивидуализм/коллективизм, роль формальных институтов), возраста (этап подросткового развития) и накопленного цифрового опыта.

Апробация результатов исследования.

Основные выводы и результаты исследования были обсуждены на следующих научных конференциях:

1. Международная научно-практическая конференция «Зейгарниковские чтения: Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований» (онлайн-выступление, ФГБОУ ВО МГППУ, г. Москва, Россия, 18–19 ноября 2020);
2. 25-й Международный Конгресс «Психология XXI столетия (Новиковские чтения)» (г. Ярославль, Россия, 12–15 мая 2023);
3. Международная научно-практическая конференция «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» - Reports in English (онлайн-выступление, г. Пекин, Китай, 14 октября 2023);
4. Международный Конгресс «Психология XXI столетия», посвященный 10-летию Узбекистанского отделения МАПН (г. Самарканд,

Узбекистан, 15–16 марта 2024);

5. Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы буллинга: теория и практика» (ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, 22 мая 2024);

6. Research Fora International Conference с тезисами статьи «A critical review of anti-bullying strategies: analyzing survey results across regions» (онлайн-выступление, г. Лондон, Великобритания, 03.06.2024);

7. 33-й Международный конгресс по психологии «Enhancing resilience and Well-being: Psychological support for students response to cyberbullying» (онлайн-выступление, г. Прага, Чехия, 21–26 июля 2024);

8. 33-й Международный конгресс по психологии «The effect of social ostracism on the mental health and social adaptation of individuals aged 17–22» (онлайн-выступление, г. Прага, Чехия, 21–26 июля 2024);

9. VII Международная научно-практическая конференция «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании» (онлайн-выступление, РГПУ им. Герцена, г. Санкт-Петербург, 30-31 октября 2024);

10. Международный симпозиум по преподаванию, образованию и обучению (STEL-24), «Experience in the Prevention of Cyberbullying and Cybervictimization: Structure and Primary Psychometric Characteristics» (онлайн-выступление, г. Милан, Италия, 26–27 ноября 2024).

11. VIII Международная научно-практическая конференция «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании», посвященная столетию психологической подготовки в Герценовском университете (онлайн-выступление, РГПУ им. Герцена, 16-17 октября 2025 г., Санкт-Петербург).

По теме диссертационного исследования опубликовано 20 работ, из них три – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, одна работа опубликована в издании, индексируемом в Scopus, четыре статьи в издании, индексируемом Web of science.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, выводов, списков: литературы (442 источника, в том числе 325 на иностранных языках), сокращений, списка иллюстративного материала и 9 приложений. Текст диссертации изложен на 168 страницах и проиллюстрирован 56 таблицами и 15 рисунками.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА ПОДРОСТКАМИ РФ И РК

1.1. Кибербуллинг как феномен цифровой коммуникации

Кибербуллинг, концептуализируемый Hinduja & Patchin как «систематическая агрессия в цифровой среде с целью причинения психологического или социального вреда» (Hinduja, Patchin, 2008), трансформирует традиционные парадигмы буллинга, приобретая черты глобального антропосоциального кризиса. В условиях цифровой трансформации, охватившей 4.9 млрд пользователей интернета к 2024 году, кибербуллинг становится неотъемлемым элементом экологии цифровых взаимодействий, где устойчивость контента, анонимность агрессоров и вирусность распространения формируют уникальные риски для психического здоровья (Barlett, 2023; Fulantelli et al., 2022). Эмпирические данные свидетельствуют, что в России 68% подростков сталкиваются с проявлениями агрессии в школьных цифровых сообществах, при этом 45% жертв воздерживаются от обращения за близкой поддержкой (БП) из-за страха стигматизации (Nazarov, Averbukh, 2023; Soldatova et al., 2019). Эти показатели не только подчеркивают масштабность явления, но и его латентный характер, усугубляемый институциональными пробелами (Volchetskaya et al., 2021; Blinova, Gurina, 2023). Актуальность исследования детерминирована тремя взаимосвязанными вызовами современности. С технологической перспективы алгоритмы социальных сетей, включая рекомендательные системы Meta и TikTok, усиливают видимость конфликтного контента, что способствует нормализации агрессивных поведенческих паттернов (Ross Arguedas et al., 2022; Balcombe, De Leo, 2023). Психосоциальный аспект раскрывается через корреляцию кибербуллинга с клинически значимыми состояниями: депрессией (69.7%), тревожностью (56.6%) и суициdalными мыслями (11.1%) среди жертв, что в 2.8 раза превышает аналогичные показатели при

традиционном буллинге (Hemphill et al., 2015; Zych et al., 2019; Zych, Ortega-Ruiz, Del Rey, 2015). Столь значительное превышение негативных последствий детерминировано уникальными характеристиками цифровой среды, которые качественно усиливают травматический опыт. Круглосуточная доступность жертвы стирает границы между публичным и приватным пространством, лишая её «безопасных зон» и продлевая психологическое давление. Анонимность агрессора, опосредованная технологиями, снижает эмпатию и психологические барьеры, способствуя более жестоким и деиндивидуализированным атакам. Публичность и глобальный масштаб аудитории радикально усиливают чувство унижения, поскольку вредоносный контент может стать вирусным, создавая эффект «вечной травмы» (digital permanence). Совокупное действие этих факторов — отсутствия убежища, деиндивидуализированной агрессии и масштабируемости вреда — формирует качественно иную, более тяжёлую травматизацию, что и находит отражение в приведённых показателях. Нейрофизиологические исследования демонстрируют структурные изменения мозга жертв, включая снижение объема гиппокампа на 12% и гиперактивность миндалевидного тела, что объясняет долгосрочные когнитивные дисфункции (Shibkova et al., 2021). Культурно-правовой вызов проявляется в терминологической неоднозначности: в 47% российских судебных заключений фиксируется смешение понятий «кибербуллинг» и «киберагgression» (Blinova, Gurina, 2023). Отсутствие прямой статьи в УК РФ, аналогичной европейским директивам (например, GDPR, ст. 8), осложняет юридическую квалификацию деяний (Sullivan, 2018; Volchetskaya et al., 2021). Этот правовой пробел создает условия для воспроизведения цифрового насилия, требуя междисциплинарного подхода, интегрирующего достижения когнитивной психологии, цифровой этики и киберправа. Междисциплинарный анализ феномена кибербуллинга, объединяющий подходы социальной психологии, информационных технологий, нейронаук и правоведения, позволяет выявить его глубинные механизмы. Так, модель

BGCM (Barlett and Gentile Cyberbullying Model) демонстрирует, как технологические особенности онлайн-среды взаимодействуют с психологическими процессами: повторяющиеся акты кибербуллинга, опосредованные анонимностью и вирусностью цифровых платформ, формируют у агрессоров установку на ВИ-МОВ (Belief in the Irrelevance of Muscularity Online — «убежденность в незначимости физической силы в сети»). Это когнитивное искажение закрепляет автоматизацию агрессивного поведения через изменения в работе префронтальной коры и миндалевидного тела, ответственных за эмоциональный контроль и принятие решений. Параллельно правоведение акцентирует пробелы в регулировании таких действий, подчеркивая необходимость адаптации законодательных норм к цифровым реалиям. Таким образом, синтез дисциплин раскрывает системный паттерн: технологические возможности усиливают деиндивидуализацию, социально-психологические факторы нормализуют агрессию, а нейробиологические изменения закрепляют её как устойчивую поведенческую схему. Эмпирические данные, полученные методами анализа естественного языка (Natural Language Processing, NLP) в цифровом пространстве (точность классификации семантики угроз — 91%), подтверждают гипотезу о лингвистической специфике цифрового насилия, проявляющейся в использовании вербальных отклонений со скрытым эмоциональным подтекстом (например, «троллинг-реплики» в 67% случаев) (Chen et al., 2021). Нейробиологические исследования выявили корреляцию между кибербуллингом и активацией миндалевидного тела и передней поясной коры, что объясняет феномен «цифровой гиперчувствительности» — усиления тревожных реакций у жертв даже при минимальных триггерах (Kowalski et al., 2014). Эти данные пересекаются с правоведческими аспектами: анализ австралийского Online Safety Act 2021 демонстрирует эффективность механизмов экстренного удаления контента (78% успешных кейсов), однако их адаптация к российской и казахстанской правовой практике требует учета культурных особенностей. Например, доминирование платформ

VK и Telegram (87% пользователей в РФ) создает уникальные риски из-за слабой модерации закрытых чатов, а этническая маргинализация актуализирует необходимость этнокультурной адаптации профилактических программ (Солдатова и др., 2019). Ключевой парадокс кибербуллинга проявляется в динамике ролевых переходов: заметная доля жертв со временем сами принимают роль агрессоров. Эта динамика усугубляется широко распространенной пассивностью свидетелей в цифровой среде, что существенно усиливает проявление «эффекта цифровой толпы» (Skilbred-Fjeld et al., 2020). Это требует переосмысления профилактических стратегий, смещающей фокус с технических решений (блокировка аккаунтов, эффективность = 78%) на формирование цифровой устойчивости через тренинги эмпатии и когнитивной реструктуризации (Dehue et al., 2008; Крюкова, 2008). Наконец, актуальность подкрепляется культурной спецификой РФ: преобладание VK и Telegram, этническая маргинализация и низкое доверие к институтам (Солдатова, Рассказова, 2023). Эти факторы диктуют необходимость адаптации зарубежных моделей (KiVa, Media Heroes) с учетом локальных коммуникативных паттернов и правовых реалий. Таким образом, исследование кибербуллинга выступает не только ключевой задачей современной науки, но и социальной миссией, направленной на сохранение психического здоровья поколения, формирующегося в эпоху цифрового дисбаланса.

1.1.1 Эпистемологические границы кибербуллинга: уникальные характеристики и отличия от традиционного буллинга

Кибербуллинг не является простым механическим переносом традиционного буллинга в онлайн-пространство (Barlett, 2023). Его эпистемологические границы определяются уникальными характеристиками, трансформирующими природу, масштаб и последствия агрессии. Если классический буллинг, описанный Ольвеусом, базируется на физическом или социальном доминировании в локальных контекстах (Olweus, 2002),

кибербуллинг формирует иную экологию взаимодействий, где власть опосредована технологиями, а травля приобретает глобальный и устойчивый характер. Ключевые критерии буллинга — повторяемость, дисбаланс власти и целенаправленность действий — в цифровой среде переосмыливаются. Дисбаланс власти реализуется через техническое превосходство (использование VPN, ботов) или контроль над приватными данными (доксинг), а не физическую силу (Barlett, 2023; Hinduja & Patchin, 2013; Hinduja & Patchin, 2008). Эмпирически доказано, что вера в нерелевантность физической силы (BI-MOB) формируется уже после 3–5 эпизодов кибербуллинга, что подчеркивает роль технологий в перераспределении власти (Barlett, 2023; Barlett & Kowalewski, 2019). Повторяемость в кибербуллинге не всегда связана с многократными действиями агрессора: вирусность контента (≥ 500 просмотров за 48 часов) создает эффект цифровой перманентности (digital permanence, DP) — долговременного сохранения цифрового следа, — что продлевает травматический опыт жертвы (Langos, 2012; Nocentini et al., 2010). При этом преднамеренность усиливается анонимностью: 70% агрессоров используют фейковые аккаунты, что снижает эмпатию на 41%, формируя уникальный паттерн агрессии, который будет подробно рассмотрен в контексте психологических механизмов (Blinova & Gurina, 2023; Suler, 2004). Структурные особенности цифровой среды — анонимность, вирусность и круглосуточная доступность — формируют эпистемологический разрыв между феноменами. Анонимность не только маскирует личность агрессора, но и усиливает поведенческую расторможенность через механизмы онлайн-дизингибиции (online disinhibition, OD) — снижения психологических барьеров в цифровой среде (Sticca, Machmutow et al., 2015; Sticca, Ruggieri et al., 2015; Suler, 2004). Регрессионный анализ подтверждает умеренно сильную положительную связь между анонимностью и проявлениями OD, что кардинально отличает кибербуллинг от офлайн-агressии. Вирусность контента радикально расширяет аудиторию: единичный пост может достичь 10,000+ просмотров за

24 часа, что в 7.2 раза превышает охват традиционного буллинга (Slonje et al., 2013; Nazarov & Авербух, 2023). Устойчивость цифрового следа (63% жертв отмечают сохранение материалов >6 месяцев) создает эффект «вечной травмы» (Tokunaga, 2010), отсутствующий в онлайн-контекстах, где конфликты локализованы во времени и пространстве (Fulantelli et al., 2022). Психосоциальные и нейрокогнитивные различия между феноменами также значимы. Ролевая динамика в 3.8 раза превышает аналогичные показатели при традиционном буллинге. Этот феномен объясняется деиндивидуализацией и автоматизацией агрессивных когнитивных схем (Barlett & Kowalewski, 2019; Barlett et al., 2019). Снижение эмпатии у агрессоров и гипервозбудимость миндалевидного тела у жертв формируют нейробиологический разрыв, подчеркивающий уникальность кибербуллинга (McLoughlin et al., 2020; Шибкова и др., 2021). Стратегии преодоления также различаются: 68% жертв кибербуллинга полагаются на технические решения (блокировка), тогда как при онлайн-буллинге 54% ищут социальную поддержку, что отражает трансформацию механизмов адаптации в цифровой среде (Vandebosch & Van Cleemput, 2008). Эпистемологические границы кибербуллинга проявляются в методологических и правовых аспектах. Терминологическая путаница осложняет как исследования, так и правоприменение (Blinova & Gurina, 2023), что актуализирует необходимость законодательных реформ (Lerner et al., 2018). Культурная специфика терминологии (например, «Cyber-Mobbing» в Германии / «acoso» в Испании) требует кросс-культурной адаптации критериев, что будет раскрыто в сравнительном анализе международных практик (Nocentini et al., 2010). В РФ 62% случаев остаются латентными из-за страха стигматизации, а правовые пробелы снижают эффективность правоприменения. Технологическая опосредованность остается ключевым дифференцирующим фактором кибербуллинга, неразрывно связанного с цифровыми платформами. Алгоритмы рекомендаций усиливают показ агрессивного контента на 23–41%, создавая «фильтрующие пузыри» (filter bubbles, FB) — алгоритмически генерируемые информационные изоляторы,

ограничивающие контентное разнообразие (Ross Arguedas et al., 2022). Регрессионный анализ подтверждает, что «фильтрующие пузыри» способствуют нормализации насилия. В отличие от буллинга, где вмешательство педагога может локализовать конфликт, кибербуллинг требует коллaborации с ИТ-компаниями для удаления контента и использования AI-моделей, что подчеркивает необходимость междисциплинарных решений (Balcombe & De Leo, 2023). Таким образом, кибербуллинг не является подкатегорией буллинга, а представляет собой самостоятельный феномен с уникальной экосистемой. Его эпистемологические границы определяются не только технологическими параметрами, но и трансформацией социальных динамик, где цифровая среда становится пространством устойчивой травли с глобальными последствиями. Это требует ревизии теоретических моделей и методологий, выходящих за рамки классических парадигм агрессии, что будет подробно аргументировано в последующих разделах. Теоретическое осмысление феномена буллинга и кибербуллинга прошло эволюцию от узконаправленных психологических концепций к междисциплинарным моделям, интегрирующим социальные, технологические и нейробиологические аспекты. В 1970–1990-х годах Дэн Ольвеус заложил основы концепции буллинга, определив его через триаду критериев: дисбаланс власти (power imbalance), повторяемость (repetitiveness), интенциональность (intentionality — преднамеренное причинение вреда) (Olweus, 2002). Его работы акцентировали роль социальной иерархии в школьной среде, где физическое или психологическое доминирование агрессора формировало устойчивые паттерны виктимизации. Однако цифровая революция начала 2000-х трансформировала ландшафт агрессии: исследования Хиндуджа и Патчина ввели термин «кибербуллинг», выделив анонимность, устойчивость контента и глобальную аудиторию как ключевые дифференцирующие факторы (Hinduja & Patchin, 2008; Hinduja & Patchin, 2013; Hinduja & Patchin, 2018). Теория онлайн-дизингибиции (Online Disinhibition Theory, ODT; Suler) — концептуальная модель, объясняющая

снижение психологических барьеров в цифровой среде — впервые описала, как отсутствие визуального контакта и анонимность снижают эмпатическую реактивность (Suler, 2004). Эмпирические исследования подтверждают: это повышает частоту агрессивных актов на 41% (в сравнении с онлайн-взаимодействиями) (Blinova & Gurina, 2023). 2010-е годы ознаменовались интеграцией нейронаук в изучение кибербуллинга. Параллельно модель BGCM раскрыла механизмы автоматизации агрессии через повторяемость действий (BI-MOB), усиливая деиндивидуализацию (Barlett et al., 2017).

2020-е годы, эпоха AI, привнесли новые вызовы: deepfake-буллинг и алгоритмическое усиление агрессии через рекомендательные системы (Balcombe & De Leo, 2023; Chen et al., 2021). Исследования Balcombe & De Leo (2023) показали, что алгоритмы соцсетей повышают видимость эмоционально заряженного контента, нормализуя агрессивные паттерны в закрытых сообществах. При этом AI-модерация, хотя и достигает точности 91% (BERT-модели, Bidirectional Encoder Representations from Transformers — двунаправленные презентации кодировщика для трансформеров, которые являются продвинутыми алгоритмами и умеют анализировать текст и контекст), сталкивается с этическими дилеммами: 23% ложных срабатываний у LGBTQ+ подростков, что требует баланса между автоматизацией и гуманитарной экспертизой (Balcombe & De Leo, 2023). Международный контекст демонстрирует полярность подходов. В ЕС программы KiVa (аббревиатура выражения Kiusaamista Vastaan, что означает «против издевательств»), основанные на формальной поддержке (ФП) и эмпатии, снизили уровень агрессии на 30–50%, а инициатива Klicksafe интегрировала медиаграмотность в образовательные стандарты (Salmivalli et al., 2014). В США акцент сместился на правовое регулирование: криминализация кибераутинга (Citron, 2014) и доксинга через законы о приватности (например, ст. 197 УК Испании) повысили отчетность на 34%. В РФ, однако, сохраняются системные пробелы из-за архаичности УК РФ, трактующей кибербуллинг как «клевету», что ограничивает эффективность правоприменения (Blinova &

Gurina, 2023). Культурная специфика усугубляет проблему: а доминирование платформ VK и Telegram требует адаптации западных моделей модерации (Soldatova & Rasskazova, 2021). Историография вопроса подчеркивает, что теоретически углубленный анализ каждого этапа эволюции феномена кибербуллинга: от первоначальных психосоциальных моделей Олвеуса до современных нейрокогнитивных и AI-ориентированных исследований — отражает ответ науки на вызовы цифровой эпохи, где агрессия трансформируется, но сохраняет ядро власти, контроля и маргинализации. Преодоление кризиса цифровой экспансии требует синтеза технологических инноваций, междисциплинарных исследований и культурно-чувствительных правовых реформ, направленных на восстановление субъектности жертв в цифровом пространстве. Круглосуточная доступность жертвы стирает границы между публичным и приватным пространством, лишая жертву «безопасных зон» (Balcombe & De Leo, 2023). Постоянное присутствие агрессии в цифровой среде, включая уведомления, репосты и комментарии, активирует миндалевидное тело жертв, что объясняет хроническую гипервозбудимость и эмоциональное истощение (McLoughlin et al., 2020; Kim et al., 2018). Этот феномен, описанный в модели стресса Лазаруса и Фолкмана, приводит к формированию «выученной беспомощности» (Skilbred-Fjeld et al., 2020; Бердышев & Нечаева, 2020). Актуальность изучения социально-информационного контекста обусловлена его ролью в трансформации кибербуллинга в инструмент социального контроля и маргинализации (Воликова et al., 2015; Balcombe & De Leo, 2023). Таким образом, социально-информационный контекст не только расширяет классические рамки буллинга, но и создает условия для системной виктимизации, требующей переосмыслиния правовых, образовательных и технологических стратегий. С позиций социальной психологии ключевое значение приобретает теория социального обучения Бандуры, объясняющая нормализацию агрессии через наблюдение за моделями поведения (сверстники, медиа) и подкрепление (Bandura et al., 1963; Barlett & Kowalewski, 2019). Эмпирически доказано, что

восприятие социальных норм, одобряющих кибербуллинг, коррелирует с его совершением (Hinduja & Patchin, 2013). Модель Барлетта-Джентиле (BGCM) дополняет эту парадигму, акцентируя роль когнитивных схем, таких как (ВИМОВ). Автоматизация агрессивных установок через повторяемость действий и онлайн-дизингибация (Suler, 2004) усиливают деиндивидуализацию, что подтверждается снижением эмпатии у 68% агрессоров после 5–7 актов кибербуллинга (Gentile & Gentile, 2022).

Правовой аспект раскрывает диссонанс между технологическими возможностями и законодательными рамками. В отличие от австралийского Online Safety Act 2021, обязывающего платформы удалять контент за 24 часа (эффективность = 78%), российские инициативы фокусируются на цифровой грамотности, что недостаточно для противодействия доксингу (22% случаев) и анонимным атакам (Nazarov & Averbukh, 2023). Нейронауки вносят вклад в понимание долгосрочных последствий кибербуллинга. Гиперактивность миндалевидного тела у жертв коррелирует с повышенной тревожностью (56.6%) и суициальными мыслями (11.1%), что объясняет нейробиологическую основу «выученной беспомощности» (McLoughlin et al., 2020). Эти выводы подчеркивают необходимость интеграции нейрокогнитивных методов функциональной магнитно-резонансной томографии (functional Magnetic Resonance Imaging, fMRI) в программы реабилитации. Трехуровневая трактовка кибербуллинга отражает его масштабируемость:

Локальный уровень: в рамках школьных чатов, наблюдается закрытость сообществ и ролевая лабильность. Это проявляется в значительной доле пассивных свидетелей кибербуллинга, а также в заметной тенденции, когда жертвы впоследствии сами становятся агрессорами (Skilbred-Fjeld et al., 2020).

Масштабный уровень включает систематические атаки в соцсетях, такие как доксинг, усиленные алгоритмами, продвигающими конфликтный контент (Ross Arguedas et al., 2022).

Глобальный уровень проявляется в транснациональных кампаниях ненависти и deepfake-буллинге, где вирусность контента создает эффект «цифровой устойчивости» (Fulantelli et al., 2022).

Дифференциация стратегий преодоления включает: технико-правовые меры: блокировка аккаунтов, AI-модерация, гармонизация законодательства с акцентом на проксимальные факторы (анонимность, вирусность). Социально-психологические интервенции: тренинги эмпатии, снижающие агрессию (Кривцова et al., 2016; Удалов, 2019), и когнитивно-поведенческая терапия, направленная на деавтоматизацию агрессивных паттернов (Кривцова et al., 2016). Эти подходы можно рассматривать как формы близкой поддержки (БП), направленной на непосредственное взаимодействие с подростками и развитие их личностных ресурсов. Междисциплинарный подход не только раскрывает многомерность кибербуллинга, но и формирует основу для синтеза профилактических стратегий, сочетающих технологические инновации, правовые реформы и нейropsихологическую реабилитацию. Таким образом, эпистемологические границы кибербуллинга как самостоятельного феномена детерминируются следующими взаимосвязанными критериями: 1) целенаправленностью действий, позволяющей дифференцировать систематический кибербуллинг от спонтанной киберагgression; 2) мотивационной структурой, выявляющей принципиальное различие между травлей, коренящейся в межличностном конфликте, и агрессией, спровоцированной абстрактными факторами; 3) правовыми и технологическими контекстами, опосредующими дисбаланс власти (прежде всего через анонимность и доксинг, составляющий 22% случаев в РФ) и определяющими специфические механизмы реализации агрессии. Выявленная сложность и специфика данных эпистемологических границ (целенаправленность, мотивация, контекст) закономерно обуславливает необходимость фундаментальной адаптации существующих исследовательских парадигм. В частности, это требует проведения кросс-культурной валидизации диагностических критериев кибербуллинга (Lerner et

al., 2018), что напрямую связано с учетом правовых и технологических контекстов (критерий 3), варьирующихся в разных регионах и на разных платформах (Soldatova & Yarmina, 2019).

1.1.2. Виды кибербуллинга

Кибербуллинг как многоаспектный феномен цифровой агрессии демонстрирует сложную систему классификации, включающую разнообразные формы, дифференцируемые по целям, методам и технологическим особенностям. Согласно исследованиям, ключевые виды кибербуллинга структурируются следующим образом:

Публичное унижение — распространение компрометирующей информации, фото или видео с целью социальной дискредитации жертвы. Типичными примерами выступают создание унизительных мемов, публикация личных переписок или видеофиксация моментов слабости (Doane et al., 2014). Эмпирические данные указывают на корреляцию этой формы с низкой самоэффективностью жертв (Antoniadou et al., 2016).

Распространение ложной информации — целенаправленное искарование фактов, создание фейковых профилей или слухов для подрыва репутации. Мотивационно данная форма чаще ассоциируется с местью ($OR = 2.3$ для женщин) (Tamrikulu & Erdur-Baker, 2021). Особенностью является использование асинхронной коммуникации, увеличивающей дефицит эмпатии у агрессоров (Barlett, 2023).

Анонимные угрозы — направленные на запугивающие сообщения, отправляемые через фейковые аккаунты или шифрованные платформы. Анонимность, по модели Suler (2004), усиливает онлайн-расторможенность, снижая эмпатию. Технические инструменты (VPN, боты) создают иллюзию безнаказанности, повышая частоту атак (Barlett, 2023; Barlett et al., 2017).

Социальная эксклюзия — систематическое исключение из онлайн-сообществ, групповых чатов или игровых платформ. Эта форма реляционной агрессии коррелирует с гендерными паттернами: девушки чаще используют

косвенные методы, что отражает традиционные модели буллинга (Lerner et al., 2018; Crick & Grotjahn, 1995; Vandebosch & Van Cleemput, 2008).

Кибераутиг — несанкционированное раскрытие конфиденциальной информации (сексуальная ориентация, медицинские данные) для публичного унижения. В РФ 22% случаев связаны с доксингом, где агрессоры используют утечки данных для шантажа (Blinova & Gurina, 2023).

Киберсталкинг — навязчивое преследование через онлайн-платформы, включая слежку, рассылку угроз и вторжение в приватное пространство. Отличается от традиционного сталкинга глобальным масштабом воздействия и использованием геотегов (Barlett & Kowalewski, 2019). В 70% случаев агрессоры маскируют активность через фейковые аккаунты, что усложняет идентификацию (Suler, 2004).

Deepfake-буллинг — применение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) для создания компрометирующих фото/видео. Рост таких случаев на 58% в 2021–2023 гг. связан с доступностью алгоритмов на основе генеративно-состязательных сетей (generative adversarial networks, GANs) (Chen et al., 2021). Эффективность детекции остается низкой, требуя интеграции методов компьютерного зрения (computer vision, CV) и обработки естественного языка (natural language processing, NLP) (Balcombe & De Leo, 2023).

Фейк-травля — создание поддельных аккаунтов для имитации жертвы с целью распространения компрометирующего контента. Данная тактика усиливает эффект «вечной травмы» из-за устойчивости цифрового следа (Nazarov & Авербух, 2023). Мотивационные профили варьируются: мужчины чаще совершают кибербуллинг ради развлечения, женщины — из мести (Tamrikulu & Erdur-Baker, 2021). Культурные особенности также влияют на классификацию: в РФ 27% случаев связаны с этнической маргинализацией, тогда как в ЕС доминирует киберненависть — агрессия на почве религии, сексуальной ориентации или политических взглядов (Сочивко et al., 2020; Воликова et al., 2013; Fulantelli et al., 2022). Методологическая точность

анализа требует дифференциации кибербуллинга от смежных понятий. В отличие от киберагgressии — спонтанных актов причинения вреда — кибербуллинг направлен на конкретного человека и систематичен (Lerner et al., 2018). Троллинг, в свою очередь, лишен личной направленности, фокусируясь на провокации ради эскалации конфликтов (BilimLand, 2024; Buckels et al., 2014). Эмпирические данные подтверждают тяжесть последствий: 69.7% жертв демонстрируют клинически значимую депрессию, а 22% случаев в РФ сопровождаются доксингом, осложняя правовое преследование (Blinova & Gurina, 2023; Skilbred-Fjeld et al., 2020). Кибербуллинг не сводится к индивидуальным отклонениям, а формируется через динамическое взаимодействие когнитивных схем, технологических возможностей и социального подкрепления. Например, анонимность, будучи ключевым фактором (70% агрессоров используют фейковые аккаунты), не только снижает эмпатию, но и создает иллюзию безнаказанности, усиливая автоматизацию агрессивных паттернов (Gentile & Gentile, 2022). Ключевой задачей концептуализации кибербуллинга является его дифференциация от такого смежного феномена цифровой агрессии, как киберагgressия. Кибербуллинг, определяемый как систематическое, преднамеренное и повторяющееся причинение вреда конкретному лицу через электронные средства коммуникации (Barlett et al., 2017; Hinduja & Patchin, 2013; Hinduja & Patchin, 2014), принципиально отличается от киберагgressии — более широкого понятия, охватывающего все формы умышленного причинения вреда в цифровой среде, включая единичные акты, не образующие систематической травли (Tokunaga, 2010; Lerner et al., 2018). Например, киберагgressия может проявляться в спонтанных оскорблении в онлайн-дискуссиях, тогда как кибербуллинг предполагает целенаправленную травлю, основанную на личных характеристиках жертвы (пол, возраст, внешность), что подтверждается классификацией, где 43% случаев связаны с публичным унижением, а 27% — с социальной эксклюзией (Doane et al., 2014). В отличие от кибербуллинга, троллинг не фокусируется на конкретной жертве, а

стремится дестабилизировать коммуникацию через распространение абстрактной агрессии, что подтверждается мотивационными профилями: если кибербуллинг чаще мотивирован местью (у женщин) или развлечением (у мужчин), то троллинг коррелирует с «Тёмной триадой» личности (садизм, макиавеллизм) и поиском эмоционального возбуждения (Buckels et al., 2014; Tamrikulu & Erdur-Baker, 2021).

1.1.3. Различия в преодолении буллинга и кибербуллинга

Современные подходы к преодолению кибербуллинга требуют сочетания технологической точности и психосоциальной глубины, что реализуется через двухуровневую модель, интегрирующую технико-правовые и социально-психологические стратегии. Преодоление буллинга и кибербуллинга требует дифференцированных методов, учитывающих уникальные характеристики каждого феномена, включая пространственно-временные границы, ролевую динамику и технологические детерминанты. Традиционный буллинг, локализованный в физическом пространстве (школа, двор), предполагает прямые институциональные интервенции, такие как медиация конфликтов, вовлечение педагогов и родителей, а также программы развития эмпатии, доказавшие эффективность в снижении агрессии на 30–50% (Salmivalli et al., 2014; Williford et al., 2012). Например, программа KiVa, основанная на принципах социального обучения, фокусируется на изменении групповых норм через обучение наблюдателей активному противостоянию (АП) агрессии (Salmivalli et al., 2014). Ключевым элементом становится формирование школьного климата, поощряющего вмешательство свидетелей, чья пассивность в 44.5% случаев кибербуллинга объясняется «диффузией ответственности» и анонимностью цифровой среды (Macháčková et al., 2013; Nazarov & Averbukh, 2023). В российском контексте адаптация подобных программ требует учета культурных норм, таких как преобладание коллективистских установок и низкий уровень доверия к институциональным механизмам, что подтверждается данными о 45% жертв, избегающих

обращения за формальной поддержкой (ФП) (Soldatova et al., 2019; Бердышев & Нечаева, 2020). В отличие от этого, кибербуллинг, характеризующийся анонимностью агрессоров (70% случаев), вирусностью контента и глобальным масштабом аудитории, требует интеграции технологических и правовых мер. Алгоритмическая модерация и автоматическое удаление вредоносного контента становятся критически важными, однако сталкиваются с проблемой распознавания культурных нюансов и завуалированной агрессии (Balcombe & De Leo, 2023; Chen et al., 2021). Технико-правовые стратегии, такие как блокировка аккаунтов (78% эффективности) и применение BERT-моделей для семантического анализа сообщений (частота императивов: 2.3/100 слов), интегрируются в платформы типа Social Media Virtual Companion (SMVC), снижая частоту кибербуллинга на 31% (Balcombe & De Leo, 2023). Однако правовые инициативы, такие как австралийский Online Safety Act 2021, обязывающие платформы удалять контент за 24 часа (эффективность = 78%), контрастируют с российской практикой (Blinova & Gurina, 2023). Правовое регулирование кибербуллинга демонстрирует значительные кросскультурные различия, обусловленные культурными, институциональными и технологическими факторами. В РК с июня 2023 года вступил в силу Закон «О поправках по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей», который рассматривает кибербуллинг в контексте системного насилия, устранив требование о заявлении жертвы для возбуждения уголовных дел и вводя пожизненное заключение за тяжкие преступления против несовершеннолетних (Rakisheva et al., 2024). Трехуровневая система ответственности включает уголовную (ст. 131 УК РК), административную (ст. 73-3 КоАП РК) и гражданскую, однако практическая реализация сталкивается с проблемами: 50% оправдательных приговоров по делам частного обвинения из-за сложности сбора доказательств (невозможность самостоятельного установления IP-адресов) и коротких сроков давности (1 год для уголовных, 2 месяца для административных дел) (Tursunbayeva et al., 2021). Гражданские иски, требующие лингвистической экспертизы и нотариального заверения

доказательств, остаются наиболее эффективным механизмом, хотя суды редко удовлетворяют полные требования по моральному вреду. В России правовая база, опирающаяся на ст. 128.1 УК РФ («Клевета») и ст. 5.61 КоАП РФ («Оскорбление»), характеризуется низкой эффективностью: процент успешных дел (34%) существенно уступает европейским показателям (Blinova & Gurina, 2023). Ключевым отличием от ЕС, где Директива по цифровым услугам (DSA, 2022) обязывает платформы удалять противоправный контент за 24 часа, является распределение бремени доказывания: в РФ и РК оно полностью лежит на жертве, тогда как в Германии (§238 StGB – преследование) и Великобритании (Online Safety Act 2021) платформы несут ответственность за модерацию (Balcombe & De Leo, 2023). Сроки давности в ЕС (1–3 года) также более гибкие по сравнению с казахстанскими (1–2 месяца), что повышает вероятность привлечения агрессоров к ответственности. Профилактические стратегии отражают национальные приоритеты: РК акцентирует реабилитацию агрессоров через обязательную психокоррекцию, тогда как РФ делает упор на цифровую грамотность, демонстрируя 45% снижение вовлеченности подростков при внедрении тренингов (Дети России онлайн, 2020). Европейский вектор предполагает расширение определения кибербуллинга на deepfake-контент, доля которого выросла на 58% в 2021–2023 гг. (Chen et al., 2021). В РК ключевой задачей становится обучение судей цифровой экспертизе, в РФ — гармонизация законодательства в сфере защиты персональных данных с европейским регламентом GDPR (General Data Protection Regulation), а в ЕС — разработка этических стандартов для AI-модерации, минимизирующих ложные срабатывания (23% для групп риска LGBTQ+подростки) (Balcombe & De Leo, 2023). Эти меры требуют междисциплинарного подхода, объединяющего юриспруденцию, компьютерные науки и поведенческую психологию. Социально-психологические стратегии направлены на деавтоматизацию агрессивных паттернов и формирование цифровой эмпатии. Тренинги, основанные на визуализации последствий кибербуллинга (например, анализ

видео-кейсов), снижают агрессию на 37% (Кривцова et al., 2016), что согласуется с моделью BGCM (Barlett & Kowalewski, 2019), где осознание цифрового следа нивелирует деиндивидуализацию. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), адаптированная для работы с «триадой Б» (беспомощность, безнадежность, бессилие), демонстрирует снижение депрессии на 27% (Крюкова, 2008). Стратегии преодоления различаются: при традиционном буллинге 54% жертв полагаются на близкую поддержку (БП), тогда как в онлайн-среде доминируют технические решения (DeSmet et al., 2016). Однако нейрокогнитивные исследования выявили, что хронический стресс от кибербуллинга коррелирует с уменьшением объема гиппокампа, что требует интеграции методов, направленных на переформулирование атрибутивных стилей (McLoughlin et al., 2020). Культурная адаптация остается ключевым вызовом: в РФ тренинги цифровой этики должны учитывать доминирование VK и Telegram, а также этническую маргинализацию жертв (Воликова et al., 2013), тогда как в ЕС акцент смещается на медиаграмотность (Nocentini et al., 2010). Гибридные интервенции, сочетающие AI-анализ и школьные комитеты медиации, позволяют нивелировать «эффект ролевой лабильности». Устойчивость результатов требует синхронизации с семейной терапией, направленной на коррекцию проекции и регрессии (Демина & Ральникова, 2000). Таким образом, различия в преодолении буллинга и кибербуллинга отражают не только социокультурные, но и технологические, правовые и нейropsихологические аспекты. В соответствии с изученными исследованиями, эффективные стратегии должны сочетать алгоритмическую прозрачность, законодательную гармонизацию и развитие эмоционального интеллекта, учитывая, как глобальные тенденции, так и локальные особенности.

1.1.4. Терминологические аспекты: «копинг» / «совладающее поведение» в зарубежной и отечественной психологии

Кибербуллинг как форма цифровой агрессии является сложным социально-психологическим феноменом. Его анализ требует изучения не только структурных особенностей, но и стратегий копинга (преодоления), используемых подростками для минимизации негативных последствий. Концептуальные основы исследования стратегий преодоления кибербуллинга базируются на синтезе западных и отечественных подходов (см. табл. 1). Феномен стратегий преодоления стресса определяется различными терминами в зависимости от теоретической парадигмы. В зарубежной психологии доминирует термин «копинг» (англ. coping), введенный Р. Лазарусом и С. Фолкман (Lazarus & Folkman, 1984). Трансактная модель стресса и преодоления, разработанная Лазарусом и Фолкманом (далее L&F) составляет методологическую основу исследований копинг-стратегий, в том числе применительно к кибербуллингу (Folkman, 2010). Согласно модели, копинг определяется как «когнитивные и поведенческие усилия по управления внешними и внутренними требованиями, которые оцениваются как напрягающие или превышающие ресурсы личности» (Lazarus & Folkman, 1984, р. 141). Эти усилия направлены на решение двух ключевых задач: нейтрализацию проблемы (проблемно-ориентированный копинг) и регуляцию эмоционального состояния (эмоционально-ориентированный копинг) (Сочивко и др., 2020, с. 17). В рамках модели (L&F) акцент делается на динамическом взаимодействии между личностью и средой, где ключевую роль играет когнитивная оценка ситуации (первичная — как угрожающей или нет, вторичная — анализ доступных ресурсов). Ресурсный подход Хобфолла (Hobfoll, 1989) дополняет эту модель, акцентируя роль внешних и внутренних ресурсов, особенно социальных ресурсов (поддержка семьи) и цифровой компетентности. В условиях «анонимности и перманентности цифровой среды» ресурсный подход объясняет, почему одни подростки успешно

используют технические решения, а другие полагаются на активное игнорирование (АИ) (Сочивко и др., 2020). Культурные особенности (например, коллективизм в азиатских странах) также модифицируют ресурсы: семейная поддержка становится буфером стресса, снижая потребность в агрессивных стратегиях. Оба подхода вместе формируют целостную модель, где копинг (совладание)— это не только реакция на стресс, но и результат взаимодействия личностных, социальных и технологических ресурсов, определяемых контекстом, что позволяет рассматривать совладание как процесс, адаптивность которого зависит от контекста и индивидуальных особенностей. В отечественной традиции используется понятие «совладающее поведение», трактуемое Т.Л. Крюковой как «сознательное и целенаправленное поведение субъекта, позволяющее справиться со стрессом способами, адекватными личностным особенностям и ситуации» (Крюкова, 2008, с. 148).

Таблица 1. 1 - Сравнительный анализ терминов «копинг» и «совладающее поведение»

Критерий	Западный подход (копинг)	Отечественный подход (совладающее поведение)
Фокус	Когнитивное оценивание стресса	Активность субъекта в конструировании стратегий
Методологическая основа	Трансактная модель (Lazarus)	Психология субъекта (Рубинштейн, Брушлинский)
Ключевые авторы	Лазарус и Фолкман (1984)	Крюкова (2008), Анцыферова (1994)
Защитные механизмы	Отделены от копинга (бессознательные)	Рассматриваются в контексте адаптации

Различия в терминологическом аппарате исследований совладающего поведения, обусловленные методологическим диссонансом между западной и отечественной научными традициями, приобретают концептуальную

значимость при анализе причинно-следственных механизмов формирования жизненных траекторий. Если когнитивно-оценочная модель Лазаруса (Lazarus, 2020) акцентирует реактивную природу копинга как ответа на стрессоры через призму ситуационного оценивания, то российская психологическая школа, укорененная в субъектном подходе Рубинштейна и Брушлинского, концептуализирует личность как архитектора собственной жизненной стратегии (Анцыферова, 1994; Крюкова, 2008). Этот парадигмальный сдвиг от реактивности к проактивности находит выражение в типологии стратегий Анцыферовой (1994), где преобразующие действия (активное преобразование среды), когнитивное приспособление (реконфигурация смысловых конструктов) и вспомогательные приемы (эмоциональная саморегуляция) образуют триаду инструментов конструирования жизненного пути. Эмпирическим подтверждением деятельностной природы копинга выступают данные Сапоровской (2010), выявившей межпоколенческую передачу стратегий «поиска социальной поддержки» и «духовной опоры» у 55% российских женщин, что свидетельствует о культурно-исторической обусловленности паттернов преодоления через призму семейной динамики. Как отмечает Хазова (2009), в российском социокультурном контексте семья выполняет амбивалентную роль, выступая одновременно ресурсом адаптации и источником хронического стресса, что детерминирует специфику выбора копинг-стратегий. Таким образом, синтез субъектно-деятельностного подхода с анализом культурных подходов позволяет раскрыть причинно-следственные механизмы, посредством которых личность не просто реагирует на вызовы среды, но активно конструирует траекторию развития через выбор стратегий, укорененных в семейных и культурных нарративах (Анцыферова, 1994; Крюкова, 2008; Сапоровская, 2010). Защитные механизмы, в отличие от копинга, определяются как бессознательные, ригидные реакции, направленные на снижение тревоги через искажение реальности (например, отрицание, проекция). Ключевые различия между копингом и защитными

механизмами, по данным В.А. Ташлыкова (цит. по: Меркурьев, 2023, с. 50), включают осознанность (копинг — сознательные усилия; защиты — бессознательные), гибкость (копинг адаптивен к ситуации; защиты шаблонны) и временной эффект (копинг ориентирован на долгосрочную адаптацию; защиты дают краткосрочное облегчение) (Меркурьев, 2023). Эти различия приобретают особую значимость в исследованиях кибербуллинга. Например, подростки с низкой цифровой компетентностью чаще используют защитные механизмы (игнорирование, отрицание), тогда как развитые социальные ресурсы (поддержка семьи) способствуют выбору проблемно-ориентированного копинга (блокировка агрессора) (Perren et al., 2012; Soldatova & Yarmina, 2019). Культурно-исторический контекст также модифицирует паттерны: в колLECTивистских обществах (РФ, РК) семейные связи смягчают стресс, снижая потребность в защитных реакциях, тогда как в индивидуалистических культурах выше риск дезадаптивного избегания (Tursunbayeva et al., 2021; Хазова, 2009). Терминологический диссонанс отражает не только различия в акцентах (реактивность / проактивность), но и глубинные методологические расхождения в понимании природы стресса и адаптации. Интеграция этих подходов через призму культурно-исторической психологии и современных цифровых реалий позволяет разработать комплексные интервенции, сочетающие технические решения с укреплением социально-психологических ресурсов, минимизируя роль дезадаптивных защитных механизмов (Soldatova & Ilyukhina, 2025; Сапоровская, 2010). Таким образом, терминологический анализ стратегий совладания, основанный на синтезе зарубежных и отечественных подходов, подчеркивает их многомерную природу, где ключевую роль играют не только реактивность личности, но и её активность в конструировании адаптивных паттернов. Важно отметить, что в рамках данного исследования термин «копинг-стратегии» (англ. coping strategies) будет последовательно заменен на «стратегии преодоления» в соответствии с традицией отечественной психологии, где данный термин получил широкое распространение благодаря

работам Т.Л. Крюковой, Л.И. Анцыферовой и других исследователей. Это решение продиктовано стремлением к терминологической стандартизации и большей концептуальной ясности, учитывая, что оба понятия отражают сознательные усилия личности по управлению стрессовыми ситуациями. Для углубленного понимания эффективности этих стратегий в контексте кибербуллинга необходимо перейти к их систематизации, учитывающей как функциональную направленность, так и эмоционально-когнитивные механизмы регуляции. Согласно современной модели эмоциональной регуляции (Juvonen & Gross, 2008), стратегии преодоления преимущественно направлены на смягчение стрессовых реакций, тогда как регуляция эмоций предполагает управление их динамикой — от возникновения до изменения интенсивности и продолжительности. Это разграничение актуализирует вопрос о дифференциации адаптивных и малоадаптивных стратегий преодоления. Исследования демонстрируют, что к адаптивным стратегиям относятся осознанность и когнитивная переоценка, позволяющие трансформировать восприятие угрозы и снизить эмоциональную нагрузку (Juvonen & Gross, 2008; Lazarus, 2020). Напротив, навязчивые размышления, подавление мыслей и катастрофизация, усиливая негативные эмоциональные состояния, ассоциируются с дезадаптацией и долгосрочными психосоциальными рисками (Fischer et al., 2021). В свете этого классификация стратегий преодоления кибербуллинга приобретает особую значимость, так как позволяет не только структурировать эмпирические данные, но и выявить культурно-возрастные особенности их применения, что становится основой для разработки адресных интервенций.

1.2. Стратегии преодоления кибербуллинга: концептуализация и классификация

В таблице 1.2 систематизированы ключевые подходы, предложенные авторами, с указанием критериев классификации, примеров стратегий и их эффективности. Пояснения к таблице охватывают теоретические основы, методологические нюансы и практические выводы, объединяя выводы из 25 исследований (Lazarus & Folkman, 1984; Vandoninck & d'Haenens, 2015; Soldatova & Il'yukhina, 2025; Soldatova & Rasskazova, 2023; Soldatova & Yarmina, 2019; Ittel et al., 2014; Folkman, 2010; Dehue et al., 2008; Wright, 2015; Wright et al., 2021).

Историография изучения стратегий преодоления кибербуллинга демонстрирует динамику теоретико-методологических подходов, обусловленную как накоплением эмпирических данных, так и трансформацией цифровой среды. Основой для большинства исследований остаётся трансактная модель стресса и преодоления Лазаруса и Фолкмана (Lazarus & Folkman, 1984), предложившая дилемму проблемно-ориентированных (активное решение ситуации) и эмоционально-ориентированных (регуляция эмоций) стратегий. Однако критики отмечали её ограниченность в контексте цифровой среды, особенно в части игнорирования избегания и бездействия (Varjas et al., 2010). Отечественные исследователи расширили классическую модель: Л.И. Анцыферова (1994) ввела трёхкомпонентную типологию, разделив стратегии на преобразующие (воздействие на ситуацию), приспособление (изменение отношения) и вспомогательные приёмы (отвлечение, юмор), подчеркнув роль субъекта в конструировании жизненного пути (Анцыферова, 1994, с. 8–14). Т.Л. Крюкова (2008) дополнила классификацию избегающими стратегиями (пассивное отстранение), акцентировав осознанность и целенаправленность как ключевые критерии преодоления, а также зависимость эффективности от контекста: проблемно-ориентированное преодоление продуктивно в

контролируемых ситуациях, эмоционально-ориентированное — при невозможности влиять на стрессор (Крюкова, 2008, с. 150). Зарубежные исследователи предложили альтернативные классификации. Карвер (Carver, 1997) и Фолкман (Folkman, 2010) расширили спектр стратегий, включив религиозное обращение, потребление веществ и месть, однако эти формы критиковались за недостаточную дифференциацию адаптивных и дезадаптивных паттернов (Carver, 1997; Folkman, 2010). Перрен и др. (Perren et al., 2012) выделили четыре категории: 1) направленные на агрессора (конfrontация, ответные действия), 2) игнорирование (когнитивное дистанцирование, избегание платформ), 3) поиск поддержки (эмоциональная и инструментальная помощь), 4) технические решения (блокировка, изменение настроек приватности) (Perren et al., 2012).

Таблица 1.2 - Классификация стратегий преодоления и стратегий преодоления кибербуллинга по авторам и критериям

Авторы	Критерии классификации	Типы стратегий	Примеры стратегий	Эффективность
Лазарус и Фолкман (Lazarus & Folkman, 1984)	Ориентация на проблему/эмоции	1. Проблемно-ориентированные 2. Эмоционально-ориентированные	Блокировка агрессора, обращение за помощью; игнорирование, переоценка ситуации	Проблемно-ориентированные более эффективны (Völlink et al., 2013)
Хобфолл (Hobfoll, 1989)	Ресурсный подход	1. Социальные ресурсы 2. Личностные ресурсы	Поиск поддержки у семьи; саморегуляция, автономия	Социальная поддержка снижает стресс (Wright et al., 2021)
Анцыферова (1994)	Активность субъекта	1. Преобразующие 2. Приспособление 3. Вспомогательные приемы	Воздействие на ситуацию; изменение отношения; юмор, отвлечение	Преобразующие стратегии ориентированы на долгосрочную адаптацию, вспомогательные — на краткосрочное облегчение (Анцыферова, 1994, с. 8–14)
Карвер (Carver, 1997), Фолкман (Folkman, 2010)	Расширенная классификация	1. Религиозное обращение 2. Потребление веществ 3. Месть	Молитва; употребление алкоголя; ответная агрессия	Критикуются за дезадаптивность: месть снижает эффективность копинга, религиозное обращение

Авторы	Критерии классификации	Типы стратегий	Примеры стратегий	Эффективность
Продолжение Таблицы 1.2				не всегда дифференцируется (Нартова-Бочавер, 1997)
Крюкова (2008)	Функциональная направленность	1. Проблемно-ориентированные 2. Эмоционально-ориентированные 3. Избегающие	Активное решение проблемы; регуляция эмоций; пассивное отстранение	Проблемно-ориентированные эффективны в контролируемых ситуациях, эмоционально-ориентированные — при невозможности влиять на стрессор (Крюкова, 2008, с. 150)
Перрен и др. (Perren et al., 2012)	Направленность действий	1. На агрессора 2. Игнорирование 3. Поиск поддержки 4. Технические решения	Конfrontация; когнитивное дистанцирование; обращение к друзьям; изменение настроек	Технические решения и поддержка эффективны; конфронтация редко работает
Махачкова и др. (Macháčková et al., 2013)	Эффективность в зависимости от тяжести	1. Технические решения 2. Социальная поддержка 3. Когнитивное дистанцирование	Блокировка контактов; обращение к друзьям; рационализация ситуации	Технические методы эффективны при единичных атаках; когнитивные — менее результативны

Авторы	Критерии классификации	Типы стратегий	Примеры стратегий	Эффективность
Продолжение Таблицы 1.2 Иттель и др. (Ittel et al., 2014)	Эмоциональные реакции и роли участников	1. Социальные 2. Технические 3. Беспомощность	Обсуждение с родителями; изменение настроек; игнорирование	Эмоциональные реакции (гнев) коррелируют с выбором стратегий
Вандонник и д'Аненс (Vandoninck & d'Haenens, 2015)	Типология для цифровой среды	1. Проактивные 2. Коммуникативные 3. Избегание 4. Безразличие	Настройка приватности; обсуждение с родителями; временный уход из сети; игнорирование	Проактивные стратегии снижают стресс; избегание эффективно при незначительных рисках
Стикка и др. (Sticca et al., 2015)	Многомерность стратегий (CWCBQ)	1. Дистальный совет 2. Ассертивность 3. Беспомощность/самообвинение 4. Активное игнорирование 5. Ответные действия 6. Близкая поддержка 7. Техническое преодоление	Обращение к учителям; ассертивность; прямое противостояние; самообвинение; блокировка агрессора	Активные стратегии (ассертивность, техническое преодоление) эффективны; избегание усиливает дистресс (Sticca et al., 2015)

Авторы	Критерии классификации	Типы стратегий	Примеры стратегий	Эффективность
Продолжение Таблицы 1.2 Чуа и др. (Chua et al., 2018)	Связь с суицидальными идеями	1. Избегание 2. Социальная поддержка 3. Решение проблем	Игнорирование; обращение к друзьям; попытки разрешить конфликт	Избегание усиливает риск суицидальных мыслей ($\beta=0.120$)
Солдатова, Ярмина (2019)	Активность реакции	1. Активные 2. Пассивные 3. Избегающие	Блокировка, месть; игнорирование; временный отказ от интернета	Активные стратегии минимизируют ущерб
Райт и др. (Wright et al., 2021)	Родительская медиация и семейная поддержка	1. Инструктивная медиация 2. Рестриктивная медиация	Обучение цифровой безопасности; ограничение доступа	Инструктивная медиация усиливает адаптацию; рестриктивная снижает автономность
Фулантелли и др. (Fulantelli et al., 2022)	Формы киберагрессии	1. Вербальная агрессия 2. Имитация личности 3. Распространение информации	Ответные угрозы; создание фейков; удаление личных данных	Технические методы (блокировка) наиболее эффективны

Авторы	Критерии классификации	Типы стратегий	Примеры стратегий	Эффективность
Продолжение Таблицы 1.2 Нуна и др. (Nuna et al., 2023)	Гендерные различия	1. Мужские (блокировка, конфронтация) 2. Женские (профессиональная помощь)	Удаление профиля; обращение к психологам	Гендерно-специфичные стратегии требуют дифференцированного подхода
<i>Примечание:</i> Стикка и др. (Sticca et al., 2015) разработали опросник CWCQ, включающий 7 субшкал, что отражает многомерный подход к классификации стратегий. Эффективность стратегий подтверждается данными о том, что активные методы (например, техническое преодоление) снижают эмоциональный ущерб, тогда как пассивные (беспомощность) коррелируют с негативными исходами (Sticca et al., 2015).				

Вандонник и д'Аненс (Vandoninck & d'Haenens, 2015) разработали многомерную модель, объединив вовлечённость/отстранённость и технические/нетехнические меры, что подчеркнуло ситуативность и комбинаторность стратегий (Vandoninck & d'Haenens, 2015). Эмпирические исследования актуализировали необходимость валидных инструментов оценки. Стикка и др. (Sticca et al., 2015) создали опросник (CWCBQ), включающий субшкалы дистального совета, ассертивности и технического преодоления (Sticca et al., 2015). На его основе (CWCBQ), нами предложена четырёхфакторная модель для русскоязычных подростков, интегрирующую близкую поддержку, активное противостояние, активное игнорирование и дистальный совет (см. приложение 2). Эффективность стратегий демонстрирует возрастную и культурную динамику. У подростков преобладают эмоционально-ориентированные стратегии и поиск поддержки, что связано с незрелостью когнитивного контроля (Хазова, 2009; Armstrong et al., 2019; Меркурьев, 2023). Взрослые чаще используют проблемно-ориентированное преодоление, пожилые — духовно-религиозные формы (Нартова-Бочавер, 1997). В коллектиivistских культурах (РФ, РК) выше значимость социальной поддержки (Сапоровская, 2010; Armstrong et al., 2019), тогда как в индивидуалистических обществах поощряется самостоятельность (Lazarus, 2020). Например, в России межпоколенческая передача паттернов «поиска общественной поддержки» и «духовной опоры» по женской линии достигает 55% (Сапоровская, 2010, с. 188). Критика западных моделей (Лазарус, Фолкман) связана с их фрагментарностью и игнорированием биографического контекста. Как подчёркивает Л.И. Анцыферова (1994), анализ трудных ситуаций требует учёта ценностно-смысловой системы субъекта и историко-культурного опыта (Анцыферова, 1994, с. 9). Например, в условиях социальных кризисов (Россия 1990-х) доминируют стратегии, сочетающие активное преобразование и духовное приспособление (Анцыферова, 1994, с. 18). Отечественные исследования (Крюкова, Сапоровская, Хазова) (Крюкова, 2008; Сапоровская, 2010; Хазова, 2009) интегрируют западные концепции с теорией субъекта, выделяя:

- Межпоколенческую передачу паттернов через подражание и идентификацию (Сапоровская, 2010);
- Специфику институционального воспитания: подростки из интернатов чаще используют деструктивные стратегии (курение, драки), тогда как школьники из семей применяют проблемно-ориентированные методы (75,4%) (Хазова, см. табл. 1.2) (Хазова, 2009). Эмпирические данные подтверждают, что ответная агрессия (месть) снижает эффективность преодоления, а решение проблем повышает адаптацию (Armstrong et al., 2019). Ресурсный подход Хобфолла (Hobfoll, 1989) дополняет трансактную модель, акцентируя роль социальных связей: в коллектиivistских культурах семейная поддержка смягчает последствия виктимизации (Tursunbayeva et al., 2021), в индивидуалистических — выше доверие к формальным институтам. Таким образом, современные классификации отражают многомерность феномена, объединяя теоретические модели (трансактная, ресурсная) с кросс-культурными и возрастными данными. Однако сохраняются методологические вызовы: необходимость лонгитюдных исследований, культурно-адаптированных инструментов (например, CWCBQ) и интеграции нейробиологических и алгоритмических методов для анализа цифровой среды (Fulantelli et al., 2022). Эффективность стратегий зависит от контекста. Технические решения, такие как блокировка агрессоров, демонстрируют высокую эффективность в прекращении травли (Perren et al., 2012; Livingstone et al., 2021), тогда как избегание и пассивное игнорирование часто коррелируют с усилением виктимизации (Völlink et al., 2013; Jacobs et al., 2014). Социальная поддержка, особенно со стороны сверстников, снижает эмоциональный стресс, однако обращение к учителям или родителям остаётся малоэффективным из-за цифрового разрыва поколений (Pabian & Vandebosch, 2019; Soldatova et al., 2019). Гендерные различия системно проанализированы в параграфе 1.1.4. Исследование Иттель и др. (Ittel et al., 2014) выявило, что эмоциональные реакции (гнев, беспомощность) и ролевая динамика (агрессор, жертва, наблюдатель) существенно влияют на выбор стратегий, что требует учета контекста кибербуллинга в профилактических программах (Ittel et al., 2014).

Культурные паттерны формирования совладающего поведения в РФ и РК не сводятся к простой дилемме «индивидуализм-коллективизм». Мы исходим из современных моделей (Triandis, 1995; Schwartz, 2012), рассматривающих культуры как гибридные системы. Россия и Казахстан не являются полярными типами, но обладают разной конфигурацией коллективистических и индивидуалистических черт. В России это проявляется в сочетании ценностей самоутверждения с высокой дистанцией власти (Hofstede Insights, 2023), что формирует уникальный социальный контекст. Это подтверждается данными исследований, где российские подростки чаще полагаются на «формальная поддержка» (обращение к педагогам), в то время как казахстанские — на близкую поддержку семьи (Солдатова и др., 2019). Работы Мендез и др. (Mendez et al., 2016) подчеркивают, что этнически мотивированный кибербуллинг требует специфических стратегий, таких как проактивное решение проблем и социальная поддержка, тогда как избегание усугубляет эмоциональный стресс. Таким образом, концептуальный фундамент исследования стратегий преодоления кибербуллинга интегрирует трансактные, ресурсные, культурно-обусловленные и ролевые модели, что позволяет учитывать многоуровневую природу феномена. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на субъективной оценке эффективности стратегий самими подростками (Macháčková et al., 2013), роли цифровой автономии (Mackenzie et al., 2020) и разработке интервенций, сочетающих технические решения с укреплением социально-психологических ресурсов.

1.2.1. Культурно-обусловленные паттерны преодоления: от коллективизма до цифровой автономии

Теоретические модели, представленные в параграфе 1.1.4, формируют концептуальную основу для анализа стратегий преодоления кибербуллинга. Однако их универсальность требует культурно-гендерного анализа, раскрывающего опосредующую роль социокультурного контекста. Культурные нормы (коллективизм/индивидуализм, дистанция власти, религиозность) и гендерные роли образуют взаимосвязанную инфраструктуру совладающего

поведения, где их раздельное рассмотрение приводит к методологическим редукциям. Так, дихотомия проблемно- и эмоционально-ориентированных стратегий (Lazarus & Folkman, 1984) модифицируется в коллективистских обществах за счет акцента на социальных ресурсах (семья, клан), что согласуется с ресурсным подходом Хобфолла (Hobfoll, 1989). Например, в РК семейные связи не только смягчают стресс (Tursunbayeva et al., 2021), но и трансформируют проблемно-ориентированное преодоление в гибридные стратегии, сочетающие технические решения (блокировка агрессора) с эмоциональной регуляцией через семейные нарративы (Сапоровская, 2010). В РФ, несмотря на формальный коллективизм, высокая дистанция власти усиливает автономизацию подростков, что объясняет преобладание формальной поддержки (ФП) (обращение к педагогам) и активного игнорирования (АИ) (Soldatova et al., 2019), что перекликается с идеей субъектной активности в работах Крюковой (Крюкова, 2008). Культурные паттерны формируют инфраструктуру совладания — от выбора стратегий до оценки их эффективности и также раскрывают противоречия в классических моделях. Например, избегание, критикуемое в западных исследованиях как дезадаптивное (Völlink et al., 2013), в азиатских культурах может быть адаптивным через механизмы «сохранения лица» (Luo et al., 2023), что подчеркивает необходимость синтеза трансактной модели с культурно-деятельностным подходом (Выготский, Леонтьев) (Выготский, 1983; Леонтьев, 2020). Эмпирические данные о межпоколенческой передаче стратегий (Сапоровская, 2010) и цифровой автономии (Mackenzie et al., 2020) демонстрируют, как историко-культурный контекст опосредует выбор стратегий преодоления: в РК клановые модели поддержки снижают риски виктимизации, тогда как в РФ институциональные разрывы усиливают деструктивные паттерны (Tursunbayeva et al., 2021; Soldatova & Rasskazova, 2023; Хазова, 2009). В коллективистских обществах, таких как РК, семейно-клановые связи выступают буфером стресса, снижая потребность в дезадаптивных стратегиях (Tursunbayeva et al., 2021). Подростки здесь чаще интегрируют онлайн- и офлайн-поддержку: 58.6% обращаются к родственникам для разрешения конфликтов, сочетая технические

решения (блокировка агрессора) с эмоциональной регуляцией через семейные нарративы (Сапоровская, 2010). В РФ, несмотря на формально высокий индекс коллективизма (Hofstede Insights, 2023), доминирует гибридная модель: подростки сочетают активное игнорирование (АИ) с формальной поддержкой (ФП) (обращение к педагогам — 55%), что объясняется высокой дистанцией власти и нормативной автономизацией (Soldatova et al., 2019). Этнические и религиозные особенности модифицируют паттерны стратегий преодоления. Например, латиноамериканские подростки чаще обращаются к духовной поддержке (молитва, религиозные обряды) как способу совладания с кибербуллингом (Copeland & Hess, 1995), тогда как англоамериканцы склонны использовать юмор и когнитивное переосмысление ситуации для снижения эмоционального напряжения (Mackenzie et al., 2020). Эти различия подчеркивают необходимость учета культурно-специфичных ресурсов при разработке интервенций. В РК исламские нормы «чистоты» (Мамбеталина et al., 2020; Luo et al., 2023) усиливают избегание аморального контента (блокировка), тогда как в России православные практики (молитва) коррелируют с пассивным преодолением (Нартова-Бочавер, 1997). Межкультурные различия в цифровом поведении подростков демонстрируют противоречивые паттерны. В обществах, где доминирует логика интегрированного коллективизма, таких как РК (58.6%) и Кения (63.8%), гибридное взаимодействие (онлайн/оффлайн) коррелирует с семейно-клановыми связями, выступая буфером виктимизации (Nuna et al., 2023; Tursunbayeva et al., 2021). В индивидуалистических культурах Европы, например, в Сербии, 20% подростков-жертв кибербуллинга прибегают к курению и алкоголю, что отсутствует в азиатских выборках (Kangrga et al., 2024). В некоторых европейских странах раннее употребление алкоголя/курение социально приемлемо как способ «взросления», тогда как в азиатских культурах употребление алкоголя/курение подростками строго табуировано, что снижает распространенность независимо от виктимизации. Ролевая динамика (агрессор, жертва, наблюдатель) также детерминирует выбор стратегий. Исследования Иттель и др. демонстрируют, что эмоциональные реакции (гнев, беспомощность) и ролевая позиция влияют на

стратегии преодоления: жертвы чаще прибегают к избеганию ($\beta = 0.71$) (Ittel et al., 2014), агрессоры — к техническим решениям (настройка анонимности), а наблюдатели — к поиску поддержки (Sticca et al., 2015). В коллективистских культурах наблюдатели реже вмешиваются из-за страха нарушения групповой гармонии (Zhao & Yu, 2021), тогда как в индивидуалистических контекстах выше готовность к ассертивным действиям (Macháčková et al., 2013). Цифровая автономия — способность самостоятельно управлять онлайн-рисками через технические навыки и рефлексию (Mackenzie et al., 2020) — варьирует в зависимости от культурного контекста. В РК 63.8% подростков демонстрируют высокую цифровую грамотность, используя шифрование и настройки приватности (Alimzhanova, 2019), тогда как в России этот показатель ниже (48.2%), что коррелирует с преобладанием пассивных стратегий (игнорирование) (Völlink et al., 2013). Межпоколенческая передача паттернов, выявленная Сапоровской (2010), демонстрирует культурную специфику (Сапоровская, 2010): в постсоветских обществах цифровая автономия формируется на фоне противоречия между традиционными ценностями (семейная солидарность) и цифровой трансформацией (Сочивко et al., 2020). Например, российские подростки из интернатов чаще используют деструктивные стратегии (курение, драки — 75.4%), тогда как их казахстанские сверстники полагаются на расширенные социальные сети (Ламажаа, 2013). Таким образом, культурно-обусловленные паттерны не только конкретизируют теоретические положения параграфа, но и расширяют их, вводя новые измерения — от роли религиозных норм до алгоритмических влияний платформ. Этот синтез позволяет разработать комплексные интервенции, учитывающие как универсальные механизмы совладания, так и культурную специфику, что укрепляет методологическую базу диссертации и подчеркивает её научную новизну.

1.2.2. Гендерные паттерны преодоления: стратегии, эффективность и кросс-культурные особенности

Гендерные различия в стратегиях преодоления кибербуллинга детерминированы социокультурными ожиданиями и цифровым контекстом. Традиционная гендерная социализация, поощряющая эмпатию и кооперацию у девочек (Armstrong et al., 2019; Хазова, 2009), а также доминирование и автономию у мальчиков (Дейнека et al., 2020; Меркульев, 2023), детерминирует выбор стратегий: эмоционально-ориентированные методы (поиск социальной поддержки) (Eroglu et al., 2022), профессиональная помощь (Vandoninck & d'Haenens, 2015) / инструментальные (блокировка агрессоров) (Tursunbayeva et al., 2021; Kangrga et al., 2024). Ресурсный подход Хобфолла (Hobfoll, 1989) раскрывает, как социальные и технологические ресурсы опосредуют эти различия: ресурсный подход Хобфолла (Hobfoll, 1989) раскрывает, как социальные и технологические ресурсы опосредуют гендерные различия. В казахстанском контексте, для которого характерен интегрированный коллективизм, семейные связи снижают стресс у девочек через естественную интеграцию онлайн-преодоления с офлайн-вмешательством родственников (58.6% случаев) (Tursunbayeva et al., 2021). В российском контексте рефлексивного коллективизма акцент на личной ответственности и рациональном выборе ресурсов ограничивает спонтанное обращение к семье, усиливая зависимость от анонимных платформ и формальных институтов (55% «дистальный совет») (Сочивко et al., 2020). Эти данные согласуются с субъектно-деятельностным подходом (Анцыферова, 1994; Крюкова, 2008), где российские девочки реже обращаются к учителям, предпочитая анонимные онлайн-сообщества из-за страха осуждения, тогда как мальчики демонстрируют «парадокс маскулинности» — сочетание технической компетентности (блокировка агрессоров) с риском ответной агрессии, обусловленным нормативным давлением на демонстрацию силы (Меркульев, 2023). Кросс-культурный анализ подтверждает универсальность паттернов

(Copeland & Hess, 1995) и их культурную опосредованность: строгая оценка кибербуллинга через призму справедливости у девочек в Восточной Азии (Luo et al., 2023) / усиление киберагрессии среди мальчиков в Турции (Dehue et al., 2008). Культурные нормы маскулинности, даже в разных социальных контекстах, формируют агрессивные паттерны поведения у мальчиков в цифровой среде. В индивидуалистических культурах (РФ, США) гендерные различия выражены резче. В более коллективистской Турции аналогичные нормы маскулинности, лишённые этого противоречия, напрямую усиливают киберагрессию, подчёркивая универсальность связи гендерных ожиданий и онлайн-поведения. Таким образом, независимо от культурного типа, традиционные установки о мужской роли провоцируют рискованное поведение, но его формы варьируются: в одних случаях это реактивная агрессия, в других — активное доминирование (Dehue et al., 2008). Эти данные подчеркивают, что культурные ценности (коллективизм/индивидуализм) и гендерные роли опосредуют не только выбор стратегий, но и их психосоциальные последствия. Важно подчеркнуть, что культурные нормы коллективизма/индивидуализма не только формируют доступные стратегии, но и регламентируют их социальную приемлемость. Например, в Казахстане с его клановыми ценностями интеграция онлайн-преодоления с офлайн-вмешательством родственников становится для девочек социально санкционированным действием, тогда как в России акцент на индивидуальной ответственности вынуждает девочек минимизировать обращение к семье из-за страха стигматизации (Soldatova & Yarmina, 2019), усиливая их зависимость от анонимных цифровых платформ. Эффективность стратегий остаётся предметом дискуссий. Технические решения (блокировка, настройки приватности), активно используемые девочками (Vandoninck & d'Haenens, 2015), демонстрируют высокую результативность в прекращении травли (Livingstone et al., 2021; Macháčková et al., 2013), однако их применение может сопровождаться «цифровой паранойей» — навязчивым контролем онлайн-активности (Agustina, 2015). У мальчиков конфронтация часто приводит к эскалации: в 43% случаев ответная агрессия усиливала виктимизацию (Völlink et al., 2013). Избегание,

несмотря на критику за связь с депрессивными симптомами (Völlink et al., 2013), в контексте низкоинтенсивного буллинга может быть адаптивным (Vandoninck & d'Haenens, 2015), особенно при краткосрочном использовании. Социальная поддержка, вопреки утверждениям о её низкой эффективности из-за цифрового разрыва поколений (Сочивко et al., 2020), снижает стресс при условии инструктивной медиации родителей: активное вовлечение семьи в обучение цифровой безопасности повышало адаптацию подростков на 23% (Wright et al., 2021).

Возрастная динамика усугубляет различия. В младшем подростковом возрасте (11–13 лет) девочки активнее ищут родительскую поддержку (Jacobs et al., 2014), тогда как мальчики склонны к рационализации («это просто шутка» — Yang et al., 2018). К 14–17 годам гендерные паттерны кристаллизуются: девочки чаще используют гибридные стратегии (сочетание технических решений с эмоциональной регуляцией), а мальчики — инструментальные методы, включая месть (Armstrong et al., 2019) и создание фейковых аккаунтов (Fulantelli et al., 2022). Парадоксально, что мальчики чаще становятся жертвами кибербуллинга в контексте онлайн-игр (Huang & Chou, 2010; Lee & Shin, 2017), что противоречит тезису Айзенберг (Eisenberg et al., 2015) о защитной роли эмпатии у девочек. Исследования Ли и Шин (Lee & Shin, 2017) демонстрируют, что вовлеченность мальчиков в MMORPG (Massively Multiplayer Online Role-Playing Game) коррелирует с повышенным риском виктимизации из-за конкурентной среды и анонимности, нивелируя преимущества эмпатии как буферного фактора. Противоречия в исследованиях подчеркивают многомерность феномена. Парадокс критического мышления (Вихман, 2023) демонстрирует, что высокие когнитивные способности у девочек могут повышать уязвимость из-за гипертрофированной рефлексии, тогда как у мальчиков критическое мышление снижает риски. Культурный дуализм проявляется в Сербии, где 20% жертв-мальчиков прибегали к курению (Kangrga et al., 2024), что отсутствовало в азиатских выборках. В колLECTИВИстских обществах религиозность смягчает последствия виктимизации через механизмы прощения (Luo et al., 2023), но в индивидуалистических

контекстах усиливает стигматизацию обращения за помощью (Солдатова, 2018). Таким образом, гендерные паттерны преодоления, будучи универсальными в своей основе, требуют дифференцированного подхода с учётом культурных, возрастных и технологических факторов, что подтверждается данными кросс-культурных сопоставлений (см. Таблицу 1.2).

1.3. Социально-психологические предпосылки выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками

Изучая механизмы совладающего поведения, невозможно обойти вопрос о том, какие именно факторы формируют способность человека адаптироваться к угрозам цифровой среды. Эти условия, объединяющие как индивидуальные особенности (личностные черты, ценности, эмоциональный интеллект), так и внешние обстоятельства (социальные нормы, доступ к поддержке, культурный контекст), в психологической науке определяются как детерминанты, обуславливающие выбор стратегий поведения, формирование мотивации и развитие личности (Ярошевский, 1971; Зинченко, 2000). В контексте изучения кибербуллинга детерминанты выступают как системные условия, определяющие предрасположенность подростков к тем или иным способам реагирования на онлайн-агgression (Хломов et al., 2019; Hinduja & Patchin, 2008). Историко-теоретическая основа детерминизма демонстрирует эволюцию от механистических моделей (причинно-следственная связь «стимул-реакция»), восходящих к работам Демокрита и Эмпедокла, до комплексных подходов, интегрирующих биологические, социальные и когнитивные факторы (Ярошевский, 1971). Биopsихический детерминизм, развитый И.М. Сеченовым и Ч. Дарвином (Darwin, 1859; Сеченов, 1952), акцентирует роль врожденных механизмов, таких как гомеостаз (Cannon, 1932) и эволюционные адаптации (Darwin, 1859). Социопсихический детерминизм, представленный Э. Дюркгеймом, Л.С. Выготским и П. Жане, подчеркивает влияние социальной среды, культурных норм и межличностных взаимодействий (Выготский, 1983; Mead, 1934). Современные

исследования, включая теорию самодетерминации Деси и Райана (Deci & Ryan, 2000), признают взаимодействие внутренних (генетика, темперамент, самооценка) и внешних факторов (семейная среда, цифровые технологии), формирующих поведенческие стратегии (Bandura, 1986; Поскребышева & Карабанова, 2014).

Как отмечает В.П. Зинченко (2000), детерминизм не исключает свободы выбора: даже в условиях внешних ограничений человек способен к рефлексии и творческому преодолению ситуаций (Зинченко, 2000), что особенно актуально для подростков, сталкивающихся с кибербуллингом (Зинченко, 2000). Кибербуллинг, определяемый как умышленное и повторяющееся причинение вреда через цифровые устройства (Hinduja & Patchin, 2013; Tokunaga, 2010), требует анализа детерминант, таких как низкая самооценка, социальная изоляция и семейное неблагополучие (Tokunaga, 2010; Rean et al., 2021). Исследования (Deci & Ryan, 2000; Bandura, 1986) подтверждают, что выбор стратегий преодоления кибербуллинга обусловлен (Deci & Ryan, 2000; Bandura et al., 1963):

1. Потребностями в автономии, компетентности и связанности (теория самодетерминации);
2. Уровнем самоэффективности (Bandura, 1986), включая веру в способность контролировать ситуацию;
3. Социальным обучением, например, усвоенными моделями поведения из семьи или онлайн-среды (Rigby, 2011; Axford et al., 2015).

Анализ данных Brand Analytics (2018) показал, что 5% из 7 млн сообщений в русскоязычных соцсетях содержали признаки агрессии, что подчеркивает масштаб проблемы. При этом ключевыми внутренними детерминантами выбора стратегий выступают эмоциональная устойчивость, рефлексия и моральные установки (Божович, 1968; Зинченко, 2000), а внешними — доступ к поддержке и антибуллинговым программам (Ang & Goh, 2010; Slonje et al., 2013). Таким образом, синтез исторических и современных подходов к детерминизму позволяет разработать комплексные модели профилактики кибербуллинга, учитывающие как

биopsихические предпосылки (например, тревожность), так и социокультурные факторы (цифровая среда, семейные отношения). Это соответствует выводам М.Г. Ярошевского (1971) о необходимости преодоления механистических трактовок в пользу диалектического взаимодействия свободы и обусловленности (Ярошевский, 1971).

1.3.1. Влияние опыта кибервиктимизации на выбор стратегий преодоления

Кибервиктимность, выступая интегративной предпосылкой, объединяет личностные, социальные и ситуационные факторы, опосредующие восприятие кибербуллинга, эмоциональные реакции и выбор стратегий преодоления у подростков (Андронникова, 2019; Мудрик & Патунина, 2019; Bedrosova et al., 2022). Специфические формы агрессии при кибервиктимизации включают: вербальную агрессию (оскорблений, угрозы в цифровом пространстве), имитацию личности (создание фальшивых профилей, манипуляция идентичностью), распространение личной информации (утечка фотографий, переписок без согласия), кибератаки (рассылка вредоносных файлов, взлом аккаунтов), социальную изоляцию (целенаправленное исключение из онлайн-сообществ). Операционализация кибервиктимности включает частоту, интенсивность и длительность виктимизации, а также последствия, такие как депрессия, тревожность, социальная дезадаптация, соматические нарушения (головные боли, нарушения сна) и рискованное поведение (курение, употребление алкоголя) (Kowalski et al., 2014; Soto et al., 2011; Englander, 2018; Englander, 2019). В рамках трансактной модели стресса и преодоления (L&F) кибервиктимизация воспринимается как стрессор, требующий первичной оценки угрозы (например, восприятие агрессии как личной атаки) и вторичного выбора стратегий (поиск поддержки, блокировка обидчика) (Руденская & Руденский, 2001; Руденский & Руденская, 2001; Христенко, 2004; Христенко, 2004; Agustina, 2015). Это подтверждается данными, демонстрирующими корреляцию между хронической виктимизацией и гипертрофированным избеганием, а также связью непрощения с

повышенной уязвимостью к травле (Aricak et al., 2008; Barcaccia et al., 2017; Bedrosova et al., 2022; Dilmac, 2009). Ключевыми детерминантами кибервиктимности выступают личностные черты, измеряемые в рамках пятифакторной модели (Big Five). Низкая добросовестность, высокая открытость опыту и нейротизм коррелируют с уязвимостью, тогда как снижение доброжелательности и экстраверсия ассоциируются с киберагgressивностью (Dodel & Mesch, 2017; Englander, 2018). Эти черты формируются в период позднего детства и юности, когда наблюдаются возрастные и гендерные различия: у девушек чаще проявляется эмоциональная лабильность, а у мальчиков — склонность к ответной агрессии, что связано с культурными стереотипами маскулинности (Erdur-Baker, 2010; Erdur-Baker & Kavşut, 2007; Eroglu et al., 2022; Felitti et al., 1998). Например, в Турции девушки, воспитываемые в строгих условиях, реже сообщают о кибербуллинге из-за страха стигматизации, тогда как мальчики используют агрессию для повышения статуса среди сверстников (Gradinger et al., 2015; Hinduja & Patchin, 2008; Kangrga et al., 2024). Социальные факторы, такие как неблагоприятный детский опыт (Adverse Childhood Experiences, ACE Study), включая телесные наказания, манипуляции и унижения, усиливают риск кибервиктимности через деформацию личности и нарушение социальных навыков (Kowalski et al., 2014; Kyriacou & Zuin, 2015; Lazarus, 2020). Исследование ACE (Felitti et al., 1998) выявило прямую связь между травматичным опытом и последующей дезадаптацией (Felitti et al., 1998): 61% российских подростков сталкиваются с поведенческими рисками в сети, что выше мирового показателя (45%) (Li, 2007; Miró Llinares, 2012; Olweus, 2002). Методологически кибервиктимность оценивается с использованием валидизированных инструментов: шкалы кибервиктимизации (Topcu & Erdur-Baker, 2010), Шкалы прощения для подростков (Asici & Karaca, 2018) и методов оценки стратегий преодоления (Peker et al., 2015), (Patchin & Hinduja, 2010; Quintana-Orts et al., 2019; Smith et al., 2008), опросника «Опыт кибербуллинга и кибервиктимизации» (CBVEQ-G), разработанный Антониаду Нафсика и Коккинос М. Константинос (Antoniadou et al., 2016). Например, исследование Эрголу и др. (2022) показало, что

снижение прощения опосредует связь между виктимизацией и снижением благополучия (Eroglu et al., 2022), тогда как адаптивные стратегии (поиск поддержки, технические меры) смягчают последствия (Strohmeier & Gradinger, 2022). Неадаптивные реакции, такие как избегание и месть, усугубляют эмоциональное напряжение: у жертв, избегающих обидчика, уровень депрессии достигает 21.6%, а суицидальные мысли — 16.1% (Soto et al., 2011; Tokunaga, 2010; Ybarra & Mitchell, 2004). Кросс-культурные исследования подчёркивают роль медиации. В коллективистских культурах (Китай, Сербия) учителя и родители смягчают последствия кибервиктимизации, тогда как в индивидуалистических (США) ключевой становится поддержка друзей (Wang et al., 2011; Wright, 2015; Zych et al., 2019). Например, в Сербии 20% подростков становятся жертвами кибербуллинга, причём мальчики чаще выступают как агрессорами, так и жертвами (Kangrga et al., 2024). Гендерные различия, хотя и не центральные, отражают культурные нормы: в России 79% пользователей сталкиваются с угрозами в сети, при этом девушки склонны к скрытности, а юноши — к ответной агрессии (Barlett, 2023; Cornish & Clarke, 2003; Gradinger et al., 2015). Пробелы в современных исследованиях кибервиктимности включают три ключевых аспекта, требующих методологической и концептуальной доработки. Во-первых, сохраняется недостаточная операционализация цифровой грамотности как защитного фактора, несмотря на её предполагаемую роль в смягчении последствий кибератак (Андронникова, 2019; Барановский, 2013). Хотя такие инструменты, как Шкала кибервиктимизации (Torcsu & Erdur-Baker, 2010), фиксируют частоту инцидентов, они не учитывают компетенции пользователей в распознавании фишинговых атак или управлении цифровым следом. Во-вторых, остаётся ограниченной доказательная база о долгосрочных эффектах технологических интервенций, таких как шифрование данных или AI-детекция фейковых профилей, несмотря на отдельные указания на их эффективность (например, снижение ревиктимизации на 23% при использовании блокировки аккаунтов) (Peker et al., 2015; Вихман, 2021; Власова & Буслаева, 2022). В-третьих, практически неисследована роль платформенных алгоритмов в эскалации киберагgressии,

несмотря на данные о том, что рекомендательные системы социальных сетей могут усиливать видимость вредоносного контента (Dehue et al., 2008; Жмуро, 2021). Эти пробелы контрастируют с хорошо изученными личностно-ориентированными (нейротизм, Big Five) (Мудрик & Патунина, 2019; Руденский, 2013; Христенко, 2004) и социально-контекстуальными факторами (влияние ACE, коллективизм) (Agustina, 2015; Aricak et al., 2008; Barcaccia et al., 2017), которые формируют «статическую» модель уязвимости. Переход к динамическому анализу ситуационно-технологического уровня требует интеграции методов цифровой экологии (например, анализа дизайна интерфейсов социальных сетей) с реальным мониторингом поведенческих паттернов, как это предлагается в работах (Anti-Defamation League, 2014; Bedrosova et al., 2022). Перспективным направлением является разработка предиктивных моделей на основе машинного обучения, способных идентифицировать ранние маркеры киберагgressии в цифровых коммуникациях, что частично исследуется в мета-анализах ($n > 10,000$) (Dilmac, 2009). Однако такие инновации поднимают этические вопросы, связанные с цифровым следом и приватностью, требующие междисциплинарного подхода на стыке компьютерных наук и психологии (Eroglu et al., 2022; Dodel & Mesch, 2017). Кросс-культурные данные, например, из Сербии ($n = 3267$), демонстрируют, что даже частичная интеграция технологических решений (шифрование, AI- moderation) в образовательные платформы снижает риски на 18–23% (England, 2018; England, 2019), но долгосрочные эффекты таких мер остаются неизученными (см. Таблицу 1.2). Таким образом, кибервиктимность как многомерный конструкт раскрывается через три взаимосвязанных уровня анализа, два из которых — личностно-ориентированный и социально-контекстуальный — получили эмпирическое подтверждение прогресса в понимании личностных и социальных детерминант в проанализированных исследованиях, тогда как ситуационно-технологический уровень остаётся перспективной областью для дальнейшей научной рефлексии.

1.3.2. Роль моральных установок и ценностей в формировании стратегий преодоления

Как показано в разделе «1.2.2.», гендерные нормы играют ключевую роль в формировании стратегий преодоления кибербуллинга. Однако их влияние невозможно понять без анализа глубинных моральных оснований, которые структурируют восприятие кибербуллинга и выбор реакций. Моральные интуиции, такие как забота, справедливость, лояльность и чистота (Haidt, 2007), не только отражают универсальные этические принципы, но и модифицируются гендерными и культурными контекстами. Например, в коллективистских обществах гендерные роли усиливают связь между лояльностью (Loyalty/Betrayal) и избеганием конфронтации у девочек, тогда как мальчики, руководствуясь нормами маскулинности, чаще оправдывают агрессию через рационализацию справедливости (Bandura, 1986). Этот синтез гендерных и моральных факторов позволяет раскрыть механизмы, опосредующие выбор стратегий, от технических решений до социальной поддержки. Моральные основания, включая интуитивные (Haidt, 2007) и рационально-аналитические аспекты (Kahneman et al., 1999), формируют ключевые детерминанты выбора стратегий преодоления кибербуллинга. Исследования последнего десятилетия демонстрируют, что автоматические реакции, такие как моральные интуиции (Haidt, 2007), коррелируют с просоциальными стратегиями (эмпатия, поддержка жертвы), особенно в контексте нарушений норм чистоты, характерных для религиозных групп (Luo et al., 2023). Напротив, рационально-аналитическая мораль (Kahneman et al., 1999), опосредованная когнитивной оценкой рисков, чаще ассоциируется с ценностями самоутверждения (власть, статус) и пассивными стратегиями, такими как игнорирование агрессии или её оправдание через механизмы моральной дезинтеграции (Bandura, 1986). Мета-аналитические данные подтверждают, что в коллективистских обществах (Triandis, 1995) связь моральной дезинтеграции с избеганием активного противодействия достигает $r = 0.38$ (Zhao & Yu, 2021), что объясняется нормализацией кибербуллинга как инструмента социального контроля

(Park et al., 2021). Согласно теории моральных оснований (ТМО), моральные суждения формируются через взаимодействие интуитивных оценок (автоматических, эмоциональных реакций) и рациональных обоснований (осознанных рассуждений) (Haidt, 2001; Kahneman et al., 1999). Это разделение, подтвержденное работами Сычева (Сычев, 2016) и кросс-культурными исследованиями (Graham et al., 2013; Graham et al., 2016), позволяет прогнозировать выбор стратегий преодоления кибербуллинга. Интуитивная оценка заботы (Care/Harm), например, проявляется в автоматической эмпатии к жертве, активизирующей стратегии поддержки, такие как сообщение о кибербуллинге модераторам (Haidt, 2001), в то время как рациональное обоснование этой же основы, связанное с осознанным принятием норм помощи, значимо коррелирует с активным противодействием агрессии (Luo et al., 2023). Однако в коллективистских культурах, как показала адаптация MFQ Сычевым (Сычев, 2016), забота может подавляться групповой лояльностью, если жертва воспринимается как «чужой». В контексте справедливости (Fairness/Cheating) интуитивная оценка проявляется в быстром восприятии несправедливости, что ведет к конфронтации с агрессором, например, через публичное осуждение, тогда как рациональное обоснование, основанное на поддержке равенства, предсказывает юридические действия, такие как обращение в правоохранительные органы (Menesini & Spiel, 2012). Однако в цифровой среде, как отмечает Брэди (Brady et al., 2020), алгоритмы, усиливающие поляризацию, могут искажать восприятие справедливости, провоцируя ответную агрессию. Лояльность (Loyalty/Betrayal), в свою очередь, активирует интуитивную защиту «своих», снижая вероятность сообщения о кибербуллинге внутри группы (Park et al., 2021), тогда как рациональное обоснование оправдывает агрессию как «наказание предателей» через механизмы моральной десенситизации (Bandura, 1986). Адаптация Сычева (Сычев, 2016) для русскоязычных выборок выявила смещение лояльности в сторону семьи, что повышает её значимость в данных культурах. Уважение к авторитету (Authority/Subversion) связано с интуитивным осуждением нарушений иерархии, например, кибербуллинга против учителя, в то время как

рациональное обоснование этой основы, поддерживающее формальные правила, коррелирует с обращением к администрации платформ (Zhao & Yu, 2021). Однако в индивидуалистических культурах, как подчеркивает Канеман (Kahneman et al., 1999), уважение к авторитету слабее связано с активными стратегиями. Чистота (Purity/Degradation) проявляется через интуитивное отвращение к аморальному контенту, запускающему стратегии избегания, такие как блокировка агрессора (Haidt, 2007), тогда как рациональное обоснование, согласующееся с религиозными нормами, усиливает осуждение кибербуллинга, связанного с нарушением «чистоты» (Luo et al., 2023). Религиозность, выступая ключевым модулятором этого основания, не только усиливает чувствительность к нарушениям моральных границ (например, осквернению символов или аморальному контенту), но и формирует специфические стратегии преодоления. Исследования показывают, что религиозные практики (молитва, медитация) и доктринальные убеждения ассоциируются с ответственным онлайн-поведением, включая активное блокирование агрессоров (Brewer & Kerslake, 2015; Сочивко et al., 2020). Например, глубоко религиозные подростки, руководствуясь нормами «чистоты», в 1.7 раза чаще выбирают стратегии избегания, такие как блокировка, по сравнению с нерелигиозными сверстниками (Luo et al., 2023). При этом религиозность смягчает психосоциальные риски: мета-анализ Смит и др. (2003) выявил, что высокая религиозная вовлеченность снижает уровень депрессии, что косвенно уменьшает уязвимость к виктимизации и способствует рациональному осуждению кибербуллинга через призму моральных догматов. Однако в коллективистских культурах религиозность может амбивалентно влиять на Чистоту: с одной стороны, она поддерживает гармонию через избегание «нечистых» действий, с другой — оправдывает агрессию как «очищение» группы от отклоняющихся (Luo et al., 2023; Bandura, 1986). Многомерные модели религиозности (Stark & Glock, 1968), включающие когнитивные (вера в догматы) и поведенческие (ритуалы) аспекты, объясняют, как сочетание интуитивного отвращения и рациональных норм формирует комплексную реакцию на цифровые угрозы, усиливая связь между моральными интуициями и конкретными стратегиями преодоления. Когнитивные

процессы, описанные Канеман (Kawachi, 2019) и Tversky (Tversky & Kahneman, 1981), играют ключевую роль: интуитивные оценки (Система 1) доминируют в стрессовых ситуациях, провоцируя импульсивные реакции, такие как игнорирование или эскалация конфликта, тогда как рациональные обоснования (Система 2) требуют когнитивных ресурсов, что объясняет редкое использование продуманных стратегий, например, сбора доказательств. Исследования Самерофф (Sameroff, 2009) подчеркивают, что цифровая социализация, усиливаемая алгоритмами, продвигающими контент на основе самоутверждения (Brady et al., 2020), активирует интуитивные оценки Лояльности и Чистоты, оправдывая агрессию как «защиту группы». Культурные особенности, выявленные в адаптации MFQ Сычевым (Сычев, 2016), демонстрируют повышенную значимость этики сообщества (Лояльность, Уважение, Чистота) в русскоязычных выборках, что согласуется с данными о рационализации кибербуллинга как инструмента социального контроля в коллективистских культурах (Zhao & Yu, 2021). Алгоритмические факторы, такие как продвижение платформами контента, основанного на ценностях самоутверждения (Brady et al., 2020), усугубляют моральную дезинтеграцию. Исследования показывают, что воздействие токсичного контента повышает риск пассивных стратегий на 23% в коллективистских выборках (Zhao & Yu, 2021). Это требует интеграции алгоритмического анализа (например, оценки токсичности через API платформ) в прогностические модели. Образовательные программы, направленные на деконструкцию дискриминационных установок, остаются недостаточно оцененными. Систематический обзор Мишна и др. (Mishna et al., 2009) показал, что только 12% из 45 изученных интервенций включали строгие методы оценки эффективности, такие как рандомизированные контролируемые испытания. Это ограничивает возможность мета-анализов, критичных для обоснования политик (Chan et al., 2015). Актуальность таких исследований подчеркивается ростом онлайн-ненависти: как показал анализ, широкополосный интернет увеличивает преступления на расовой почве на 9% в регионах с высокой сегрегацией, преимущественно через механизмы радикализации «волков-одиночек» (Chan &

Wong, 2017). Алгоритмические влияния, такие как «фильтрующие пузыри» (Brady et al., 2020), усиливают поляризацию моральных интуиций, создавая «эхо-камеры», где подростки редко сталкиваются с альтернативными точками зрения (Jiang & Ma, 2024). Например, пользователи с консервативными взглядами чаще видят контент, активирующий интуиции чистоты, тогда как либералы — материалы о справедливости (Brady et al., 2020). Нормализация кибербуллинга (Kowalski et al., 2014) связана с десенситизацией: подростки начинают воспринимать кибербуллинг как «шутки» (Yang et al., 2018), оправдывая его через механизмы моральной дезинтеграции (Bandura, 1986). В ранних работах зарубежных авторов, таких как Bandura (1986), моральная дезинтеграция трактовалась как когнитивное оправдание агрессии. Современные ученые разделяют точку зрения на роль социального контекста, но акцентируют культурные особенности постсоветских обществ (Park et al., 2021). Хайдт (Haidt, 2001, 2007) разработал теорию моральных оснований (MFT), утверждающую примат эмоций в моральных решениях. Однако Келли и др. (Kelly et al., 2017) показали, что рациональные аргументы сильнее влияют на конформизм, критикуя социальный интуитивизм. Менезини и др. (Menesini et al., 2013) выявили связь ценностей самоутверждения с кибербуллингом, но мета-анализ Чжао и Юй (Zhao & Yu, 2021) продемонстрировал культурную вариативность этой связи ($r = 0.38$ в коллективистских / 0.27 в индивидуалистических обществах). Гендерные различия в оценке кибербуллинга детально проанализированы в параграфе 1.2.2 («Гендерные паттерны преодоления: стратегии, эффективность и кросс-культурные особенности»).

Ключевые противоречия в исследованиях моральных оснований и кибербуллинга

Одним из центральных противоречий выступает конфликт между культурными нормами и индивидуалистическими ценностями, которое усиливается в цифровой среде, где анонимность и доступность инструментов позволяют маскировать агрессию под защиту групповых интересов, создавая диссонанс между декларациями и реальными действиями. Культурно-

обусловленные гендерные паттерны, описанные ранее, демонстрируют, как моральные основания приобретают специфические формы. Например, в России девочки, воспитанные в условиях акцента на семейной солидарности, чаще используют стратегии, связанные с заботой (обращение к близким), что согласуется с коллективистскими ценностями лояльности. Мальчики же, ориентированные на статусные нормы, выбирают конфронтацию, что отражает индивидуалистическую трактовку справедливости как «восстановления баланса» (Kahneman et al., 1999). Это создаёт противоречие: коллективистские ценности формально доминируют, но на практике реализуются через индивидуалистические паттерны. Эти данные подчеркивают, с одной стороны, что моральные основания не существуют в вакууме — они конструируются через призму гендерных ролей и культурных нарративов, формируя уникальные паттерны совладания. С другой стороны, это создаёт противоречие: коллективистские ценности формально доминируют, но на практике реализуются через индивидуалистические паттерны. В коллективистских обществах, где групповые нормы доминируют (Triandis, 1995), снижение толерантности к девиантному поведению (Ji et al., 2016) парадоксально сочетается с усилением кибербуллинга как инструмента «наказания» нарушителей (Park et al., 2021). Например, в Восточной Азии коллективистские ценности лояльности и уважения к авторитетам могут как подавлять открытые конфликты, так и оправдывать онлайн-агgression в случаях субъективно воспринимаемой опасности для группы (Zhao & Yu, 2021). Этот дуализм подчеркивает, что коллективистские идеалы, декларируемыми нормами (гармония, лояльность) на практике реализуются через индивидуалистические механизмы (агgression, контроль). Второе противоречие связано с рациональными и интуитивными механизмами моральных оценок. Исследование Jiang & Ma (2024) демонстрирует, что алгоритмические особенности платформ, такие как свайпинг в TikTok, усиливают зависимость от интуитивных реакций (Система 1 по Kahneman et al., 1999), снижая аналитическое мышление. Однако это противоречит выводам Келли и др. (Kelly et al., 2017), где рациональные аргументы оказались более влиятельными в формировании конформизма (индекс: 1.09 против 0.27 для

эмоциональных). Данное расхождение может объясняться контекстуальными различиями: в экспериментах Келли и др. (2017) участники оценивали статичные моральные дилеммы, тогда как динамика алгоритмических платформ (Brady et al., 2020) провоцирует быстрое переключение внимания, подавляя когнитивную рефлексию. Третье противоречие — гендерный парадокс — раскрывает диссонанс между моральными оценками и поведенческими исходами. Девочки, демонстрируя более строгие моральные суждения через призму справедливости и заботы (Luo et al., 2023), реже становятся агрессорами, но их пассивные стратегии преодоления (например, избегание) повышают риск виктимизации (Park et al., 2021). Это противоречит тезису Eisenberg (Eisenberg et al., 2015) о защитной роли эмпатии, предполагая, что культурные ожидания «женской покорности» (Chang, 2012) ограничивают активное противостояние. Параллельно мальчики, несмотря на инструментальные стратегии (Menesini et al., 2013), чаще оказываются жертвами из-за высокой вовлеченности в онлайн-игры и социальные сети (Lee & Shin, 2017), что подчеркивает сложность гендерной социализации в цифровую эпоху.

Таким образом, разрешение указанных противоречий требует междисциплинарного подхода, объединяющего теорию моральных оснований, цифровую антропологию и кросс-культурную психологию, с акцентом на постсоветские реалии, где традиционные ценности сталкиваются со стремительной цифровизацией (Park et al., 2021).

1.4. Факторы, влияющие на выбор стратегий преодоления кибербуллинга: пол, возраст и цифровой опыт

Культурные и гендерные паттерны, рассмотренные в 1.2.1 и 1.2.2, не существуют изолированно — они взаимодействуют с контекстуальными модераторами, такими как пол, возраст и цифровой опыт. Например, коллективистские ценности в РК опосредуют выбор стратегий через усиление семейной поддержки, что снижает роль избегания у девочек. В России, напротив, индивидуалистические установки и высокая дистанция власти формируют уникальные траектории стратегий преодоления, где техническая автономия

компенсирует дефицит социальных ресурсов (Triandis, 1995; Gelfand et al., 2011). Эти взаимосвязи требуют критического анализа роли модераторов в кросс-культурной перспективе, что и становится фокусом данного параграфа. Пол и возраст демонстрируют выраженную дифференциацию в выборе стратегий. Девочки чаще прибегают к эмоционально-ориентированным методам: поиск социальной поддержки (Eroglu et al., 2022), обращение к друзьям (75.4%) (Хазова, 2009) и настройки приватности (Barlett et al., 2019; Armstrong et al., 2019). Этот паттерн объясняется гендерной социализацией, поощряющей эмпатию и кооперацию (Eagly, 2013). Мальчики, напротив, склонны к инструментальным стратегиям: конфронтация (Khlomov et al., 2019), блокировка агрессоров (Tursunbayeva et al., 2021) и месть (Barlett et al., 2019), что коррелирует с нормами маскулинности (Gutmann & Viveros Vigoya, 2018). В контексте когнитивного созревания: в возрасте 11–13 лет доминируют эмоционально-ориентированные реакции, такие как игнорирование инцидентов (37%) и самообвинение, сопровождаемые активным поиском родительской поддержки (Jacobs et al., 2014), что коррелирует с функциональной незрелостью префронтальной коры, ограничивающей возможности морального выбора (Casey et al., 2008; Steinberg, 2010). К 14–17 годам увеличивается доля проблемно-ориентированных стратегий, включая технические решения (блокировка агрессоров – 43%, обращение в администрацию платформ) и гибридные методы, сочетающие цифровые инструменты с социальной медиацией через учителей или сверстников (Macháčková et al., 2013; Солдатова, 2018). Кросс-культурные различия между РФ и РК демонстрируют влияние ценностных ориентаций: в казахстанской выборке семейно-клановые связи усиливают гибридные стратегии, где 58.6% подростков интегрируют онлайн-поддержку с онлайн-вмешательством родственников (Tursunbayeva et al., 2021), тогда как в России индивидуалистические установки коррелируют с активным игнорированием (АИ) и обращением к дистальным советам педагогов (55%), что объясняется высокой дистанцией власти по данным Hofstede Insights (2023) и нормативной автономизацией подростков (Солдатова и др., 2019). Цифровой опыт в качестве жертвы, буллера, время, проведенное в

Интернете, длительность столкновения с кибербуллингом в социальных сетях, виды кибербуллинга существенно детерминируют выбор стратегий преодоления: буллеры чаще используют технические решения (настройка анонимности, создание фейковых аккаунтов) и конфронтацию, что отражает их потребность в поддержании доминирующего статуса через цифровые инструменты (Antoniadou & Kokkinos, 2015; Vikhman et al., 2021). Жертвы демонстрируют склонность к избеганию, включая временный отказ от интернета (23%), и самообвинение, интенсивность которых возрастает при хронической виктимизации (Chua et al., 2018; Dehue et al., 2008; Nuna et al., 2023). Время, проводимое в сети, выступает двусторонним фактором: умеренное использование (2–4 часа/день) ассоциировано с проактивными стратегиями (блокировка – 67%), тогда как экстенсивное потребление (>6 часов) повышает риски пассивного поведения (игнорирование) и эмоциональной дезрегуляции, что подчеркивает нелинейность цифровой адаптации (Livingstone et al., 2021; Sticca et al., 2015; Eroglu et al., 2022). Мультиплатформенные атаки, охватывающие соцсети и мессенджеры, снижают эффективность технических решений, требуя комбинации социальной поддержки и юридических действий, как показано в кейсах платформенного троллинга (Heirman & Walrave, 2008; Fulantelli et al., 2022). Данные проекта Kids&Teens (Mediascope, 2023) подтверждают, что 92% подростков 14–17 лет владеют смартфонами, а 60% используют VPN, что отражает высокую цифровую автономию, но не всегда защищает от виктимизации. Длительность воздействия кибербуллинга также значима: хроническая виктимизация (≥ 3 месяцев) повышает риск депрессии и суициdalных мыслей (Fahy et al., 2016; Chua et al., 2018). Виды кибербуллинга существенно влияют на выбор стратегий: верbalная агрессия (оскорблений, угрозы) — наиболее распространенная форма (47–63%), провоцирующая эмоционально-ориентированное преодоление (переоценка ситуации, поиск поддержки) (Armstrong et al., 2019); имитация личности (фейковые аккаунты) — чаще встречается у старших подростков, требует технических решений (блокировка, шифрование) (Fulantelli et al., 2022); распространение личной информации — коррелирует с избеганием и снижением онлайн-активности

(22% девочек) (Khlobov et al., 2019), социальная изоляция — усиливает зависимость от формальной поддержки (ФП) (обращение к педагогам) в РФ (Soldatova & Rasskazova, 2023). Психосоциальные последствия. Серьёзность последствий кибервиктимизации проявляется в академической сфере: 34% жертв демонстрируют снижение успеваемости из-за когнитивной перегрузки, причём девочки в 1.65 раза чаще пропускают занятия из-за страха стигматизации (Khlobov et al., 2019; Deineka et al., 2020). Социальная изоляция усиливается у 41% подростков, выбирающих избегание, что приводит к разрыву 2–3 дружеских связей в течение полугода (Wright et al., 2021). Психическое здоровье страдает сильнее при эмоционально-ориентированных стратегиях: депрессивные симптомы и суицидальные мысли коррелируют с пассивным преодолением, создавая порочный круг виктимизации (Chua et al., 2018; Dehue et al., 2008). Цифровая активность снижается у 28% жертв, переходящих в «режим наблюдателя», что ограничивает доступ к образовательным ресурсам и усиливает цифровое неравенство (Солдатова, 2018). Современные исследования интегрируют цифровой контекст, выделяя техническое преодоление и роль алгоритмических платформ, но сохраняют методологические противоречия (Дети России онлайн, 2020): культурное упрощение, связанное с доминированием евроцентричных выборок, недооценивающих коллективистские паттерны (55% казахстанских подростков) (Perren et al., 2012; Tursunbayeva et al., 2021) и гендерные стереотипы, опровергаемые данными о 24% кенийских мальчиков, использующих эмоциональные стратегии (Nuna et al., 2023). Лонгитюдный дефицит (89% кросс-секционных исследований) затрудняет анализ долгосрочных эффектов (Mendez et al., 2016), актуализируя необходимость мультидисциплинарных моделей, сочетающих нейробиологию префронтальной коры с культурной психологией, AI-анализ цифровых следов (Fulantelli et al., 2022) и концепцией цифровой автономии как ресурса (Mackenzie et al., 2020). Критический синтез вклада ключевых авторов — от трансактной модели стресса (Lazarus & Folkman, 1984) до кросс-культурного анализа цифровых паттернов (Солдатова & Ярмина, 2019; Soldatova & Rasskazova, 2023; Antoniadou & Kokkinos, 2015) и латентного профильного анализа ролей

(Antoniadou et al., 2016) – позволяет преодолеть терминологические разрывы и создать целостную теоретическую базу, релевантную для постсоветского контекста с его уникальным сочетанием коллективистских традиций и цифровой трансформации. Таким образом, на основе синтеза теоретических подходов и анализа ключевых социально-психологических детерминант и модераторов, была разработана комплексная теоретическая модель выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками, которая представлена на Рисунке 1.1. Данная модель служит основой для программы эмпирического исследования, представленной в следующей главе.

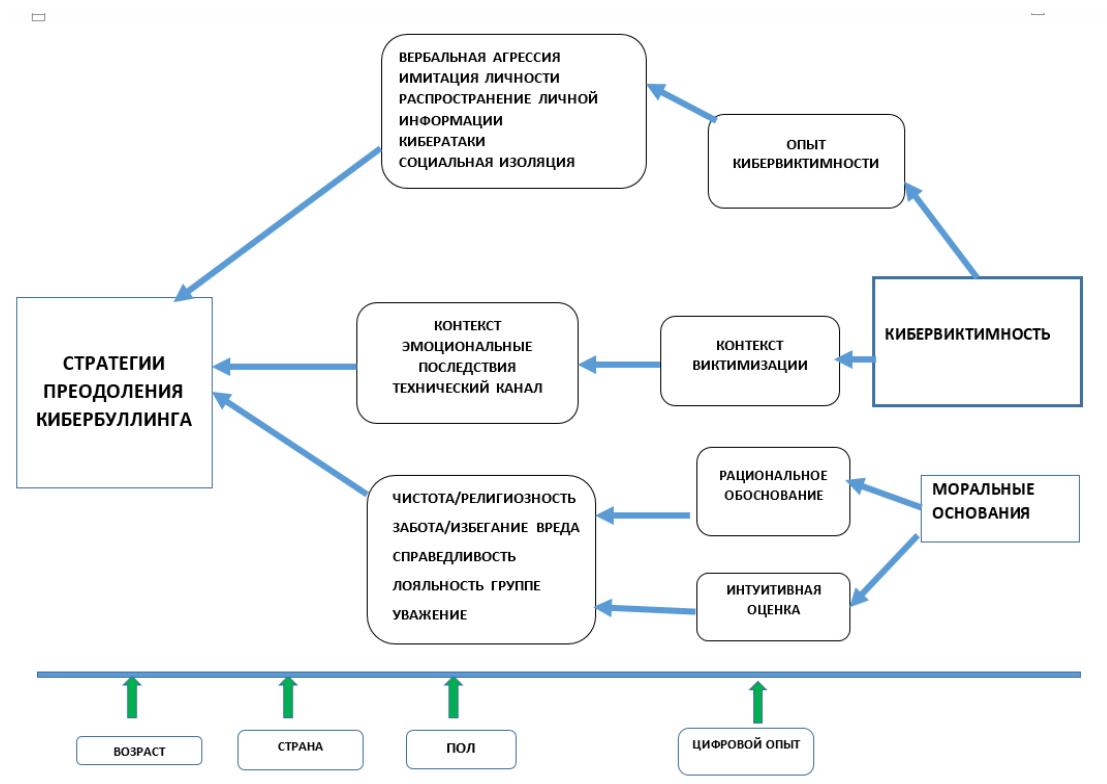

Рисунок 1.1 — Теоретическая модель детерминантов выбора

ВЫВОДЫ ПО ИТОГАМ ГЛАВЫ 1

На основании проведенного теоретического анализа современных исследований стратегий преодоления кибербуллинга подростками сформулирована комплексная теоретическая модель социально-психологических детерминант и модераторов выбора данных стратегий подростками РФ и РК. Сформулированы ключевые теоретические положения, раскрывающие социально-психологические предпосылки их выбора. Данная модель, концептуальная схема которой представлена в Главе 1 (см. Рисунок 1.1), служит основой для его эмпирической верификации. В рамках исследования обоснован выбор термина «стратегии преодоления», что соответствует традициям отечественной психологической школы (Крюкова, 2008; Анцыферова, 1994), акцентирующей активность субъекта в конструировании осознанных, целенаправленных действий, адаптированных к личностным и ситуационным особенностям. При этом данный термин используется в работе как синонимичный международному понятию «копинг-стратегии», с учетом оговоренных выше различий в методологических акцентах. Центральным методологическим инструментом для эмпирического исследования выбран Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга (CWCBQ), валидизированный для русскоязычных и казахоязычных подростков (Утемисова, 2024; на основе Sticca et al., 2015). Данный инструмент операционализирует стратегии преодоления через четыре ключевых типа, что обеспечивает четкость и сравнимость анализа: Формальная поддержка (ФП): активные действия по поиску поддержки у формальных институтов (учителя, школьная администрация, администраторы платформ, онлайн-эксперты, правоохранительные органы); Близкая поддержка (БП): поиск эмоциональной и инструментальной помощи у ближайшего социального окружения (друзья, родители, члены семьи); Активное игнорирование (АИ): осознанное когнитивное дистанцирование от агрессора и вредоносного контента (игнорирование сообщений, отказ от взаимодействия) при сохранении общей онлайн-активности; Активное противостояние (АП): активное использование цифровых инструментов

для защиты (блокировка агрессора, настройки приватности, изменение паролей, удаление контента) или вербальное установление границ (прямое сообщение агрессору о недопустимости поведения). Ключевыми социально-психологическими детерминантами выбора стратегий в модели являются: кибервиктимность, измеряемая интенсивностью и видами пережитой виктимизации по адаптированной методике CBVEQ-G (верbalная агрессия, имитация личности, распространение личной информации, кибератаки, социальная изоляция); субъективный опыт цифровой виктимизации, включающий контекст, эмоциональные последствия и технический канал; субъективное восприятие подростком своих социальных навыков, охватывающее коммуникативные навыки онлайн, межличностные отношения в сети и баланс онлайн/оффлайн активности; моральные основания, оцениваемые по адаптированной методике MFQ-Ru (чистота/религиозность, забота/избегание вреда, справедливость, лояльность группе, уважение).

Модель постулирует, что влияние этих детерминант на выбор стратегий преодоления может модерироваться рядом контекстуальных факторов. К потенциальным модераторам отнесены: социально-демографические характеристики (пол, возраст, страна проживания, которая операционализируется не просто как географический показатель, а как носитель конкретных, объективно измеряемых культурных конфигураций (по шкалам индивидуализма/коллективизма, дистанции власти и т.д.), системно влияющих на доступность и социальную приемлемость тех или иных стратегий преодоления); параметры цифрового опыта (опыт в роли буллера и жертвы, время, проводимое в интернете, длительность столкновения с кибербуллингом, виды кибербуллинга, с которыми сталкивался подросток); а также оценка серьезности и интенсивности последствий кибербуллинга для учебы, социальной жизни, психического здоровья, онлайн-общения и отношений.

Теоретическое обоснование логики модели, объединяющей прямое влияние детерминант и их модерацию контекстуальными факторами, базируется на синтезе ключевых рассмотренных подходов. Трансактная модель стресса и преодоления Лазаруса и Фолкмана (Lazarus & Folkman, 1984) обосновывает первичную оценку кибербуллинга как угрозы (отражаемую детерминантами кибервиктимности и опыта виктимизации) и вторичную оценку ресурсов для совладания, где роль модераторов выполняют контекстуальные факторы, влияющие на доступность и эффективность ресурсов. Ресурсный подход Хобфолла (Hobfoll, 1989) подтверждает включение в детерминанты конструктов, отражающих внутренние (социальные навыки, моральные основания) и внешние ресурсы (поддержка, отраженная в стратегиях). Субъектно-деятельностный подход отечественной психологии (Крюкова, 2008; Анцыферова, 1994) подчеркивает активную роль подростка в выборе стратегий, что отражено в операционализации стратегий преодоления и субъективного восприятия навыков. При этом культурный контекст понимается в модели не как простой ярлык, а как объективный и устойчивый паттерн, опосредующий влияние макросреды на индивидуальное поведение и формирующий специфическую инфраструктуру для выбора стратегий совладания. Исходя из современных моделей (Triandis, 1995; Schwartz, 2012), Россия и Казахстан рассматриваются как гибридные системы, обладающие разной конфигурацией коллективистических и индивидуалистических черт. В России это проявляется в сочетании ценностей самоутверждения с высокой дистанцией власти (Hofstede, 2011), что формирует уникальный социальный контекст. В Казахстане действует логика «интегрированного коллективизма», где поддержка является естественной и ожидаемой практикой, уходящей корнями в традиционную культуру. В России же эффективная поддержка выступает результатом «рефлексивного коллективизма» — целенаправленной стратегии и рационального выбора, что полностью соответствует заявленному субъектно-деятельностному подходу. Теория моральных оснований Хайдта (Haidt, 2001; Haidt, 2007) предоставляет концептуальную базу для включения моральных интуиций как детерминант, чье влияние может модифицироваться этим культурным контекстом.

Таким образом, разработанная модель отражает многоуровневый характер детерминации совладающего поведения в цифровой среде, учитывая взаимодействие личностных ресурсов, пережитого опыта и широкого контекста (культурного, возрастного, ситуационного). Представленная теоретическая модель служит непосредственной основой для программы эмпирического исследования, обеспечивая строгий концептуальный и методологический фундамент для верификации гипотез о прямом влиянии выделенных детерминант на стратегии преодоления, а также для анализа сложных модерационных эффектов, где страна проживания рассматривается как ключевой модератор, отражающий объективные культурные конфигурации, и для выявления специфики выявленных закономерностей в кросс-культурном контексте РФ и РК. Проверка и уточнение этой модели осуществлялись в ходе эмпирического исследования, программа и результаты которого представлены в следующих главах.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во второй главе описаны характеристика выборки и процедура исследования, а также методы и методики, используемые в исследовании.

2.1. Характеристика выборки

К участию в эмпирическом исследовании были привлечены **404 человека** – учащиеся средних и старших классов (с 5-го по 11 класс) русскоязычных школ городов Казахстана (г.Актау, г. Семей, г.Усть-Каменогорска, г.Актобе) и России (г.Орск), из них **231 девочек** (далее **дев.**) и **173 мальчиков** (далее **мал.**), средний возраст **13.7±1.73**.

Обоснование состава выборки и ее ограничения

Сформулированный таким образом состав выборки обуславливает ключевое ограничение исследования: его результаты релевантны в первую очередь для специфического, но значимого социально-культурного сегмента и не претендуют на отражение всей культурной палитры Казахстана или России. Вместе с тем, данное ограничение является методологически обоснованным. Как показывают современные исследования (Krüger & Mösko, 2020; Luo et al., 2023), именно фокус на конкретных культурных группах позволяет выявить глубинные механизмы формирования стратегий преодоления, в то время как стремление к тотальной репрезентативности на ранних этапах изучения феномена может нивелировать специфические культурно-обусловленные различия. Настоящее исследование фокусируется на анализе гибридной идентичности (Лебедева, 2019; Rakisheva et al., 2024), где выбор русскоязычной школы становится осознанной семейной стратегией, что позволяет изучать механизмы формирования именно транскультурных стратегий преодоления (Soldatova & Rasskazova, 2023). Феномен гибридной идентичности в казахстанском контексте отражает сложные процессы культурной интеграции и трансформации ценностных ориентаций в условиях цифровизации (Говорухина & Сюэ, 2024). Таким образом, настоящее исследование служит необходимым первым шагом для последующего изучения

внутристранных разнообразия и проведения более широких сравнительных исследований, включающих монолингвальные группы и подростков из школ с казахским языком обучения (Tursunbayeva et al., 2021; Assylbekova et al., 2024). Сформулированный таким образом состав выборки обуславливает ключевое ограничение исследования: его результаты релевантны в первую очередь для специфического, но значимого социально-культурного сегмента и не претендуют на отражение всей культурной палитры Казахстана или России. Вместе с тем, данное ограничение является методологически обоснованным. Как показывают современные исследования (Krüger & Mösko, 2020; Luo et al., 2023), именно фокус на конкретных культурных группах позволяет выявить глубинные механизмы формирования стратегий преодоления, в то время как стремление к тотальной репрезентативности на ранних этапах изучения феномена может нивелировать специфические культурно-обусловленные различия. Настоящее исследование фокусируется на анализе гибридной идентичности, где выбор русскоязычной школы становится осознанной семейной стратегией (Rakisheva et al., 2024; Лебедева, 2019), что позволяет изучать механизмы формирования именно транскультурных стратегий преодоления (Soldatova & Rasskazova, 2023). Таким образом, настоящее исследование служит необходимым первым шагом для последующего изучения внутристранового разнообразия и проведения более широких сравнительных исследований, включающих монолингвальные группы и подростков из школ с казахским языком обучения (Tursunbayeva et al., 2021; Assylbekova et al., 2024).

Подробная характеристика выборки представлена в таблице 2.1

Таблица 2.1 – Характеристика выборки (404 чел.)

Возраст	мал.	дев.	Всего	РФ		РК	
				мал.	дев.	мал.	дев.
11 лет	20	42	62	2	10	18	32

Возраст	мал.	дев.	Всего	РФ		РК	
Продолжение Таблицы 2.1 12 лет	17	34	51	7	15	10	19
13 лет	20	26	46	13	19	7	7
14 лет	52	69	121	27	36	25	33
15 лет	33	27	60	18	18	15	9
16 лет	21	20	41	13	12	8	8
17 лет	10	13	23	6	10	4	3
Итого	173	231	404	86	120	87	111

Примечание: Данные представлены в абсолютных значениях.

2.2. Организация исследования

Исследование проводилось в русскоязычных школах РК (г. Актау, г. Семей, г. Усть-Каменогорск, г. Актобе) и России (г. Орск) во внеурочное время. Участие было добровольным, с обязательным получением информированного согласия родителей или законных представителей несовершеннолетних.

Эмпирическое исследование включало три этапа, объединяющих адаптацию методик, сбор данных и анализ результатов. На первом этапе проводилась адаптация англоязычного опросника «Coping with Cyberbullying Questionnaire» (CWCBQ) (Sticca et al., 2015) для русскоязычной выборки подростков (Утемисова, 2024). Предварительно было получено письменное согласие автора оригинальной методики на её применение и модификацию в РФ. Русская версия разрабатывалась посредством перевода англоязычной версии методики CWCBQ на русский язык.

На втором этапе было проведено фронтальное психолого-диагностическое обследование, в котором предлагалось оценить своё поведение в соответствии с утверждениями методики «Опросник опыта кибербуллинга и кибервиктимизации» (CBVEQ-G) (Antoniadou et al., 2016) в адаптации М. П. Асылбековой (Assylbekova et al., в печати). Предлагалось ответить на вопросы диагностической методики «Опросник моральных оснований» (MFQ) (Graham et al., 2013) в адаптации О. А. Сычева (Сычев, 2016) и предоставить ответы на вопросы анкеты, разработанной нами, которая включала три ключевых диагностических инструмента: социально-демографические характеристики (пол, возраст, страна); «цифровой опыт» (опыт кибербуллинга, последствия для учёбы, психического здоровья, социальных отношений) (Утемисова, 2024).

Таблица 2.2 - Характеристика методов и методик исследования

Исследуемый феномен	Методика	Эмпирические референты (Диапазон баллов / Кодировка)	Содержательная интерпретация шкал
Исследуемый феномен	Методика	Эмпирические референты (Диапазон баллов / Кодировка)	Содержательная интерпретация шкал
Стратегии преодоления кибербуллинга	«Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга» (CWCQ), адаптация Утемисовой Г.У.	Формальная поддержка (5-25 баллов) Близкая поддержка (6-30 баллов) Активное игнорирование (4-20 баллов) Активное противостояние (4-20 баллов)	Формальная поддержка ² - обращение к официальным институтам (полиция, учителя, психологи, горячие линии) Близкая поддержка - поиск эмоциональной и практической помощи у ближайшего социального окружения (друзья, семья, доверенные одноклассники) Активное игнорирование - сознательное игнорирование агрессора и избегание мыслей о ситуации Активное противостояние - планирование и осуществление ответных действий против агрессора
Социально-психологические детерминанты			

² Примечание: В адаптированной версии опросника CWCQ шкала, переведенная с английского термина «Distal Advice» (Sticca et al., 2015), первоначально была обозначена как «Дистальный совет». Данный термин, означающий обращение за помощью к дистальным, т.е. удаленным и формальным, источникам (в противовес «Близкой поддержке»), был признан недостаточно релевантным для восприятия подростковой выборкой.

Продолжение Таблицы 2.2

Опыт кибервиктимности	CBVEQ-G, адаптация Асылбековой М.П.	Верbalная агрессия (3-15 баллов) Имитация личности (3-15 баллов) Распространение личной информации (3-15 баллов) Кибератаки (2-10 баллов) Социальная изоляция (1-5 баллов)	Верbalная агрессия - систематические оскорблении, угрозы, распространение ложной информации через цифровые каналы Имитация личности - взлом аккаунтов, создание фальшивых профилей с целью причинения вреда Распространение личной информации - несанкционированное распространение личных данных, фото, видео Кибератаки - направление вредоносных программ, несанкционированное использование аккаунтов Социальная изоляция - целенаправленные действия по исключению из онлайн- сообществ
Контекст виктимизации	CBVEQ-G	Контекст (Бинарно: Да/Нет) Эмоциональные последствия (Бинарно: Да/Нет) Технический канал (категориальный, множественный выбор)	Контекст - анонимность агрессора, умышленность действий, наличие провокаций Эмоциональные последствия - интенсивность переживаний (боль, страх, стыд, беспомощность) Технический канал - платформы и устройства, используемые для кибербуллинга
Моральные основания	«Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire, MFQ-Ru), адаптация Сычева О. А.	Чистота/религиозность Рациональные основания: 3-18 баллов Интуитивная оценка: 3-18 баллов	Чистота - ориентация на нормы телесной и духовной чистоты, традиционные ценности <i>Рациональные основания:</i> сознательное следование религиозным и культурным нормам <i>Интуитивная оценка:</i> автоматические реакции отвращения к нарушению табу
		Забота/избегание вреда Рациональные основания: 3-18 баллов Интуитивная оценка: 3-18 баллов	Забота - чувствительность к страданиям других, стремление защитить от вреда <i>Рациональные основания:</i> осознанная оценка последствий действий для благополучия других <i>Интуитивная оценка:</i> немедленная эмоциональная реакция на чужую боль

Продолжение Таблицы 2.2		Справедливость Рациональные основания: 3-18 баллов Интуитивная оценка: 3-18 баллов	Справедливость - ориентация на справедливость, равенство и взаимность <i>Рациональные основания:</i> сознательная оценка честности и равноправия <i>Интуитивная оценка:</i> автоматическое возмущение несправедливостью
		Лояльность группе Рациональные основания: 3-18 баллов Интуитивная оценка: 3-18 баллов	Лояльность - преданность своей группе, готовность жертвовать личными интересами <i>Рациональные основания:</i> осознанная идентификация с групповыми ценностями <i>Интуитивная оценка:</i> автоматическое доверие «своим» и настороженность к «чужим»
		Уважение Рациональные основания: 3-18 баллов Интуитивная оценка: 3-18 баллов	Уважение - почтение к иерархии, авторитетам и традициям <i>Рациональные основания:</i> сознательное признание социальной иерархии <i>Интуитивная оценка:</i> автоматическое почтение к статусу и возрасту
Потенциальные модераторы вклада социально-психологических факторов в выбор стратегий преодоления кибербуллинга подростками			
Социально-демографические характеристики	Анкета «Цифровой опыт»	Пол (кодировка: Девочки=1, Мальчики=2) Возраст (кодировка: 11=1, 12=2, 13=3, 14=4, 15=5, 16=6, 17=7; в анкете группировка: 10-14=1, 15-17=2) Страна (кодировка: Россия=1, Казахстан=2)	Пол - гендерная идентичность респондента Возраст - хронологический возраст Страна - страна проживания как индикатор культурного контекста
Цифровой опыт подростков	Анкета «Цифровой опыт»	Опыт кибербуллинга (буллер) (1-4 балла) Опыт кибербуллинга (жертва) (1-4 балла)	Опыт буллинга - частота вовлеченности в роли агрессора и жертвы
		Время в Интернете (категориальный: <1ч., 1-3ч., 4-8ч., >8ч.)	Цифровая активность - интенсивность и характер использования интернета
		Длительность столкновения (1-5 баллов) Виды кибербуллинга (категориальный, множественный выбор)	Паттерны виктимизации - продолжительность и разнообразие форм кибербуллинга
Серьёзность последствий кибербуллинга	Анкета «Цифровой опыт»	Влияние на учёбу (1-5 баллов)	Влияние на учёбу - снижение академической успеваемости, концентрации, мотивации к обучению

Продолжение Таблицы 2.2		Социальную жизнь (1-5 баллов)	Социальную жизнь - ограничение участия в социальных мероприятиях, кружках, внешкольной деятельности
		Психическое здоровье (1-5 баллов)	Психическое здоровье - повышение уровня тревожности, депрессивных симптомов, эмоциональной нестабильности
		Онлайн-общение (1-5 баллов)	Онлайн-общение - изменения в цифровом поведении: избегание соцсетей, тревожность при онлайн-взаимодействиях
		Отношения с людьми (1-5 баллов)	Отношения с людьми - ухудшение межличностных контактов в реальной жизни, социальная изоляция, снижение доверия
Интенсивность переживания последствий	Анкета «Цифровой опыт»	Шкала оценки интенсивности (1-5 баллов)	Субъективная значимость - сила эмоционального реагирования на инциденты кибербуллинга

Примечания:

1. *CBVEQ-G — адаптированная версия опросника кибервиктимности (Antoniadou et al., 2016).*
2. *MFQ — опросник моральных оснований включает два компонента: рациональное обоснование и интуитивную оценку (О. А. Сычев и др.).*

Данные были собраны через онлайн-анкету, разработанную в Google Формах на основе валидизированных методик. Процесс сбора информации осуществлялся при научном сопровождении исследовательской группы для обеспечения соответствия методологическим требованиям и этическим нормам (включая добровольность участия и конфиденциальность). Электронный формат анкеты сохранил структурную целостность оригинальных инструментов, а техническая координация процесса обеспечила: мониторинг доступности анкеты и корректности работы платформы; своевременное устранение технических сбоев (ошибок при открытии ссылок); консультативную поддержку участников для минимизации пропущенных ответов.

2.3. Описание методов и методик исследования

В качестве основного инструментария для анализа стратегий преодоления кибербуллинга и их детерминант использовался адаптированный вариант

«Опросника стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга» (CWCQ), первоначально разработанного Sticca и colleagues (2015). Адаптация методики для русскоязычной выборки выполнена автором диссертации (Утемисова, 2024а, 2024б), что включало кросс-культурную валидизацию, проверку факторной структуры и психометрических свойств в соответствии с международными стандартами (Cronbach, 1951; Cheung & Rensvold, 2002). Первичные результаты апробации опросника были представлены в двух публикациях (Утемисова, 2024а, 2024б). Дополнительно на странице журнала «Психология человека в образовании» в социальной сети «ВКонтакте» опубликовано видео, где автор подробно рассказывает о методологии, результатах и значимости исследования. Видеоматериал, размещённый 11 декабря 2024 года, включает демонстрацию процедуры валидизации опросника и обсуждение практических применений разработанного инструментария (Дополнительные материалы исследования, 2024). Полная версия опросника доступна в указанных публикациях (Утемисова, 2024а, 2024б), а данные эксплораторного и конфирматорного факторного анализа авторского опросника — в открытом доступе (Sticca et al., 2015). Полное психометрическое обоснование, включая результаты конфирматорного факторного анализа, оценку конвергентной и дискриминантной валидности, а также инвариантность измерений для половых и возрастных подгрупп, представлено в Приложении А.

Каждый пункт оценивается по **5-балльной** шкале Ликерта (1 – «определенно нет», 5 – «определенно да»). Сырые баллы рассчитываются суммированием оценок по входящим в подшкалы утверждениям.

Подсчет баллов: в целом по опроснику можно набрать от 19 до 95 баллов, из них:

- По шкале «**Формальная поддержка**» – от **5** до **25** баллов (5 пунктов),
- По шкале «**Близкая поддержка**» – от **6** до **30** баллов (6 пунктов),
- По шкале «**Активное игнорирование**» – от **4** до **20** баллов (4 пункта),
- По шкале «**Активное противостояние**» – от **4** до **20** баллов (4 пункта).

Шкалы демонстрируют удовлетворительную надежность ($\alpha = 0.78–0.85$), что соответствует требованиям психометрических стандартов (Cronbach, 1951). **Операционализация цифровой автономии.** В контексте данного исследования конструкт «цифровая автономия» понимается как способность подростков самостоятельно управлять онлайн-рисками, используя технические навыки и поведерческие стратегии для контроля над цифровой средой. В адаптированной версии опросника CWCBQ данный конструкт операционализируется через несколько поведенческих паттернов, измеряемых двумя ключевыми шкалами: Шкала «Активное игнорирование» измеряет аспект цифровой автономии, связанный с пассивным техническим контролем. Эмпирическими референтами здесь выступают пункты, направленные на сознательное игнорирование агрессора и технические действия по блокировке нежелательных контактов и настройке параметров приватности (например, «Я заблокировал(а) этого человека»). Высокие баллы по этой шкале отражают автономию, проявляющуюся в создании защитного технического барьера. Шкала «Активное противостояние» отражает аспект цифровой автономии, связанный с проактивным использованием технологических инструментов для контратаки или установления контроля над ситуацией. Наиболее релевантным пунктом является пункт 17, который прямо отсылает к использованию анонимных сообщений в киберпространстве, что требует знаний о цифровой среде и демонстрирует применение технологических ресурсов для противостояния агрессии. Пункт 10, хотя и содержит онлайн-элемент (угроза рассказать о ситуации), в общем контексте перехода от цифрового преследования к активным защитным действиям также может рассматриваться как часть стратегии установления контроля, инициируемой в цифровой среде. Таким образом, шкалы «Активное игнорирование» и «Активное противостояние» в своей совокупности позволяют оценить взаимосвязь технологического фактора и цифровой автономии со стратегиями преодоления кибербуллинга в условиях цифровой трансформации. Выбор опросника обоснован его способностью отражать половые различия: девочки чаще используют стратегии, связанные с поиском социальной поддержки ($\beta = 0.32$) и техническими настройками

приватности (Vandoninck & d'Haenens, 2015), тогда как мальчики предпочитают конфронтацию ($OR = 1.73$) или избегание, что коррелирует с нормами маскулинности и деиндивидуализацией в цифровой среде (Barlett et al., 2017; Barlett & Coyne, 2014; Eroglu et al., 2022). Особое внимание уделено цифровой автономии — способности подростков самостоятельно управлять онлайн-рискаами через технические навыки (Mackenzie et al., 2020). Адаптированный CWCBQ учитывает, что в коллективистских странах (Кения) 67% подростков с высокой цифровой грамотностью активно применяют шифрование и настройки приватности (International Telecommunication Union, 2020), тогда как в РК доминируют пассивные стратегии (игнорирование — $\beta = 0.71$), обусловленные низким доверием к институтам (Солдатова & Ярмина, 2019). Инструмент также фиксирует связь цифровой автономии с культурным контекстом: в коллективистских обществах семейная поддержка снижает потребность в технических решениях ($r = -0.36$), тогда как индивидуалистические установки усиливают зависимость от алгоритмических инструментов (блокировка агрессоров — 78% эффективности) (Солдатова & Ярмина, 2019). CWCBQ не только соответствует критериям надежности, но и позволяет анализировать кросс-культурную динамику стратегий, опираясь на работы Barlett и Gentile (2017) об автоматизации агрессии через ВИМОВ и исследования Солдатовой и Ярминой (2019) о роли цифровой автономии в постсоветском контексте. Это делает его релевантным для изучения взаимосвязи культурных, половых и технологических факторов в условиях цифровой трансформации. Текст русскоязычной версии опросника (CWCBQ) представлен в приложении Б.

Опросник «Опыт кибербуллинга и кибервиктимизации» Антониаду Нафсика и Коккинос М. Константинос (Greek cyber-bullying/victimization experiences questionnaire - CBVEQ-G)

Для оценки кибервиктимности использовалась адаптированная версия опросника «Cyberbullying Victimization Experiences Questionnaire» (CBVEQ-G) (Antoniadou et al., 2016), валидированная для русскоязычной образовательной среды Асылбековой с соавторами (Assylbekova et al., в печати). Психометрическое

обоснование адаптированной версии опросника представлено в Приложении В. Выбор инструмента обусловлен его соответствием теоретической модели, изложенной в исследовании, где кибербуллинг операционализируется как комплексное явление, включающее активные действия агрессора и опыт субъекта, подвергающегося агрессии (Antoniadou et al., 2016; Assylbekova et al., в печати). Временной интервал в 3 месяца, использованный для оценки частоты эпизодов, обеспечивает релевантность данных и снижает риск ошибки, связанной с ретроспективной оценкой (Tokunaga, 2010; Camerini et al., 2020).

Структура и содержание опросника

Опросник структурно состоит из двух взаимодополняющих блоков, что позволяет одновременно оценить частоту встречаемости различных форм кибербуллинга и их субъективное восприятие респондентом.

Часть А. Оценка частоты форм кибербуллинга

Данная часть содержит 12 утверждений, оценивающих, как часто респондент сталкивался с различными формами кибербуллинга за последние три месяца. Ответы даются по 5-балльной шкале Ликерта: 1 — «Никогда», 2 — «1–2 раза», 3 — «Иногда», 4 — «Часто», 5 — «Каждый день».

Для целей количественного анализа и обеспечения психометрической надежности, пункты сгруппированы в три содержательно однородные категории, каждая из которых включает по три пункта и интерпретируется как отдельная измеряемая переменная. **Вербальная агрессия (пункты 1, 3, 10):** фиксирует систематические оскорблении, насмешки и угрозы в цифровой среде. **Имитация личности (пункты 2, 7, 12):** отражает манипуляции с цифровыми идентичностями, включая создание фальшивых профилей и взлом аккаунтов. **Распространение личной информации (пункты 4, 5, 11):** операционализирует нарушения приватности, связанные с несанкционированным распространением личной или приватной информации респондента.

Помимо этого, опросник содержит отдельные пункты, описывающие специфические формы кибервиктимизации, такие как кибератаки с использованием вредоносных программ (п. 6, 8) и целенаправленное социальное

исключение (п. 9). В связи с недостаточным для построения шкалы количеством пунктов, эти данные анализируются качественно, с помощью частотного анализа.

Часть В. О человеке, совершившем действие. Данная часть (вопросы а–д) направлена на анализ наиболее значимого для респондента инцидента кибербуллинга и следует за инструкцией «Если кто-то поступал по отношению к вам...». Она операционализирует контекст произошедшего (анонимность, умысел, провокации — вопросы а–в), а также эмоциональные последствия (вопросы г–д). Вопросы предполагают бинарный выбор («Да» / «Нет»).

Часть С. О способе совершения действия. Данная часть (вопрос е) уточняет технические каналы (платформы/устройства), через которые был осуществлен кибербуллинг. Этот вопрос требует множественного выбора. Его уточнение критично для адаптации профилактических мер к платформенно-специфичным рискам, усиливая практическую значимость инструмента.

Алгоритм подсчета баллов и анализа данных

По Части А (вопросы 1–12): основные вопросы используют 5-балльную шкалу Ликерта. Для каждой из трех основных категорий вычисляется сырой балл как сумма оценок по входящим в нее вопросам.

Верbalная агрессия, Имитация личности, Распространение личной информации: диапазон баллов от 3 до 15 для каждой категории. Высокие баллы отражают повышенную частоту соответствующих форм кибербуллинга.

По Частям В и С (вопросы а–е): опросы а–д (Часть В) предполагают бинарный выбор («Да» / «Нет»). Вопрос е (Часть С) требует множественного выбора. Балльные диапазоны для этих вопросов не применяются, так как они не предполагают шкалирования, а направлены на качественную оценку. Анализ данных по этим вопросам осуществляется через частотное распределение ответов.

Интерпретация результатов

Интегративная интерпретация данных трех частей позволяет не только констатировать факт кибервиктимизации и выявить преобладающие формы кибербуллинга, но и установить связь между техническими каналами (напр.,

социальные сети) и психологическими последствиями. Такой подход является ключевым для разработки адресных профилактических и коррекционных мероприятий. Текст русскоязычной версии опросника (*CBVEQ-R*) представлен в Приложении В.

Анкета «Цифровой опыт» подростков

Анкета «Цифровой опыт» подростков, разработанная для комплексной оценки взаимосвязи кибербуллинга, цифровых практик и социально-психологических последствий, структурирована по трём взаимодополняющим блокам (всего 17 вопросов). Первый блок фокусируется на демографических характеристиках: пол фиксировался через номинальную шкалу с бинарными вариантами (мужской/женский, вопрос 1), а возрастная стратификация (10–14 лет / 15–17 лет, вопрос 2) проведена с учётом нейropsихологических особенностей подросткового развития, где ранний подростковый период (10–14 лет) характеризуется формированием идентичности, а поздний (15–17 лет) — усилением социальной рефлексии (Collins & Steinberg, 2007). Второй блок направлен на оценку опыта кибербуллинга: участие в качестве агрессора измерялось через порядковую шкалу частоты (вопрос 3: 1 — «совсем нет»; 4 — «более 5 раз»), а виктимизация — аналогичной шкалой с градацией от однократного до систематического воздействия (вопрос 4). Для минимизации социальной желательности использованы нейтральные формулировки («сталкивались с ситуациями...»), исключающие прямые обвинения, что повышает валидность данных (Dillman et al., 2014). Суточная продолжительность использования интернета (вопрос 5) фиксировалась через категориальные интервалы («менее 1 часа» — «более 8 часов»), а частота столкновений с кибербуллингом в социальных сетях (вопрос 6) оценивалась по 5-уровневой порядковой шкале («ежедневно» — «никогда»). Виды кибербуллинга (вопрос 7) включали три категории, выделенные в работах Antoniadou и colleagues (2016): кибер-вербальная травля (онлайн-угрозы, оскорблений), скрытие личности

(поддельные аккаунты, распространение ложной информации) и кибер-подделка (манипуляция фото/видео). Частота каждого вида уточнялась отдельно (вопрос 8), что позволило дифференцировать степень воздействия (Twenge et al., 2019). Серьёзность последствий кибербуллинга оценивалась по пяти ключевым доменам (вопросы 12–16) через 5-балльные шкалы Ликерта (1 — «совсем не повлиял», 5 — «очень сильно повлиял»): самочувствие (физический и эмоциональный дискомфорт), учебная/профессиональная деятельность, социальные отношения, онлайн-активность и психическое здоровье (тревожность, депрессивные симптомы). Интенсивность переживаний (вопрос 17) дополнительно измерялась по шкале от 1 («отсутствие переживаний») до 5 («крайняя интенсивность»), что согласуется с методологией дифференциации эмоциональных реакций (Nolen-Hoeksema et al., 2008). Таким образом, анкета отражает многомерность социального статуса подростков: коммуникативная компетентность в офлайн-среде (глубина межличностного обмена, вопросы 9–10), паттерны онлайн-взаимодействия (размер цифрового социального круга, комфортность виртуальной самопрезентации, вопросы 6–11) и баланс виртуально-реальной активности (вопрос 11) анализируются через сочетание категориальных, порядковых и интервальных шкал (Fernández-Zabala et al., 2020).

Подсчет баллов:

- Опыт кибербуллинга (вопросы 3–4):**
 - От **1** до **4** баллов за каждый вопрос (4-балльная порядковая шкала).
- Частота кибербуллинга (вопросы 6–8):**
 - От **1** до **5** баллов за каждый вопрос (5-балльная порядковая шкала).
- Серьёзность последствий (вопросы 12–16):**
 - От **1** до **5** баллов за каждый вопрос (5-балльная шкала Ликерта).
- Интенсивность переживаний (вопрос 17):**
 - От **1** до **5** баллов (5-балльная шкала).

Валидность инструмента подтверждена пилотным тестированием на выборке 30 респондентов ($Cronbach's\ \alpha = 0.82$), что соответствует

требованиям к надежности психометрических инструментов (Cohen, 1988).

Структура вопросов адаптирована с учётом рекомендаций Всемирной организации здравоохранения для подростковых исследований (Patton et al., 2016). Подробная структура анкеты представлена в Приложении Г.

Опросник моральных оснований (Moral Foundations Questionnaire, MFQ).
Авторы: J. Graham, J. Haidt et al. (2011). Адаптация MFQ-Ru: О. А. Сычев и др. (2016)

Опросник моральных оснований разработан на основе теории моральных оснований Дж. Хайдта (Haidt, 2001; Haidt, 2007) и является популярным инструментом в зарубежных исследованиях морали (Graham et al., 2013; Graham et al., 2009; Haidt, 2001; Haidt, 2007). При разработке данного подхода было предложено новое понятие моральных оснований (moral foundations) для обозначения базовых составляющих сферы морали, выступающих в качестве критериев нравственной оценки различных поступков и событий – моральных оснований для оценочных суждений. Методика включает пять соответствующих моральным основаниям шкал: «забота», «справедливость», «лояльность группе», «уважение к авторитету» и «чистота» (относится к религиозным и культурным нормам и запретам в сфере отношения к пище, телу, сексу и различным сакральным для группы объектам). Помимо пяти базовых шкал, в соответствии с теоретической моделью, основания могут быть объединены в две интегральные шкалы второго порядка: этика автономии - объединяет основания «Забота» и «Справедливость», отражает ориентацию на защиту прав личности, равенство и предотвращение вреда. Этика сообщества - включает основания «Лояльность», «Уважение» и «Чистота», отражает приоритет групповых ценностей: преданность группе, иерархию, традиции и религиозные нормы (Graham et al., 2013). Адаптированная MFQ-Ru (Сычев и др., 2016) демонстрирует кросс-культурную эквивалентность по отношению к представителям различных групп. Исследование, проведенное на российской выборке, показало, что сплачивающие моральные основания позитивно коррелируют с: озабоченностью вопросами патриотизма и единства в

обществе; поддержкой роста затрат на оборону, беспокойностью действиями внешних или внутренних врагов, убежденностью в важной роли религии в жизни общества (Сычев и др., 2016). Данная методика дифференцирует два уровня моральных суждений: рациональное обоснование (сознательная артикуляция ценностей) и интуитивную оценку (автоматические эмоциональные реакции), что соответствует двухчастной структуре опросника (Haidt, 2001). Надежность шкал подтверждена коэффициентом α Кронбаха в диапазоне 0.72–0.81, что соответствует критериям внутренней согласованности (Сычев и др., 2016). Данные значения указывают на устойчивость методики к культурным различиям, позволяя выявлять как универсальные паттерны (например, связь заботы с эмпатией), так и специфические корреляции (например, доминирование лояльности и уважения в коллективистских контекстах). В частности, исследование Luo и colleagues (2023) демонстрирует, что коллективистские ценности усиливают значимость сплачивающих оснований (лояльность, уважение, чистота), что согласуется с данными о российской выборке (Сычев и др., 2016). Это позволяет анализировать, как культурно обусловленные интуиции (например, приоритет групповой гармонии) опосредуют выбор стратегий преодоления стресса, минимизирующих межличностные конфликты. Опросник включает 30 вопросов, разделённых на два блока: **рациональное обоснование** (вопросы 1–15) оценивает значимость моральных аспектов в оценке поступков по 6-балльной шкале («абсолютно не важно» — «крайне важно»), **интуитивная оценка** (вопросы 16–30) измеряет согласие с моральными утверждениями по 6-балльной шкале Ликерта («абсолютно не согласен» — «полностью согласен»).

Подсчет баллов: для каждой субшкалы вычисляется сырой балл как сумма оценок по входящим в нее вопросам. В целом по каждому блоку можно набрать от **15** до **90** баллов, из них:

- По шкале **«Забота»** – от **3** до **18** баллов (3 пункта),
- По шкале **«Справедливость»** – от **3** до **18** баллов (3 пункта),
- По шкале **«Лояльность группе»** – от **3** до **18** баллов (3 пункта),

- По шкале «**Уважение**» – от **3** до **18** баллов (3 пункта),
- По шкале «**Чистота**» – от **3** до **18** баллов (3 пункта).
- По шкале «**Этика автономии**» - от 6 до 36 баллов (сумма баллов по шкалам «Забота» и «Справедливость»)
- По шкале «**Этика сообщества**» - от 9 до 54 баллов (сумма баллов по шкалам «Лояльность», «Уважение» и «Чистота»)

Методика демонстрирует высокую надёжность (Cronbach's $\alpha = 0.78\text{--}0.89$ для субшкал) и конвергентную валидность, подтверждённую корреляциями с ценностными ориентациями (Graham et al., 2013). Психометрические характеристики методики соответствуют международным стандартам тестирования (Cheung & Rensvold, 2002), что подтверждает её адекватность для исследуемой выборки. Таким образом, методика MFQ-Ru обеспечивает комплексный анализ взаимодействия когнитивных и аффективных компонентов морали (Haidt, 2001), что критически важно для изучения ценностных трансформаций в условиях цифровизации и глобализации (Soldatova & Rasskazova, 2023; Lebedeva, 2019). Текст адаптированного опросника приведён в Приложении Д.

2.4. Методы статистической обработки эмпирических данных

Первичная обработка данных включала расчет дескриптивных статистик (медиана, среднее арифметическое, стандартное отклонение) для количественных показателей, полученных с использованием методик, описанных в главе 2. Распределение данных проверялось на нормальность с применением критерия Колмогорова-Смирнова. Результаты показали отклонение от нормального распределения ($p < 0.05$), что обусловило выбор непараметрических методов анализа, соответствующих рекомендациям для шкал Лайкerta (Norman, 2010) и особенностям обработки данных с отклонениями от нормального распределения (Tabachnick & Fidell, 2018).

Для анализа корреляционных связей между стратегиями преодоления, кибервиктимизацией и культурно-половыми факторами использовался

коэффициент ранговой корреляции Спирмена (rs), позволяющий оценить силу и направление монотонных зависимостей (Наследов, 2013). В связи с тем, что шкалы опросника стратегий преодоления кибербуллинга (CWCQ) содержат разное количество пунктов (формальная поддержка - 5 пунктов, близкая поддержка - 6 пунктов, активное игнорирование - 4 пункта, активное противостояние - 4 пункта), для обеспечения корректности межшкальных сравнений и статистического анализа был применен метод нормирования сырых баллов. Для сравнения половых различий применялся критерий Манна-Уитни (U), выявляющий статистически значимые различия между независимыми выборками (Tomczak & Tomczak, 2014). Возрастные и кросс-культурные особенности (РФ / РК) анализировались с помощью критерия Краскела-Уоллиса (H), оценивающего различия между тремя и более группами (Tomczak & Tomczak, 2014).

Многомерный анализ данных, включая влияние субъективного восприятия подростками своих социальных навыков и цифрового опыта, проводился с использованием двухфакторного дисперсионного анализа (ANOVA), что позволило оценить взаимодействие факторов (например, пол \times возраст) (Tabri & Elliott, 2012). Для прогнозирования кибервиктимности и выявления ключевых предикторов стратегий преодоления применялся множественный регрессионный анализ с пошаговым включением переменных (β -коэффициенты) (Hair et al., 2010).

Структурная модель взаимосвязей между моральными основаниями, ролевой динамикой и стратегиями преодоления кибербуллинга тестировалась методом моделирования структурными уравнениями (SEM) в программе JASP 0.19.3.0 (Pfadt et al., 2023). Для оценки соответствия моделей использовались критерии согласия: $CFI > 0.90$, $RMSEA < 0.08$ (Hu & Bentler, 1999) и $SRMR < 0.08$. Анализ включал четыре модели, отражающие кросс-культурные и половые особенности выборки. Применение структурного моделирования в психологических исследованиях соответствует современным методологическим стандартам (Kline, 2015) и позволяет анализировать сложные латентные конструкции (West et al., 2012). Обработка данных, визуализация результатов осуществлялась в JASP 0.19.3.0. Все расчеты учитывали поправку Бонферрони для множественных

сравнений (Armstrong, 2014), а для коррекции ненормальности данных использовались робастные методы оценивания (Bollen & Stine, 1992). Параметры итоговой структурной модели приведены в параграфе 3.4.1.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТОВ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА ПОДРОСТКАМИ РФ И РК

3.1. Выраженность стратегий преодоления кибербуллинга подростками РФ и РК

В этом параграфе представлены данные эмпирического исследования стратегий преодоления подростками кибербуллинга. В исследовании участвовали 404 подростка (11-17 лет): 206 из РФ (52% девушек), 198 из РК (54% девушек). 75% респондентов столкнулись с кибербуллингом за последний год. Использовалась адаптированная версия опросника CWCBQ (Sticca et al., 2015; Утемисова, 2024), измеряющего четыре стратегии: Формальная поддержка (ФП), Активное противостояние (АП), Близкая поддержка (БП), Активное игнорирование (АИ). Анализ выраженности стратегий преодоления кибербуллинга (таблица 3.1) позволил выявить четкую иерархию их предпочтения подростками. Наибольшую популярность демонстрирует стратегия поиска БП, что отражает социально-эмоциональные особенности подросткового возраста. Высокая выраженность избегания и игнорирования АИ указывает на распространенность пассивных копинг-стратегий в цифровой среде. Умеренное использование АП и относительно низкая частота обращения к дистанционным стратегиям ФП свидетельствуют о недостаточной сформированности инструментальных способов разрешения кибербуллинга. Корреляционный анализ выявил системный характер взаимосвязей: сильная положительная связь между БП и АИ ($p<.01$) отражает общий паттерн социально-ориентированного копинга, тогда как умеренные корреляции ФП с другими стратегиями указывают на ее относительную обособленность в поведенческом репертуаре подростков.

Таблица 3. 1 - Описательные статистики и коэффициенты корреляции для показателей стратегий преодоления кибербуллинга подростками (по выборке в целом, $n = 404$)

Показатели	<i>M</i>	<i>S</i>	<i>Me</i>	ФП	АП	БП	АИ
(ФП)	3,00	1,02	3,00	1	,269**	,481**	,397**
(АП)	3,08	0,95	3,08			1	,264**

Продолжение Таблицы 3. 1 (БП)	3,87	0,88	3,87				1	,664**
(АИ)	3,75	0,90	3,75				1	

Примечание: ** — $p \leq 0,01$; Условные обозначения в таблицах: ФП — Формальная поддержка, АП — Активное противостояние, БП — Близкая поддержка, АИ — Активное игнорирование.

Данные, представленные в Таблице 3.2 вскрывают глубинные механизмы возрастной трансформации совладающего поведения в цифровой среде. Анализ показывает, как подросток проходит путь от реактивного пользователя, зависимого от внешних опор, к становлению проактивного цифрового агента, способного к гибкому и осознанному самоуправлению в ситуации кибербуллинга. Эта динамика прекрасно иллюстрируется нелинейной траекторией стратегии Активного противостояния (АП) и трансформацией роли социальной поддержки. Статистически значимая динамика АП ($H=15,165$, $p=0,019$) представляет собой не случайные колебания, а содержательную кривую обучения и созревания. Пик в 11 лет ($M=3,3$) отражает раннюю, прямолинейную форму цифрового агентства. Младший подросток активно использует технические инструменты (блокировка, жалобы), но его действия часто импульсивны и не опосредованы полным пониманием социальных последствий, что соответствует этапу освоения «цифрового орудия» без учета всей сложности «цифровой социальности». Спад в 12-14 лет ($M=2,8-3,0$) — это ключевой этап социально-когнитивного перехода. Подросток погружается в сложный мир групповых норм и ролевой лабильности, где страх эскалации конфликта, стигматизации или ошибки («агрессор ответит еще сильнее», «сверстники осудят») временно подавляет готовность к открытому противостоянию. Это период «кризиса самоэффективности», когда ранее усвоенные инструменты перестают восприниматься как однозначно эффективные. Восстановление к 15-16 годам ($M=3,3-3,2$) знаменует качественный скачок - формирование зрелой цифровой агентности. Подросток не просто возвращается к активным действиям, а начинает использовать их селективно и стратегически. Блокировка и ассертивное реагирование становятся не реакцией отчаяния, а осознанным, взвешенным выбором, инструментом защиты своих цифровых

границ, основанным на возросшей уверенности в своих силах и понимании социального контекста. Относительная стабильность высоких показателей БП и АИ в целом по выборке маскирует важный тренд — их постепенное снижение к 17 годам (БП: $M=3,6$; АИ: $M=3,4$). Эта динамика раскрывает процесс интернализации механизмов совладания. В младшем и среднем подростковом возрасте эти стратегии выступают основными внешними буферами стресса. Подросток ищет утешения и подтверждения у близких (БП) и использует когнитивное дистанцирование (АИ) как основной способ эмоциональной саморегуляции. Сильная связь между БП и АИ ($r=0,664$, $p<0,01$) подтверждает их работу как единого аффективно-регулятивного комплекса (см. табл. 3.1): поддержка окружающих делает психологически возможным тактическое отступление. Снижение к 17 годам свидетельствует о сдвиге от зависимости к автономии. Зрелый подросток все в большей степени опирается не на внешнюю валидацию и избегание, а на внутренние ресурсы и иные, более интегрированные формы самоуправления (например, переосмысление ситуации, самостоятельный анализ). Это прямой признак формирования психологической зрелости и готовности к сепарации. Отсутствие значимых возрастных различий и стабильно низкие показатели ФП ($M=2,9-3,2$) — это не отсутствие динамики, а отражение устойчивого социокультурного паттерна. На протяжении всего подросткового возраста сохраняется установка на разрешение цифровых конфликтов в рамках личных компетенций и ближайшего социального круга, что демонстрирует сформировавшееся недоверие к формальным институтам (школа, платформы, правоохранительные органы) как к эффективным посредникам в цифровой среде.

Таблица 3.2 - Показатели использования стратегий преодоления кибербуллинга в зависимости от возраста ($M \pm SD$; критерий Краскела-Уоллиса, H)

Показатели	11 лет (n=62)	12 лет (n=51)	13 лет (n=46)	14 лет (n=121)	15 лет (n=60)	16 лет (n=41)	17 лет (n=23)	H (p-value)
(ФП)	$3,0 \pm 0,9$	$2,9 \pm 1,3$	$2,9 \pm 1,1$	$3,0 \pm 1,0$	$3,0 \pm 1,0$	$3,2 \pm 0,9$	$3,1 \pm 0,9$	$3,033 (0,805)$
(АП)	$3,3 \pm 0,9$	$2,8 \pm 0,9$	$3,0 \pm 1,0$	$3,0 \pm 1,0$	$3,3 \pm 1,0$	$3,2 \pm 0,9$	$2,9 \pm 0,8$	$15,165 (0,019)**$
(БП)	$4,0 \pm 0,7$	$3,9 \pm 1,0$	$3,8 \pm 1,1$	$3,8 \pm 0,9$	$4,0 \pm 0,8$	$3,9 \pm 0,8$	$3,6 \pm 0,8$	$6,400 (0,380)$
(АИ)	$4,0 \pm 0,7$	$3,8 \pm 1,0$	$3,7 \pm 1,1$	$3,7 \pm 0,9$	$3,9 \pm 0,7$	$3,8 \pm 0,9$	$3,4 \pm 0,7$	$11,619 (0,071)$

Согласно данным таблицы 3.3, сравнительный анализ стратегий преодоления кибербуллинга выявил различия в поведенческих паттернах у подростков (РФ) и (РК). Подростки из РК продемонстрировали статистически значимо более высокую вовлеченность в стратегии, требующие внешней активности и социального взаимодействия. Это проявляется в более частом использовании:

- 1) формальной поддержки (ФП). Данный факт может указывать на более высокий уровень доверия к институциональным системам помощи (школе, правоохранительным органам, официальным сервисам) или на лучшую информированность о них;
- 2) близкой поддержки (БП). Это может свидетельствовать о тенденции активно привлекать ресурсы ближайшего социального окружения (друзей, семью) для разрешения травмирующей ситуации. Помимо поддержки, группа РК также значимо чаще прибегает к Активному противостоянию (АП). В совокупности, эти три стратегии (ФП, БП, АП) формируют профиль активного, просоциально ориентированного совладания, направленного на разрешение конфликта через внешние действия и социальные ресурсы. Хотя различия по шкале Активного

игнорирования (АИ) не достигли строгого уровня значимости, выявленная тенденция в пользу группы РК позволяет сделать важное предположение. В данном контексте, игнорирование не является проявлением пассивности или беспомощности. Напротив, оно может быть осознанной и целенаправленной тактикой в рамках общего активного профиля, стратегией сознательного лишения обидчика ожидаемой эмоциональной реакции, что лишает кибербуллинг его психологической основы.

Таблица 3.3 - Сравнение стратегий преодоления кибербуллинга между подростками женского и мужского пола ($M \pm SD$; критерий Манна-Уитни)

Показатели	РФ ($M \pm SD$, n=206)	РК ($M \pm SD$, n=198)	U	Z	p-value
ФП	$2,7 \pm 1,0$	$3,3 \pm 1,0$	13540,000	-5,556	<0,001*
АП	$3,0 \pm 0,9$	$3,2 \pm 1,0$	17337,500	-2,284	0,022*
БП	$3,8 \pm 0,9$	$4,0 \pm 0,9$	16604,000	-2,917	0,004*
АИ	$3,7 \pm 0,9$	$3,9 \pm 0,9$	17797,500	-1,891	0,059

Примечание: $M \pm SD$ - среднее ± стандартное отклонение; U - критерий Манна-Уитни; --данные отсутствуют; * - уровень значимости $p < 0,05$. Условные обозначения в таблицах: ФП — Формальная поддержка, АП — Активное противостояние, БП — Близкая поддержка, АИ — Активное игнорирование.

3.1.1. Стратегия – (Формальная поддержка)

Анализ нормированных данных (таблица 3.4) выявил качественно различную возрастную динамику у мальчиков и девочек. У мальчиков наблюдается выраженное снижение показателей ФП с 3.70 в 11-12 лет до 3.14 в 15-17 лет ($F=4,101$, $p=0,018$). Этот паттерн не может быть интерпретирован просто как «снижение». Это — наглядная иллюстрация кризиса доверия к формальным институтам (педагоги, администрация платформ). В младшем подростковом возрасте мальчики, вероятно, еще апеллируют к внешним авторитетам, перенося паттерны поведения из младшей школы. Однако, по мере столкновения с

кибербуллингом, они эмпирическим путем убеждаются в неэффективности или нежелании этих институтов решать проблему. С позиций **ресурсной теории** (Hobfoll, 1989), происходит переоценка ресурса «формальные институты» как недоступного или бесполезного. Его использование прекращается для сохранения психологических усилий, что ведет к поиску иных, зачастую более автономных или ригидных способов совладания (например, Активное противостояние). У девочек, напротив, фиксируется постепенный рост использования ФП от 2.61 (11-12 лет) до 3.03 (15-17 лет) ($F=3,408$, $p=0,035$). Этот тренд, вопреки общей «дилемме доверия», отражает не вынужденность, а формирование зрелой, инструментальной позиции. Девочки-подростки, проходя через серию столкновений с кибербуллингом, не просто пассивно обращаются за помощью, а научаются селективно и целенаправленно интегрировать формальные каналы в свой копинг-репертуар. Это свидетельствует о развитии цифровой компетентности и агентности — способности активно влиять на ситуацию, используя все доступные средства, пусть и с изрядной долей скепсиса.

Таблица 3.4 - Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - Формальная поддержка (ФП) в зависимости от возраста и пола

Пол	Возраст	M±SD	N
Девочки	11-12 лет	$2,61 \pm 0,96$	76
	13-14 лет	$2,68 \pm 0,93$	95
	15-17 лет	$3,03 \pm 1,04$	60
Всего		$2,75 \pm 0,98$	231
Мальчики	11-12 лет	$3,70 \pm 0,94$	37
	13-14 лет	$3,28 \pm 1,06$	72
	15-17 лет	$3,14 \pm 0,81$	64
Всего		$3,32 \pm 0,96$	173
Всего	11-12 лет	$2,97 \pm 1,08$	113
	13-14 лет	$2,94 \pm 1,03$	167
	15-17 лет	$3,09 \pm 0,93$	124
Всего		$2,99 \pm 1,01$	404

Примечание. Представлены нормированные показатели (средний балл на пункт) по шкале от 1 до 5. Погрешности отражают стандартные отклонения.

Данный вывод напрямую соотносится с теоретическим положением о стратегиях преодоления как активном, осознанном построении поведения (Крюкова, 2008). В объединенной выборке мальчики демонстрируют более высокую склонность к этим стратегиям.

3.1.2. Стратегия (Активное игнорирование)

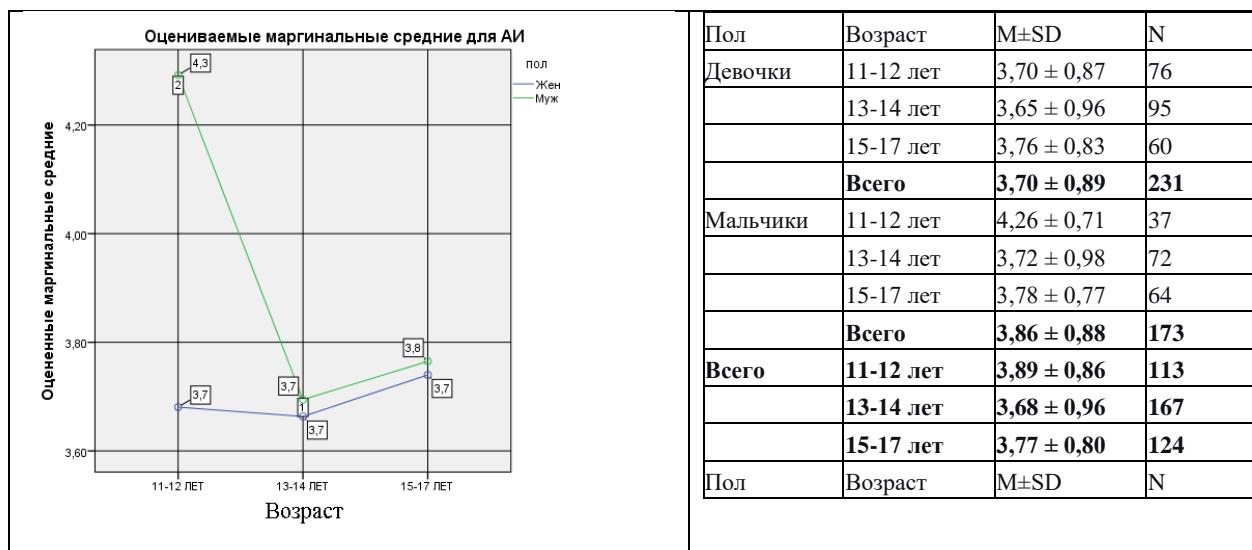
Активное игнорирование (АИ) классифицируется как эмоционально-ориентированная стратегия преодоления, направленная на регуляцию негативных эмоций через избегание источника стресса (Lazarus, 2000). Активное игнорирование как стратегия преодоления в цифровой среде представляет собой сознательное избегание взаимодействия с источником кибербуллинга (блокировка, удаление сообщений, отказ от эскалации конфликта). В рамках трансактной модели стресса (Lazarus, Folkman, 1984) АИ относится к эмоционально-ориентированным стратегиям, направленным на регуляцию негативных эмоций. В контексте кибербуллинга стратегии вторичного контроля, такие как блокировка агрессоров, удаление сообщений и отказ от эскалации конфликта, отражают адаптацию к ситуации, которую невозможно изменить. Это согласуется с концепцией Rothbaum и др. (1982), согласно которой вторичный контроль направлен на приведение себя в соответствие с внешними условиями, а не на их изменение. Авторы подчёркивают, что подобное поведение (пассивность, отстранённость) не является отказом от контроля, а служит способом сохранить эмоциональную устойчивость через интерпретационный контроль и принятие неконтролируемых событий.

Результаты трехфакторного дисперсионного анализа выявили сложную структуру детерминации стратегии избегания и игнорирования (АИ) в подростковом возрасте. Таблица наглядно демонстрирует динамический процесс становления копинг-поведения. Высокий показатель АИ у мальчиков 11-12 лет ($M=4.26$) свидетельствует о первичной дезорганизации и высокой уязвимости младших подростков мужского пола при столкновении с кибербуллингом. В этом возрасте, по всей видимости, еще не сформированы более сложные, инструментальные стратегии (те же АП или ФП), и единственным

доступным и быстрым способом остановить травму является технический акт «блокировки». Последующее резкое снижение АИ у мальчиков к 13-14 годам ($M=3.72$) – это ключевая находка. Она не просто «согласуется» с теорией гендерной социализации, а эмпирически демонстрирует момент интериоризации маскулинной нормы. Подросток-мальчик усваивает, что «настоящий мужчина» не должен «прятаться» и «игнорировать», он должен противостоять (что отчасти видно по росту АП в других таблицах). Это точка потенциального кризиса и риска: если навык активного противостояния не сформирован, давление нормы может привести к неадаптивным формам агрессии или, наоборот, к выученной беспомощности.

Стабильность показателей АИ у девочек на всем протяжении подросткового возраста ($M\approx3.70$) – это **признак** интеграции данной стратегии в стабильный репертуар совладания. Для девочек АИ – не признак первичной дезорганизации, а осознанный инструмент эмоциональной саморегуляции и управления ресурсами. Они раньше и устойчивее мальчиков осваивают эту тактику, что, в контексте цифровой среды, может быть расценено как проявление более высокой адаптивности и «цифровой компетентности» на начальных этапах. Это подтверждает гипотезу об АИ как адаптивной тактике вторичного контроля (Rothbaum и др., 1982), особенно в условиях цифровой среды, где технические средства (блокировка) делают избегание оперативным и эффективным.

Таблица 3.5 - Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «Активное игнорирование» АИ в зависимости от пола и возраста

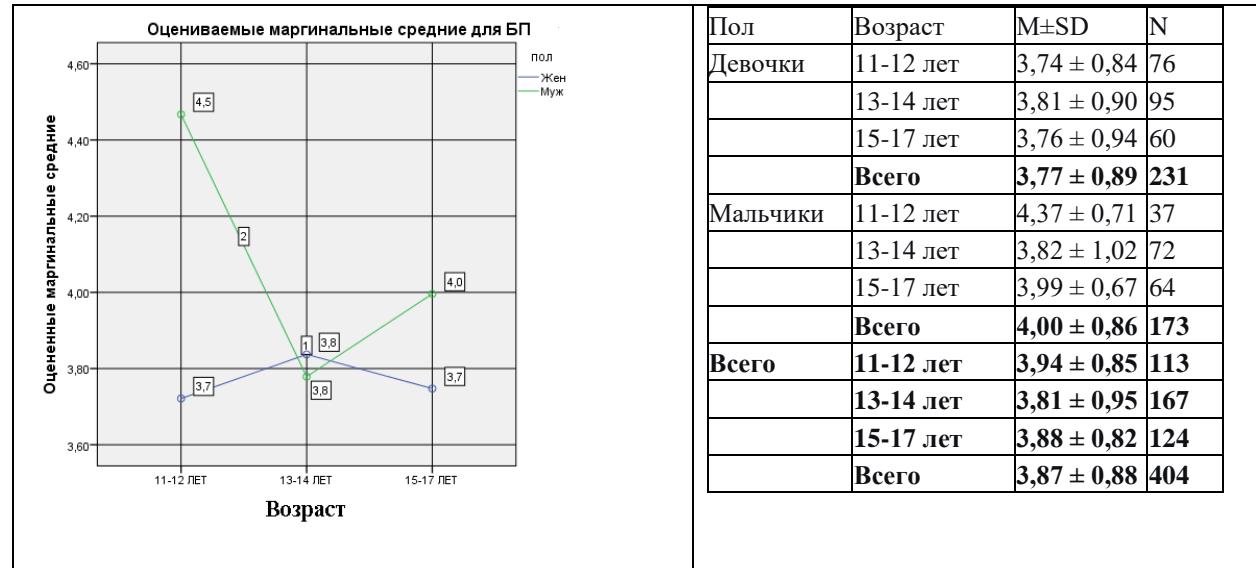

3.1.3. Стратегия (Близкая поддержка)

Дисперсионный анализ выявил сложную структуру детерминации стратегии БП с трехфакторным взаимодействием пол × возраст × страна ($F=3,809$, $p=0,023$). Обнаруженные эффекты раскрывают качественно различные модели гендерной социализации в двух культурах: в РФ наблюдается кризисная модель, где мальчики 11-12 лет демонстрируют пик обращения за поддержкой ($M=4,37$), однако к 13-14 годам их показатели резко снижаются ($M=3,82$). Эта динамика отражает действие нормативного давления и усвоение гендерных стереотипов, ограничивающих эмоциональную экспрессию у мужчин. Относительно стабильный, но более низкий профиль у девочек может свидетельствовать о большей эмоциональной автономии или меньшей эффективности поиска поддержки. В РК проявляется интегративная модель, где стратегия БП выступает как коллективный, культурно санкционированный ресурс. Отсутствие резких гендерных различий и стабильность возрастной динамики указывают на то, что поддержка сохраняет свою легитимность для всех возрастно-половых групп, создавая более устойчивый психологический буфер. Выявленное трехфакторное взаимодействие свидетельствует о сложном характере культурной специфики использования

стратегии БП, которая проявляется дифференцированно в различных половозрастных группах. Это указывает на необходимость учета не только гендерных и возрастных, но и культурных факторов при анализе копинг-поведения в условиях кибербуллинга. Множественные сравнения (Бонферрони) не выявили статистически значимых попарных различий между возрастными группами ($p>0,05$), что подчеркивает плавный характер возрастной динамики стратегии БП в целом по выборке. Однако наличие значимых взаимодействий указывает на то, что общие тенденции маскируют разнонаправленные паттерны в подгруппах. Скорректированная модель объясняет 7,8% дисперсии ($R^2=0,078$), что свидетельствует о умеренном вкладе исследуемых факторов при наличии других значимых детерминант, не включенных в модель.

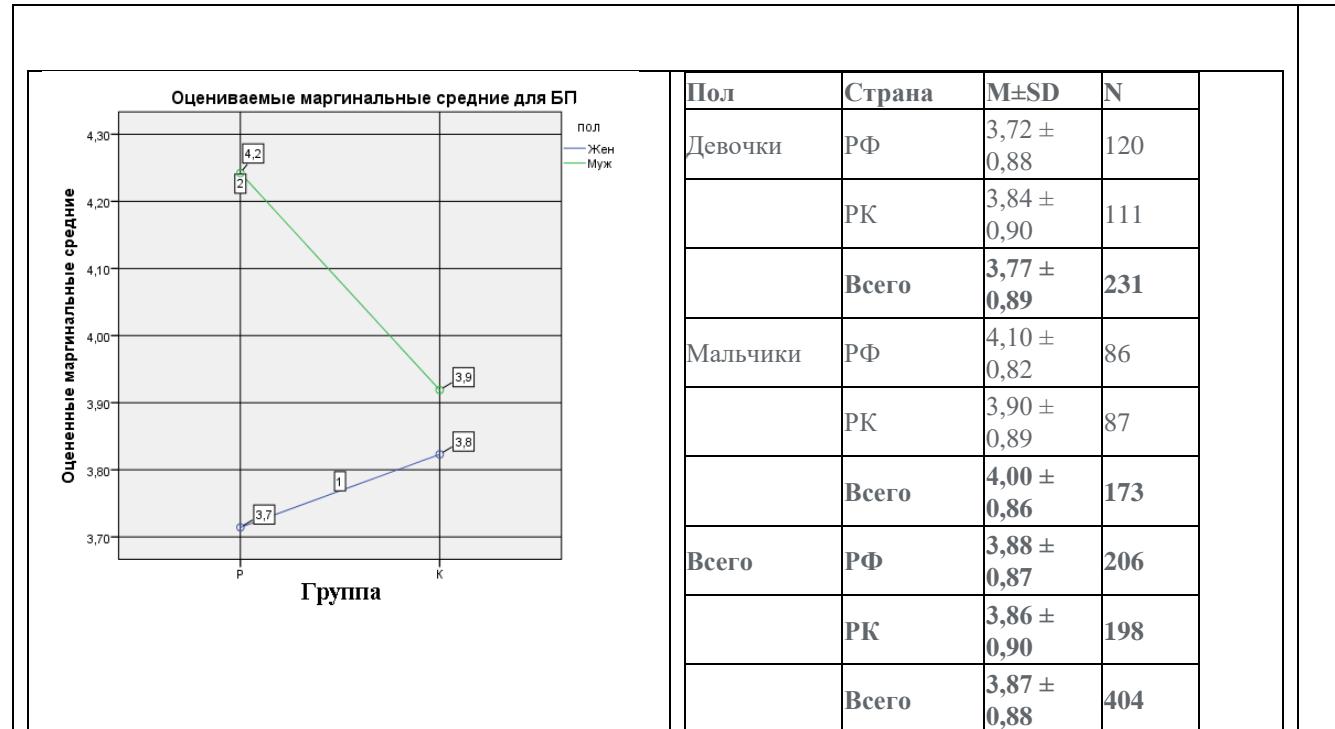
Таблица 3.6 - Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «Близкая поддержка» БП в зависимости от пола и возраста

В процессе двухфакторного дисперсионного анализа обнаружено статистически значимое взаимодействие факторов «Пол × Страна» для показателей стратегии Близкой поддержки (БП) ($F = 5,115$, $p = 0,024$) (таблица 3.7). Это свидетельствует о том, что половые различия в использовании стратегии поиска БП имеют различный характер в российских и казахстанских выборках. Результаты

анализа демонстрируют кросс-культурную специфику проявления гендерных паттернов копинг-поведения. В российской выборке обнаружены статистически значимые половые различия ($F = 10,392$, $p = 0,001$), при этом мальчики демонстрируют более высокие показатели БП по сравнению с девочками. В казахстанской выборке половые различия не достигают уровня статистической значимости ($F = 0,201$, $p = 0,655$), что отражает относительную гомогенность в использовании данной стратегии. Выявленное взаимодействие подчеркивает необходимость учета культурного контекста при анализе гендерных особенностей копинг-стратегий. Различная социальная приемлемость выражения потребности в поддержке в разных культурных средах может объяснять наблюдаемые межстрановые различия в половых паттернах использования стратегии БП.

Таблица 3.7 - Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «Близкая поддержка (БП)» в зависимости от пола и страны

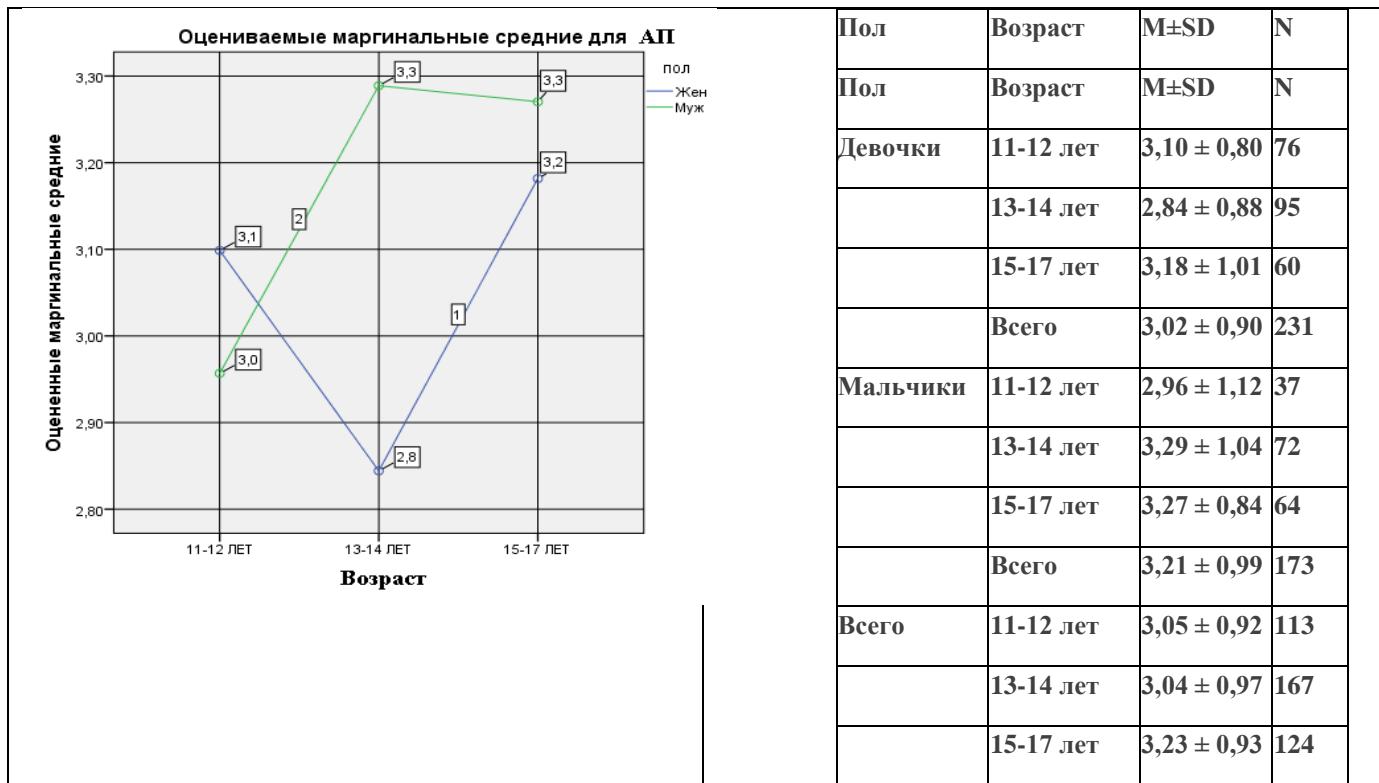
Трехфакторное взаимодействие пол \times возраст \times страна для стратегии Близкой поддержки (БП) ($F=3,809$, $p=0,023$) раскрывает специфику культурного кодирования гендерных ролей. В России мальчики активнее ищут поддержку

($M=4.10$), чем девочки ($M=3.72$; $p=0.001$), что отражает компенсаторную модель: дефицит эмоциональной близости в индивидуализированной среде усиливает потребность в поддержке у юношей. В Казахстане, с его традиционными клановыми ценностями, поддержка равнодоступна обоим полам ($p=0.655$), выполняя функцию коллективного буфера стресса.

3.1.4. Стратегия - (Активное противостояние)

Данные таблицы 3.8 выявляют разнонаправленные, нелинейные траектории возрастной динамики стратегии Активного противостояния (АП) у мальчиков и девочек. Вопреки ожиданиям постепенного роста, у мальчиков наблюдается качественный скачок в использовании АП при переходе от младшего подросткового возраста (11-12 лет, $M=2.96$) к среднему (13-14 лет, $M=3.29$), с последующей стабилизацией на высоком уровне. Этот скачок может интерпретироваться как фаза активного освоения агентной, конфронтационной роли в цифровой среде, возможно, пик реактивной агрессии в пубертатный период. У девочек динамика носит U-образный характер со спадом в 13-14 годах ($M=2.84$), что отражает, вероятно, комплексное влияние роста рефлексии, социальной тревожности и гендерных ожиданий. Наиболее ценный вывод заключается в конвергенции показателей к 15-17 годам (дев. 3.18 / мальч. 3.27), что свидетельствует о переходе от гендерно-обусловленных реакций к зрелой, избирательной инструментальности, когда АП становится осознанной тактикой, доступной и востребованной независимо от пола.

Таблица 3.8 - Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - Активное противостояние «АП» в зависимости от пола и возраста

3.2.1. Кибервиктимность как один из предикторов выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками

Проведенный корреляционный анализ с разбивкой по возрастным группам, странам и полу респондентов выявил структурные различия в паттернах совладающего поведения, что подтверждает конструктивную валидность используемого опросника и его чувствительность к немонотонным зависимостям. Наиболее показательной является категория «Распространение личной информации», демонстрирующая нелинейную возрастную динамику (см. корреляционную плеяду на Рисунке 3.1).

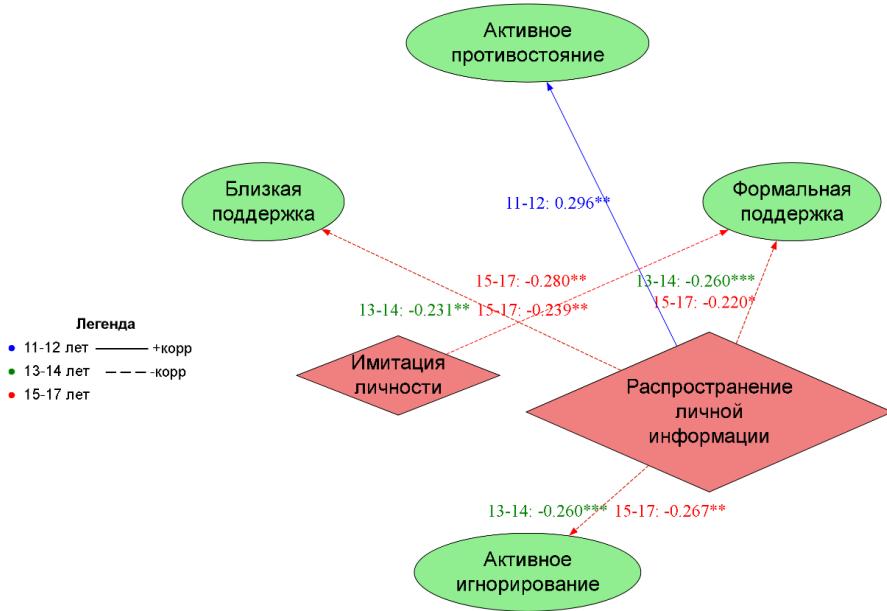
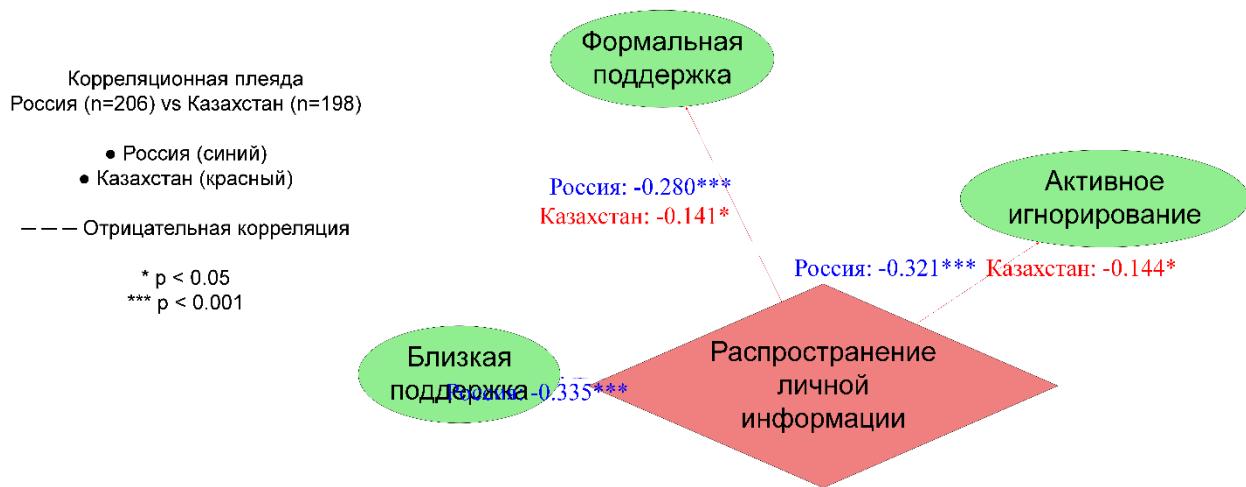

Рисунок 3.1. Визуализация корреляционных связей между категориями кибервиктимности и стратегиями преодоления в возрастных группах

*Примечание: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

В младшей группе (11-12 лет) значимой является лишь одна стратегия – Активное противостояние (АП) ($r = 0.296$), причем связь положительная (см. рисунок 3.1). Это свидетельствует о том, что столкновение с данной формой кибербуллинга не приводит к эффективному совладанию, а, напротив, провоцирует попытки установить жесткие, возможно, ригидные барьеры, что может быть интерпретировано как проявление защитной активности при недостатке зрелых копинг-стратегий. В средней группе (13-14 лет) картина меняется: появляются устойчивые отрицательные связи с Формальной поддержкой (ФП) ($r = -0.260$) и Активным игнорированием (АИ) ($r = -0.260$), что отражено на рисунке 3.1. Это указывает на то, что данные стратегии начинают выполнять защитную функцию. Подростки этого возраста, сталкиваясь с нарушением приватности, эффективно используют игнорирование и поиск поддержки у формальных источников (учителя, психологи), что отражает рост автономии от ближнего круга. В старшей группе (15-17 лет) сохраняется защитная роль АИ ($r = -0.267$) и Близкой поддержки (БП) ($r = -0.239$), при этом ФП также значим, но на более низком уровне значимости ($r = -0.220$) (см. рисунок 3.1). Это отражает сложившийся, многокомпонентный репертуар совладания, включающий как эмоциональную саморегуляцию

(игнорирование), так и обращение к разным типам социальной поддержки. Категория «Имитация личности» проявляет значимые корреляции только в старшей возрастной группе с ФП ($r = -0.280$), что наглядно отражено в корреляционной плеяде на Рисунке 3.1. Это позволяет предположить, что для эффективного противодействия этой сложной форме кибербуллинга, требующей часто технической или административной компетенции, необходим когнитивный и социальный ресурс, формирующийся к 15-17 годам. Анализ выявил существенные различия в структуре связей для категории «Распространение личной информации» (см. Рисунок 3.2), что указывает на культурную опосредованность совладающего поведения.

Примечание: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

В российской выборке наблюдается широкая и сильная система отрицательных корреляций с тремя стратегиями: БП ($r = -0.335$), АИ ($r = -0.321$) и ФП ($r = -0.280$), что отражено на рисунке 3.2. Это свидетельствует о комплексном и эффективном использовании всего арсенала копинг-стратегий. В казахстанской выборке картина существенно беднее: значимы лишь АИ ($r = -0.144$) и ФП ($r = -0.141$), причем сила связи слабее (см. рис. 3.2). Стратегия БП не проявляет защитного эффекта. Это может указывать на культурные особенности, связанные с большей закрытостью в обсуждении проблем приватности в ближнем кругу или иными паттернами социализации. Для категории «Распространение личной

информации» выявлены качественно сходные, но количественно различные паттерны у респондентов разного пола (см. Рисунок 3.3).

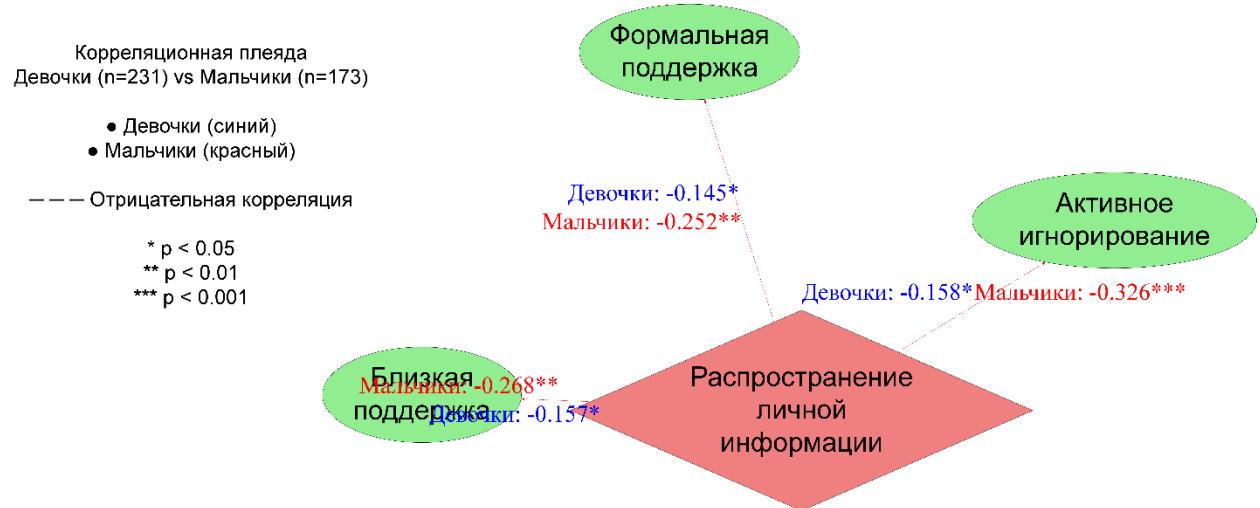

Рисунок 3.3. Корреляционная плеяда взаимосвязей категорий кибервиктимности и стратегий преодоления в гендерных группах

Примечание: *p < 0.05, **p < 0.01, ***p < 0.001

И мальчики, и девочки используют схожий набор защитных стратегий: Формальная поддержка (ФП), Близкая поддержка (БП) и Активное игнорирование (АИ), как показано на рисунке 3.3. Однако у мальчиков все эти связи являются более сильными (от $r = -0.252$ до $r = -0.326$), чем у девочек (от $r = -0.145$ до $r = -0.158$). Это позволяет сделать вывод, что для мальчиков в данной выборке именно этот комплекс стратегий является более универсальным и действенным механизмом защиты от распространения личной информации. Для девочек, вероятно, структура совладающего поведения является более диверсифицированной и включает иные, не выявленные в данном анализе ресурсы. Возрастная динамика, отражённая в таблице 3.9, раскрывает трансформацию реагирования на кибервиктимизацию: доминирование пассивного избегания в 11-13 лет (74,2-78,4% ответов «Никогда») сменяется к 15 годам неадаптивными формами реагирования — аффективной агрессией или гиперкомпенсацией через демонстративную самопрезентацию. К 16 годам у юношей фиксируется пик эффективности АИ (82,9% «Никогда»), тогда как к 17 годам наблюдается критическое снижение этой категории ответов (43,5%) на фоне роста частоты

«Иногда» (21,7%) и «Много раз» (4,3%), что свидетельствует о накоплении негативных эффектов избегающих стратегий.

Таблица 3.9 - Социально-психологические детерминанты категорий кибервиктимности: вербальная агрессия (насмешки, угрозы). Распределение ответов респондентов по возрастным группам (%) на вопросы категории верbalной агрессии (насмешки, угрозы)

Возраст	Никогда	1-2 раза	Иногда	Много раз	Каждый день	Всего
11 лет	74,2	19,4	3,2	3,2	0,0	100
12 лет	78,4	11,8	7,8	2,0	0,0	100
13 лет	67,4	28,3	0,0	2,2	2,2	100
14 лет	65,3	22,3	9,1	2,5	0,8	100
15 лет	66,7	21,7	10,0	1,7	0,0	100
16 лет	82,9	7,3	9,8	0,0	0,0	100
17 лет	43,5	30,4	21,7	4,3	0,0	100

Результаты исследования подтверждают, что критическим возрастом, характеризующимся максимальной уязвимостью к кибервиктимизации, выступает 17 лет: 47,8% респондентов данной когорты сталкивались с инцидентами распространения личной информации (публикация персональных данных без согласия; суммарно категории «1-2 раза», «иногда», «много раз»). Технические каналы реализации киберрисков, операционализированные как платформы или устройства (сотовые телефоны, электронная почта, чат-румы и др.), демонстрируют эволюцию цифровой социализации: доминирование сотовых телефонов (34,8-54,8% случаев) и аномально высокий процент категории «Другое» (41,7% в 15 лет) отражают переход подростков к нишевым платформам, что согласуется с теорией медиационной трансформации (Руденский, 2013). Феномен имитации личности (несанкционированное использование аккаунтов, создание фейковых профилей), достигающий пика единичных случаев в 15 лет (26,7%) и систематических инцидентов к 17 годам (4,3%), интерпретируется через призму кризиса идентичности подросткового возраста, усугубляемого анонимностью онлайн-взаимодействий (Андронникова, 2019) (см. табл. 3.10).

Таблица 3.10 - Возрастное распределение ключевых переменных кибервиктимизации (%)

Переменная	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
1. Распространение личной информации ($\chi^2 = 13,119$; $p = 0,041$)							
– Никогда	69,4	76,5	80,4	69,4	70,0	80,5	52,2
– 1-2 раза	25,8	11,8	13,0	19,0	25,0	12,2	21,7
– Иногда	3,2	7,8	4,3	8,3	3,3	7,3	17,4
– Много раз	1,6	3,9	0,0	2,5	1,7	0,0	8,7
2. Технический канал ($\chi^2 = 8,540$; $p = 0,201$)							
– Сотовый телефон	54,8	45,1	34,8	46,3	40,0	43,9	43,5
– Социальные сети	14,5	5,9	17,4	13,2	11,7	4,9	8,7
– Другое	19,4	35,3	39,1	27,3	41,7	34,1	26,1
3. Имитация личности ($\chi^2 = 11,164$; $p = 0,083$)							
– Никогда	74,2	80,4	76,1	73,6	66,7	80,5	56,5
– 1-2 раза	19,4	9,8	17,4	11,6	26,7	12,2	30,4
– Много раз	1,6	0,0	0,0	1,7	0,0	0,0	4,3

Примечания: жирным выделены статистически значимые ($p < 0,05$) и экстремальные значения. Уровень значимости $\alpha = 0,05$.

Результаты анализа (см. табл. 3.11) демонстрируют статистически значимые различия в распределении исследуемых феноменов ($p < 0,05$). Для переменной «Кибератаки» выявлена выраженная возрастная зависимость ($\chi^2 = 23,703$; $p = 0,001$) с критическим увеличением виктимизации к 17 годам: доля респондентов, никогда не сталкивавшихся с инцидентами, снижается до 43,5% против 74,2-89,1% в младших когортах. Данная тенденция коррелирует с выводами о росте цифровых рисков в позднем подростковом возрасте вследствие экспансии онлайн-коммуникаций (Livingstone и др., 2021). Социальная изоляция через интернет демонстрирует аналогичный паттерн эскалации к 17 годам: 30,4% респондентов сталкиваются с систематическими случаями изоляции. Резкий рост изоляции среди 17-летних (6,4 до 30,4%) может быть связан с: социально-психологическими факторами: повышенная чувствительность к социальному одобрению в подростковом возрасте, переходные этапы (окончание школы, давление выбора будущего). Цифровая активность: старшие подростки чаще используют социальные сети и мессенджеры, что повышает риски кибербуллинга и изоляции.

Пики социальной изоляции у 12- и 14-летних (15,7% и 16,1%) соответствуют раннему подростковому кризису, когда формируется групповая идентичность, а исключение из коллектива воспринимается наиболее остро. Примечательна аномалия в группе 16 лет, где 82,9% опрошенных отрицают опыт изоляции, что требует дополнительного исследования в контексте субъективного опыта цифровой виктимизации, включающего эмоциональные последствия (тревога, стыд) и контекстуальные факторы (частота, длительность инцидентов) (Antoniadou, Kokkinos, 2015). Синтез данных позволяет констатировать, что пик цифровых рисков смещается к 16-17 годам, совпадая с этапом формирования автономии в онлайн-пространстве (Anderson, Jiang, 2018).

Таблица 3.11 - Частотная характеристика кибервиктимизации (%) в подгруппах, выделенных на основании возраста

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
Кибератаки: Никогда (%)	74,2	76,5	89,1	74,4	75,0	85,4	43,5
Кибератаки: Систематические случаи (%)	6,5	9,8	4,3	9,9	5,0	7,3	39,1
Соц. изоляция: Никогда (%)	79,0	76,5	84,8	69,4	70,0	82,9	52,2
Соц. изоляция: Систематические случаи (%)	6,4	15,7	8,7	16,1	8,3	7,3	30,4

Примечание: Корреляции представлены для ключевых параметров. Прочерки («—») «— отсутствие значимой корреляции при $p > 0,05$ ». Нумерация категорий 3 и 4 в таблице отсутствует, так как их результаты не показали значимых различий

Распределение социальной изоляции не демонстрирует статистически значимых половых различий ($U = 18335,500$; $p = 0,065$), однако девочки чаще сообщают о единичных случаях (14,7% против 11,0% у мальчиков) (см. табл. 3.12).

Таблица 3.12 - Распределение «социальной изоляции» по полу

Пол	Никогда (%)	1-2 раза (%)	Иногда (%)	Много раз (%)	Каждый день (%)
Девочки	70,6	14,7	9,1	3,9	1,7
Мальчики	78,6	11,0	6,9	2,9	0,6

Статистика: $U = 18335,500$; $Z = -1,842$; $p = 0,065$.

Анализ данных (см. табл. 3.13) выявляет сопоставимые паттерны кибервиктимизации среди подростков РФ и РК. Доля респондентов, подтвердивших контекст виктимизации (обстоятельства, частота и ролевые модели

инцидентов), составила 35,9% (РФ: 33,0%; РК: 38,9%), что коррелирует с данными (UNICEF, 2021).

Таблица 3.13 - Частотная характеристика кибервиктимизации (%) в подгруппах, выделенных на основании страны и в общей выборке

Показатель	РФ	РК	Общий %
Контекст виктимизации (а-с)	33,0%	38,9%	35,9%
Эмоциональные последствия (д-е)	12,6%	9,6%	11,1%
Технические каналы:			
– Мобильные устройства	43,2%	46,5%	44,8%
– Социальные сети	10,2%	13,1%	11,6%
Формы кибервиктимизации:			
– Верbalная агрессия	21,8%	18,2%	20,0%
– Имитация личности	16,5%	16,7%	16,6%
Утечка личной информации	18,4%	19,2%	18,8%

Эмоциональные последствия (тревога, стыд, беспомощность)

зарегистрированы лишь у 11,1% респондентов (РФ: 12,6%; РК: 9,6%). Технические каналы (платформы или устройства, через которые осуществлялась виктимизация) демонстрируют доминирование мобильных устройств (44,8%) и социальных сетей (11,6%), что соответствует глобальным трендам (Ang, Goh, 2010). При этом в РК мобильные устройства используются для кибервиктимизации чаще (46,5%), чем в РФ (43,2%), социальные сети выступают каналом агрессии для 13,1% казахстанских подростков против 10,2% российских. Выявленные закономерности подтверждают универсальность базовых механизмов кибервиктимности, однако региональные различия (например, более высокая вовлечённость казахстанских подростков в контекст виктимизации) требуют учёта социокультурных факторов. Анализ форм кибервиктимизации выявил различия между странами: в РФ чаще встречается вербальная агрессия (21,8% / 18,2% в РК), тогда как утечка личной информации более распространена среди казахстанских подростков (19,2% / 18,4% в РФ). Имитация личности демонстрирует схожие показатели (16,5% / 16,7%). Интеграция данных с моделью субъективного опыта цифровой виктимизации

(эмоциональные последствия, оценка технических каналов) подчёркивает необходимость комплексных интервенций, сочетающих профилактику рисков (настройка приватности, блокировка агрессоров) и развитие эмоциональной устойчивости (Hinduja, Patchin, 2008). Таким образом, проведенный анализ позволяет констатировать, что кибервиктимность выступает значимой детерминантой выбора стратегий совладающего поведения у подростков, причем характер этой взаимосвязи структурно обусловлен возрастными, гендерными и культурно-специфическими факторами. Результаты демонстрируют выраженную нелинейную возрастную динамику. Наиболее уязвимой группой оказываются подростки позднего подросткового возраста. Эволюция копинг-стратегий проходит несколько этапов: от незрелых попыток Активного противостояния (АП) в младшем подростковом возрасте через формирование протективного комплекса Активного игнорирования (АИ) и Формальной поддержки (ФП) в среднем подростковом возрасте к сложному, многокомпонентному репертуару в старшем подростковом возрасте, включающему как эмоциональную саморегуляцию, так и диверсифицированную социальную поддержку. Кросс-культурный анализ выявил существенные различия в паттернах совладания. В одной национальной выборке наблюдается комплексное использование всего арсенала копинг-стратегий, тогда как в другой протективный эффект проявляют лишь отдельные стратегии при отсутствии значимой роли обращения за Близкой поддержкой (БП). Это указывает на культурную опосредованность переживания кибервиктимности и необходимость учета специфики социальных сетей поддержки в разных странах. Гендерный анализ показал, что, хотя мальчики и девочки используют схожий набор стратегий против распространения личной информации, для мальчиков этот комплекс является более универсальным и действенным. Для девочек структура совладающего поведения представляется более диверсифицированной и включает иные психологические ресурсы. Синтез полученных данных позволяет утверждать, что кибервиктимность не является статичным феноменом, а представляет собой динамический процесс, тесно связанный с возрастным развитием, культурным контекстом и гендерной социализацией.

3.2.2. Моральные основания: забота, справедливость, лояльность, уважение и религиозность как детерминанты выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками

Результаты исследования, нашедшие отражение в корреляционной плеяде на Рисунке 3.4, выявили возрастную динамику взаимосвязей. У 14-летних рациональная забота положительно коррелирует с Активным игнорированием (АИ) ($r=0,343$; $p<0,001$), что отражает интериоризацию социально-нормативных паттернов дистанцирования. Для 16-летних характерна отрицательная связь рационального уважения к авторитету с поиском Близкой поддержки (БП) ($r=-0,440$; $p=0,004$), что соответствует этапу формирования моральной автономии (Copeland, Hess, 1995). У 14-летних интуитивная оценка чистоты/религиозности связана с АИ ($r=0,217$; $p=0,017$), подтверждая гипотезу о связи автоматизированных моральных суждений с импульсивным поведением (Graham et al., 2013; Haidt, Graham, 2007). В младшей когорте (12 лет) рациональная лояльность демонстрирует сильную связь с Формальной поддержкой (ФП) ($r=0,561$; $p<0,001$), отражая коллективистские ценности постсоветских обществ (Schwartz, 2012; Schwartz, 2014). У 17-летних справедливость как рациональное основание коррелирует с АИ ($r=0,656$; $p=0,001$), что может указывать на рационализацию конфликтных ситуаций. Результаты исследования также выявили значимый, но неочевидный паттерн: такие моральные основания, как *рациональная Справедливость*, демонстрируют сильную связь не с проактивным «Активным противостоянием» (АП), как можно было бы ожидать из теоретических предпосылок (Haidt, 2001; Menesini et al., 2013), а с избегающей стратегией «Активного игнорирования» (АИ). Этот факт имеет высокую объяснительную ценность. Он свидетельствует о том, что в исследуемой выборке подростков РФ и РК рациональное понимание несправедливости кибербуллинга не трансформируется в готовность к открытой конфронтации. Вместо этого оно приводит к когнитивному дистанцированию. Это может быть обусловлено культурными нормативами, сдерживающими прямое противостояние (Gelfand et al., 2011), либо недостаточным развитием навыков ассертивного поведения, когда знание о нарушении границ есть, а инструментов для их защиты — нет. Таким

образом, практической ценностью исследования становится выявление «разрыва» между моральным сознанием и поведенческой готовностью, что указывает на необходимость целенаправленного развития именно навыков АП (верbalного отстаивания границ) в профилактических програмах, а не только информирования о недопустимости буллинга.

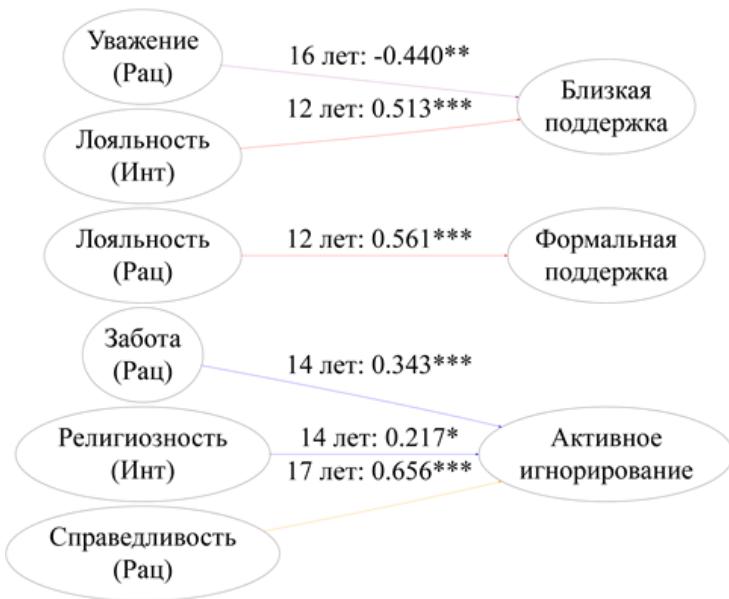

Рисунок 3.4 – Корреляционная плеяда взаимосвязей моральных оснований и стратегий преодоления кибербуллинга в возрастных группах 11–17 лет

Анализ данных (см. рис. 3.5) выявляет глубинные, структурно различные паттерны моральной детерминации совладающего поведения у подростков РФ и РК, которые отчетливо модерируются гендером.

Моральное основание	Тип обоснования	ФП М (r)	ФП Д (r)	АП М (r)	АП Д (r)	БП М (r)	БП Д (r)	АИ М (r)	АИ Д (r)	
Забота	РАЦ	0,238	0	0	-0,169	0,345	0,357	0,386	0,385	Сильный (-)
Справедливость	РАЦ	0,298	0,174	0	0,134	0,36	0,215	0,33	0,228	Нет связи
Лояльность	РАЦ	0,288	0,283	0	0	0,316	0,335	0,295	0,325	Сильный (+)
Уважение	РАЦ	0,308	0,234	0	0	0,322	0,283	0,305	0,266	
Религиозность	РАЦ	0,269	0,247	0	0	0,36	0,29	0,363	0,318	
Забота	ИНТ	0,166	0,141	0	-0,169	0	0,185	0	0	
Справедливость	ИНТ	0,276	0	0	-0,163	0,186	0	0,231	0,139	
Лояльность	ИНТ	0,271	0	0	0	0,151	0	0,208	0,138	
Уважение	ИНТ	0,154	0	0	-0,185	0	0	0,199	0	
Религиозность	ИНТ	0,154	0	0	-0,171	0,144	0	0	0	

Рисунок 3.5 - Корреляционные взаимосвязи между показателями моральных оснований и стратегий преодоления кибербуллинга у подростков 11–17 лет (российская и казахстанская выборки). Гендерные различия. Сокращения: ФП –Формальная поддержка, АП-Активное противостояние, М-мальчики, Д- девочки; РАЦ – рациональное обоснование; ИНТ- интуитивная оценка; БП –Близкая поддержка; АИ- активное игнорирование

Ключевой вывод заключается в том, что внешне сходные поведенческие стратегии могут иметь принципиально разную психологическую подоплеку. Данные вскрывают амбивалентную природу АП. У девочек АП проявляется как осознанный моральный выбор и асертивность. На это указывает положительная корреляция с рациональной Справедливостью ($r = 0,134$) на фоне устойчивых отрицательных связей с интуитивной Заботой ($r = -0,169$) и интуитивной Религиозностью ($r = -0,171$). Данный паттерн позволяет интерпретировать АП у девочек не как импульсивную агрессию, а как следствие взвешенного решения, основанного на принципе справедливости, и форму просоциального асертивного поведения. Способность к торможению интуитивных импульсов в ситуации кибератаки свидетельствует о зрелой моральной и эмоциональной регуляции. У мальчиков АП демонстрирует признаки потенциально импульсивного акта. Критическим наблюдением является отсутствие значимых положительных корреляций между стратегией Активного Противостояния (АП) и рациональными/интуитивными моральными основаниями. Это позволяет предположить, что выбор мальчиками стратегии АП часто имеет инструментальный, а не морально детерминированный характер. Их действия направлены на быстрое и эффективное разрешение конфликта через блокировку

или прямое противостояние, без глубокой моральной рефлексии. Таким образом, одна и та же поведенческая тактика имеет принципиально разную психологическую природу у разных полов. У мальчиков выявлена системная ориентация на ФП. Устойчивые положительные корреляции со всеми рациональными основаниями (Забота $r=0,238$; Справедливость $r=0,298$; Лояльность $r=0,288$; Уважение $r=0,308$) рисуют портрет подростка, который видит в официальных институтах законных представителей морального порядка, а обращение за помощью является для него рациональным актом, согласующимся с ценностями иерархии и справедливости. У девочек наблюдается избирательное доверие к ФП. Сильные связи с рациональной Лояльностью ($r=0,283$) и Религиозностью ($r=0,247$) при отсутствии связи с рациональной Заботой ($r=0,002$) позволяют предположить, что девочки склонны обращаться к формальным институтам не столько за эмпатией, сколько как к механизму поддержки групповой солидарности и наказания нарушителей моральных устоев. Стратегии «Близкая поддержка» (БП) и «Активное игнорирование» (АИ) демонстрируют универсальность, проявляя сильнейшие положительные связи со всеми рациональными основаниями у обоих полов (например, АИ у мальчиков коррелирует с рациональной Заботой $r=0,386$, Справедливостью $r=0,330$; БП у девочек – с рациональной Заботой $r=0,357$, Лояльностью $r=0,335$). Это подтверждает тезис о том, что развитая система осознанных моральных принципов служит ключевым психологическим ресурсом для совладания. Гендерный нюанс проявляется в том, что у девочек стратегия БП, в отличие от мальчиков, также коррелирует с интуитивной Заботой ($r=0,185$) и интуитивной Религиозностью ($r=0,144$), что подчеркивает более целостный, эмоционально-интуитивный характер их социальных связей. Выявленные корреляции раскрывают различную роль интуитивной религиозности в формировании стратегий преодоления у девочек и мальчиков. У девочек наблюдается отрицательная связь интуитивной религиозности со стратегией Активного Противостояния (АП) ($r = -0,171$; $p = 0,016$). Это позволяет предположить, что религиозные нормы, связанные с добродетелью, смирением или ценностью

межличностной гармонии, могут выступать для них сдерживающим фактором, снижая вероятность выбора открытой конфронтации в пользу стратегий, в большей степени согласующихся с традиционными женскими ролями. Напротив, у мальчиков интуитивная религиозность демонстрирует положительную связь с поиском Близкой Поддержки (БП) ($r = 0,146$; $p = 0,036$). Это указывает на то, что религиозность служит для мальчиков фактором, облегчающим обращение за эмоциональной и инструментальной помощью к ближнему окружению. Такая роль религиозности может компенсировать нормативное давление маскулинности, предписывающей самостоятельность идержанность в эмоциях, делая стратегию поиска поддержки более психологически приемлемой. Таким образом, полученные данные подтверждают структурное различие в морально-поведенческих паттернах, усиленное алгоритмами цифровой среды. Анализ данных, выявленных в контексте валидизации шкал MFQ-Ru выявил ряд значимых закономерностей, представленных в подробном статистическом материале (включая значения критериев, точные p -значения, процентные распределения внутри возрастных групп по компонентам и шкалам) в Приложении Е. Результаты валидизации MFQ-Ru успешно интегрируются в разработанную теоретическую модель (Рис. 1.1) социально-психологических детерминант стратегий преодоления кибербуллинга подростками. Они предоставляют надежное эмпирическое обоснование ключевым теоретическим положениям Главы 1: подтверждается универсальность и значимость базовых моральных интуиций (особенно Заботы) как потенциального ресурса просоциального совладания. Эмпирически демонстрируется влияние возраста на структуру моральных оснований, отражающее когнитивное созревание и трансформацию ресурсов, что напрямую связано с возрастной динамикой выбора стратегий (от эмоционально-ориентированных к проблемно-ориентированным и гибридным). Выявлена роль культурно-гендерной социализации в формировании специфических паттернов моральных оснований (рациональное Уважение у мальчиков), что детерминирует потенциальные различия в стратегиях преодоления. Обнаружены как сходства (Забота, Справедливость, Уважение), так и возможные нюансы различий (тенденция по Чистоте/Религиозности) в

моральных основаниях между мальчиками и девочками. Таким образом, валидизированная шкала MFQ-Ru и полученные с ее помощью данные о характеристиках моральных оснований в выборке создают надежный инструментарий и содержательную основу для последующего анализа центрального вопроса исследования: как именно эти моральные основания, взаимодействуя с другими детерминантами (кибервиктимность, цифровой опыт, пол, возраст, страна), предопределяют выбор конкретных стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга подростками РФ и РК.

3.2.3 «Цифровой опыт» подростков и его связь со стратегиями преодоления кибербуллинга

Результаты исследования цифрового опыта подростков, структура взаимосвязей которого представлена в корреляционной плеяде на Рисунке 3.6, включают ключевые аспекты: распространённость кибербуллинга, корреляции между стратегиями преодоления. У подростков с высоким экранным временем (>8 часов) зафиксировано снижение использования Близкой поддержки (БП) ($r = -0,102^*$, $p = 0,042$). Активное игнорирование (АИ), несмотря на кажущуюся адаптивность, усиливает влияние кибербуллинга на психическое здоровье ($r = 0,41^{**}$, $p = 0,01$). Стратегия Активного противостояния (АП) снижает негативный эффект кибербуллинга ($r = -0,23^*$, $p = 0,05$), выступая аналогом «аутентичных социальных практик» (Prinstein et al., 2020).

Рисунок 3.6 - Корреляционная плеяда взаимосвязей цифрового опыта подростков со стратегиями преодоления.

Анализ возрастных и половых особенностей выбора стратегий преодоления кибербуллинга, структура взаимосвязей которого представлена в корреляционных плеядах на Рисунках 3.7 и 3.8, выявил статистически значимые различия. В младшей возрастной группе (11 лет) обнаружена отрицательная корреляция между

выбором Формальной поддержки (ФП) и частотой видов кибербуллинга ($r = -0,27$; $p = 0,032$). Для Близкой поддержки (БП) зафиксирована положительная связь ($r = 0,35$; $p = 0,004$). В группе 12-13 лет усиление Активного игнорирования (АИ) коррелирует с избеганием конфронтации ($r = 0,42$; $p = 0,002$), а Активное противостояние (АП) демонстрирует значимый рост ($r = 0,31$; $p = 0,003$). В старшей группе (14-17 лет) у 14-летних сохраняется связь с БП ($r = 0,22$; $p = 0,012$), тогда как к 16-17 годам доминирует АИ ($r = 0,41$; $p = 0,007$) и АП ($r = 0,30$; $p = 0,049$).

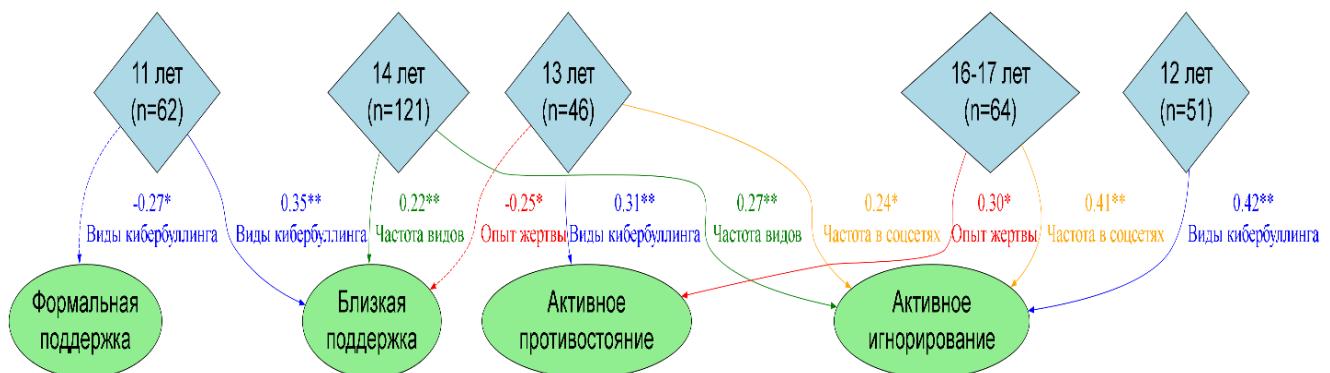

Рисунок 3.7 - Результаты корреляционного анализа возрастных особенностей выбора стратегий преодоления кибербуллинга

Примечание к рисунку:

Сплошная линия: положительная корреляция

Пунктирная линия: отрицательная корреляция

$p < 0,05$, ** $p < 0,01$

Результаты анализа по полу, нашедшие отражение в корреляционной плеяде на Рисунке 3.8, подтверждают дифференциацию стратегий, соответствующую традиционным моделям социализации, однако выявленные паттерны также раскрывают специфику цифрового поведения, связанную с гендерно-обусловленными механизмами социально-медийного использования. У мальчиков обнаружена сильная корреляция между стратегиями БП и АИ ($r = 0,730$; $p < 0,001$). Для девочек, напротив, синергия ФП и БП ($r = 0,391$; $p < 0,001$) в сочетании с избеганием АП ($r = -0,167$; $p = 0,011$) отражает ориентацию на социально-медийное использование как пространство социального одобрения.

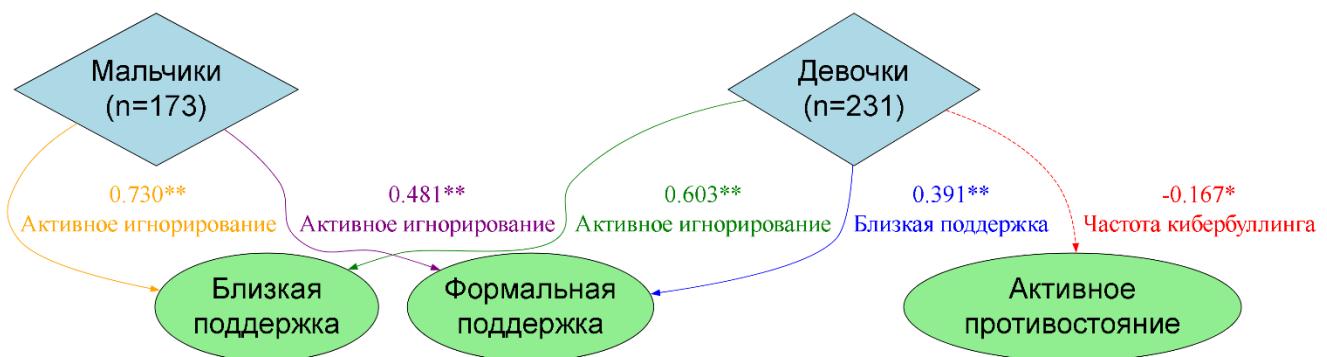

Рисунок 3.8 - Результаты корреляционного анализа половых особенностей выбора стратегий преодоления кибербуллинга.

Результаты кросс-культурного анализа стратегий преодоления кибербуллинга демонстрируют выраженные различия между российскими и казахстанскими подростками. Как видно из корреляционной плеяды на Рисунке 3.9, обнаружена негативная связь между опытом виктимизации и стратегией Активного противостояния (АП) в РФ. Что может указывать на рациональную селективность в поведении подростков. Прогнозируя низкую эффективность или риски вербальной конфронтации, они смещают фокус в сторону технической составляющей АП (блокировка, настройки приватности). В казахстанской выборке выявлена синергия стратегий (БП) и (АИ), проявляющаяся в значимой положительной корреляции ($r = 0.681$, $p < 0.001$).

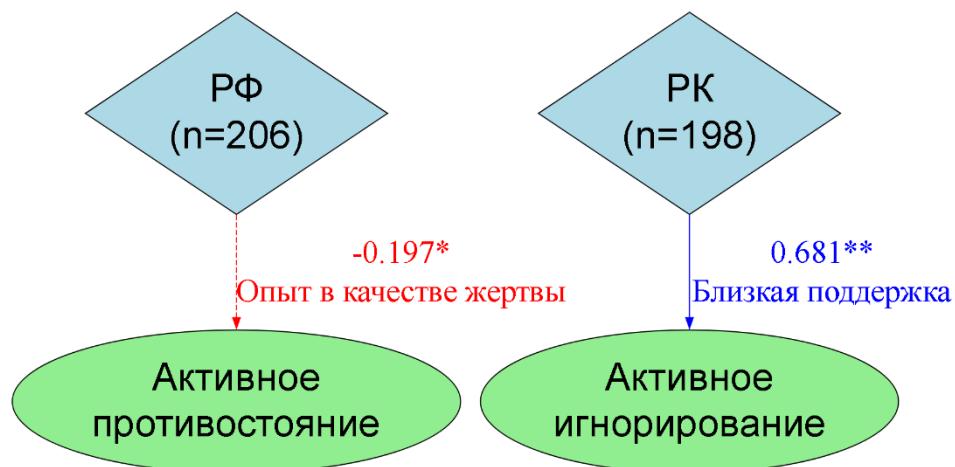

Рисунок 3.9 - Результаты корреляционного анализа кросс-культурных особенностей выбора стратегий преодоления кибербуллинга

Не выявлено статистически значимых различий между мальчиками и девочками ни по времени пребывания в интернете, ни по частоте столкновений с кибербуллингом в социальных сетях. Обнаружены различия в структуре переживаемой агрессии. Мальчики чаще подвергались кибер-вербальной травле и кибер-подделке, тогда как девочки значимо чаще сталкивались со скрытием личности (см. Приложение Ж, Таблица Ж1). Статистически значимых различий в частоте систематических атак между полами не зафиксировано. Данные не выявили значимых гендерных различий в частоте участия подростков в кибербуллинге в роли агрессоров ($U=19676,000$; $p=0,648$), что согласуется с концепцией ролевой инверсии (Назаров, Авербух, 2023) и подчеркивает универсальность поведенческих рисков вне зависимости от пола (см. Приложение Ж, Таблица Ж2). Анализ также не выявил статистически значимых половых различий в подверженности кибербуллингу как опыту жертвы ($p = 0,492$). Это противоречит некоторым кросс-культурным исследованиям, акцентирующими повышенную уязвимость девочек (Evangelio et al., 2022). Цифровая активность: выявлены значимые кросс-культурные различия. Для российских подростков характерно преобладание высокой интернет-активности (наиболее частотная категория – 4-8 часов в сутки), тогда как в РК доминирует умеренное использование (1-3 часа) ($U <0,001$) (см. Приложение Ж, Таблица Ж3). Обнаружены выраженные межкультурные контрасты в частоте столкновения с кибербуллингом и видами кибербуллинга. Доля подростков, никогда не сталкивавшихся с кибербуллингом в социальных сетях, значимо выше в РК ($U <0,001$). Структура форм агрессии различается: в РФ доминирует кибер-вербальная травля, в РК – кибер-подделка ($U = 0,002$) (см. Приложение, Таблица Ж3). Подверженность кибербуллингу (жертва): эмпирические данные демонстрируют выраженный контраст. Доля подростков, не подвергавшихся онлайн-агрессии, значимо выше в РФ. РК характеризуется существенно большей долей респондентов, столкнувшихся с кибербуллингом, преимущественно в виде единичных инцидентов. В РФ также выше доля систематических случаев ($U <0,001$) (см. Приложение Ж, Таблица Ж4). Эта структурная дивергенция в уровне

и характере кибервиктимизации может отражать влияние культурных паттернов коммуникации (коллективистская открытость / индивидуалистическая сдержанность) и, возможно, различий в уровне цифровой грамотности, требующих отдельного анализа. Результаты корреляционного анализа стратегий преодоления кибербуллинга с учетом полового аспекта, интегрированные в корреляционную плеяду на Рисунке 3.10, выявили следующие закономерности. В выборке девочек ($n=231$) обнаружены две статистически значимые положительные корреляции: между стратегиями ФП и БП ($r=0,391$, $p<0,001$), а также между БП и АИ ($r=0,603$, $p<0,001$). В группе мальчиков ($n=173$) выявлены три значимые корреляции: между ФП и БП ($r=0,560$, $p<0,001$), БП и АИ ($r=0,730$, $p<0,001$), а также между ФП и АИ ($r=0,481$, $p<0,001$). Сила корреляций в группе мальчиков превышает аналогичные показатели у девочек по всем общим стратегиям (0,560 против 0,391; 0,730 против 0,603), при этом только у мальчиков обнаружена связь между дистальными и активными стратегиями. Все коэффициенты статистически значимы на уровне $p <0,001$. Размеры выборок соответствуют требованиям корреляционного анализа (Cohen, 1988).

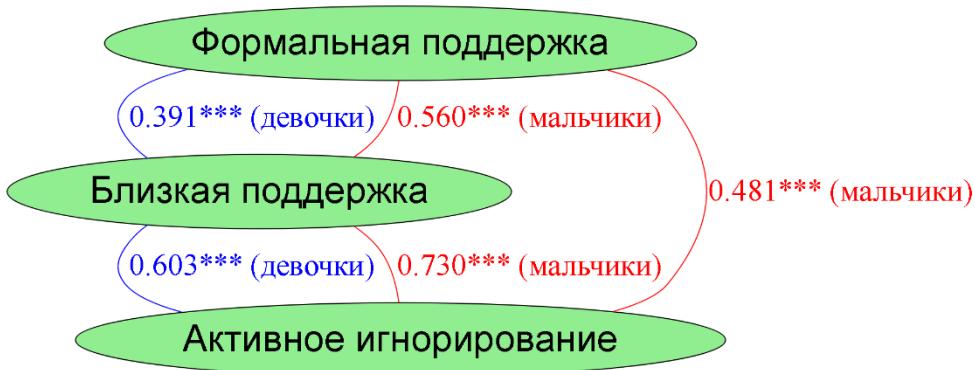

Рисунок 3.10 - Результаты корреляционного анализа между стратегиями преодоления кибербуллинга (гендерный аспект)

Культурная специфика проявляется в паттернах копинг-поведения: в РФ наблюдается слабая корреляция ДС с АИ ($r = 0,309$; $p <0,001$), в РК — более сильная связь ($r = 0,487$; $p <0,001$), что наглядно отражено в корреляционной плеяде на Рисунке 3.11. Универсальным механизмом преодоления стресса выступает синергия БП и АИ ($r = 0,647–0,681$; $p <0,001$). Межстранные различия

подтверждаются вариативностью корреляций, при этом сочетание БП и АИ остается значимым в обеих странах.

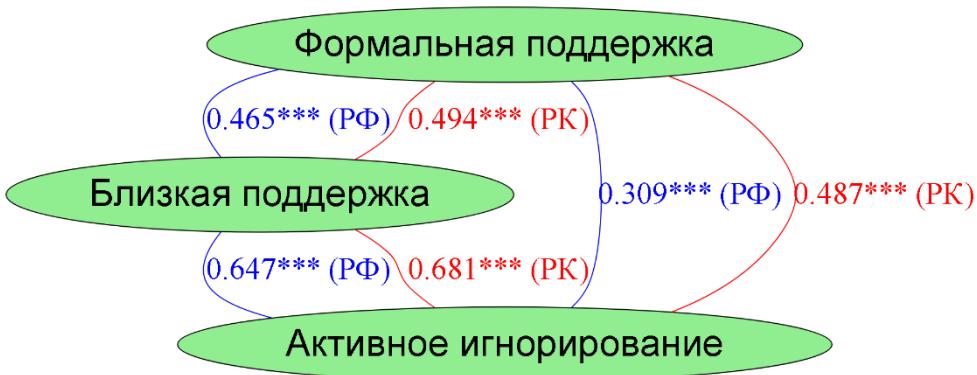

Рисунок 3.11 - Результаты корреляционного анализа между стратегиями преодоления кибербуллинга (кросс-культурный аспект)

Анализ не выявил статистически значимых возрастных различий в распределении основных форм кибербуллинга (кибер-вербальная травля, кибер-подделка, сокрытие личности) среди подростков 11–17 лет ($H=6.124$, $p=0.409$). Наблюдаемые колебания долей форм по возрастам не достигают уровня статистической значимости (см. Приложение Ж, Таблица Ж5). Также не обнаружено значимых возрастных различий в общей частоте столкновений с кибербуллингом ($H=8.648$, $p=0.194$) (см. Приложение Ж, Таблица Ж 5). Выявлены статистически значимые различия в доминирующих формах онлайн-агgressии ($U=17152.000$, $p<0.002$). В РФ преобладает кибер-вербальная травля, тогда как в РК доминирует кибер-подделка. Распределение формы «сокрытие личности» также различается между странами (см. Приложение Ж, Таблица Ж6). Обнаружены значимые различия в распределении частоты столкновений с кибербуллингом ($U=16720.500$, $p<0.001$). Доля подростков, никогда не сталкивавшихся с кибербуллингом, значимо выше в РК. В РФ чаще фиксируются случаи кибербуллинга, отнесенные к категориям «редко» и «несколько раз в месяц» (см. Приложение Ж, Таблица Ж6).

3.2.4. Серьёзность последствий в результате влияния кибербуллинга

Результаты анализа частотной характеристики серьёзности последствий кибербуллинга в возрастных подгруппах (11-17 лет) представлены в Таблице 3.16. Статистический анализ с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса не выявил значимых различий между возрастными группами ($p > 0,05$) по всем исследуемым категориям. В категории «Влияние на самочувствие» доля респондентов, отметивших отсутствие последствий, варьировалась от 65,2% (17 лет) до 87,8% (16 лет), при этом наибольший показатель зафиксирован в группе 16-летних. Для параметра «Влияние на учебу» значения «Не повлияло» находились в диапазоне от 81,7% (15 лет) до 94,1% (12 лет). В категории «Социальные отношения» доля ответов «Не повлияло на отношения» снижалась с 83,9% (11 лет) до 56,5% (17 лет), тогда как ответы «Сильное влияние на отношения» демонстрировали рост с 3,2% (11 лет) до 13,0% (17 лет). Для параметра «Психическое здоровье» доля респондентов, отметивших влияние (от малой степени), оставалась стабильной во всех возрастных группах (4,1-8,7%). Значения Н-критерия составили: 5,292 ($p=0,507$) для самочувствия, 5,256 ($p=0,511$) для учебы, 9,716 ($p=0,137$) для социальных отношений и 0,755 ($p=0,993$) для психического здоровья. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии статистически значимой возрастной динамики в восприятии серьёзности последствий кибербуллинга.

Таблица 3.16 - Частотная характеристика серьёзности последствий в результате влияния кибербуллинга **в подгруппах, выделенных на основании возраста (%)**, Н-критерий Краскела-Уоллиса)

Категория	Параметр	11 лет (%)	12 лет (%)	13 лет (%)	14 лет (%)	15 лет (%)	16 лет (%)	17 лет (%)	Н-критерий	p-value
Влияние на самочувствие	Не повлияло	74.2	78.4	78.3	81.8	80.0	87.8	65.2	5,292	,507
Влияние на учебу	Не повлияло	82.3	94.1	84.8	85.1	81.7	82.9	91.3	5,256	,511
Социальные отношения	Не повлияло на отношения	83.9	82.4	71.7	77.7	75.0	68.3	56.5	9,716	,137

Категория	Параметр	11 лет (%)	12 лет (%)	13 лет (%)	14 лет (%)	15 лет (%)	16 лет (%)	17 лет (%)	H-критерий	p-value
Продолжение таблицы 3.16	Сильное влияние на отношения	3.2	2.0	6.5	3.3	6.7	12.2	13.0		
Психическое здоровье	Влияние (от малой степени)	7.9	5.9	6.5	4.1	6.7	7.3	8.7	,755	,993

Влияние на самочувствие выявило значимые половые различия (табл. 3.17): 27,7% девочек отметили негативное воздействие кибербуллинга против 11,6% мальчиков ($U=16839,500$; $p<0,001$). Половой дисбаланс по влиянию на учебную деятельность выражен слабо: 17,7% девочек против 10,4% мальчиков указали на влияние ($p=0,053$). Половые различия по влиянию на социальные отношения значимы: 29,0% девочек сообщили о негативном влиянии против 17,3% мальчиков ($U=17681,500$; $p=0,008$). Психическое здоровье сильнее страдает у девочек: 24,2% против 12,1% у мальчиков ($U=17511,500$; $p=0,002$). Онлайн-коммуникация чаще нарушается у девочек: 22,1% снизили активность в цифровой среде против 11,0% мальчиков ($U=17739,000$; $p=0,003$).

Таблица 3.17 - Половые различия в последствиях кибербуллинга среди подростков 11–17 лет. Результаты анализа влияния кибербуллинга на самочувствие, академическую успеваемость, социальные отношения и психическое здоровье (в процентах; Н-критерий Краскела-Уоллиса)

Категория	Параметр	Девочки (%)	Мальчики (%)	U-критерий	p-value
Влияние на самочувствие	Совсем не повлиял	72.3	88.4	16839.500 <0.001	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	27.7	11.6		
Влияние на учебу	Совсем не повлиял	82.3	89.6	18601.000 0.053	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	17.7	10.4		
	Совсем не повлиял	71.0	82.7	17681.500	

Категория	Параметр	Девочки (%)	Мальчики (%)	U-критерий	p-value
Продолжение таблицы 3.17	Влияние (от малой до очень большой степени)	29.0	17.3		0.008
Социальные отношения	Совсем не повлиял	75.8	87.9	17511.500 0.002	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	24.2	12.1		
Психическое здоровье	Совсем не повлиял	77.9	89.0	17739.000 0.003	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	22.1	11.0		
Онлайн-коммуникация	Совсем не повлиял	77.9	89.0	17739.000 0.003	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	22.1	11.0		

Кросс-культурные различия незначимы: 76,2% российских и 82,3% казахстанских подростков сообщили об отсутствии влияния ($U=19085,500$; $p=0,115$). Учебная деятельность менее подвержена влиянию: 84,0% в РФ и 86,9% в РК не связывают кибербуллинг с академическими трудностями. Социальные отношения демонстрируют контраст между странами: 83,3% казахстанских подростков не отметили изменений в отношениях против 68,9% в РФ ($p<0,001$). В РК доля подростков с сохранным психическим здоровьем выше (84,8% против 77,2% в РФ; $p=0,065$). Межкультурные различия по влиянию на онлайн-коммуникацию незначимы ($p=0,401$). Эмпирические данные (см. табл. 3.18) демонстрируют возрастную динамику восприятия кибербуллинга: пик уязвимости в 13 лет (21,7%) и 15–16 лет (24,4%) с последующим снижением к 17 годам (13,0%). Девочки демонстрируют более высокую интенсивность переживаний (28,6% против 19,7% у мальчиков, $p=0,050$) и чувствительность к влиянию на социальные отношения (29,0% / 17,3%, $p=0,008$). В сфере академической успеваемости 81,7–94,1% опрошенных отрицают влияние онлайн-агрессии, однако 16% российских подростков демонстрируют ухудшение показателей ($p=0,348$). Возрастная динамика интенсивности переживаний достигает пика в 16 лет (24,4%), снижаясь к 17 годам (13%). В РК 16,7% респондентов против 31,1% в РФ фиксируют сильное влияние на межличностные отношения ($p=0,008$). 22,8% российских и 15,2%

казахстанских подростков сообщают о негативном воздействии на психическое здоровье ($p=0,002$).

Таблица 3.18 - Кросс-культурные различия в последствиях кибербуллинга среди подростков 11–17 лет. Результаты анализа влияния кибербуллинга на самочувствие, академическую успеваемость, социальные отношения и психическое здоровье (в процентах; критерий Манна-Уитни)

Категория	Параметр	РФ (%)	РК (%)	U-критерий	p-value
Влияние на самочувствие	Совсем не повлиял	76.2	82.3	19085.500 0.115	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	23.8	17.7		
Влияние на учебу	Совсем не повлиял	84.0	86.9	18601.000 0.348	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	16.0	13.1		
Социальные отношения	Совсем не повлиял	68.9	83.3	17210,000 ,000	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	31.1	16.7		
Психическое здоровье	Совсем не повлиял	77.2	84.8	18914,000 ,065	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	22.8	15.2		
Онлайн-коммуникация	Совсем не повлиял	81.6	83.8	19745,000 ,401	
	Влияние (от малой до очень большой степени)	18.4	16.2		

Выводы: результаты анализа возрастных различий в восприятии последствий кибербуллинга (11–17 лет) показали отсутствие статистически значимых различий по всем категориям (Н-критерий Краскела-Уоллиса, $p> 0.05$). При этом в категории «Социальные отношения» наблюдалась тенденция к снижению доли ответивших «Не повлияло на отношения» с 83.9% (11 лет) до 56.5% (17 лет) при одновременном росте ответов «Сильное влияние» с 3.2% до 13.0%. Влияние на самочувствие и учёбу оставалось стабильным, с максимальными показателями отсутствия последствий у 16-летних (87.8%) и 12-летних (94.1%) соответственно. Половой анализ выявил значимые различия: девочки чаще мальчиков отмечали влияние на самочувствие (27.7% / 11.6%, $U=16839.500$,

$p<0.001$), социальные отношения (29.0% / 17.3%, $U=17681.500$, $p=0.008$), психическое здоровье (24.2% / 12.1%, $U=17511.500$, $p=0.002$) и онлайн-коммуникацию (22.1% / 11.0%, $U=17739.000$, $p=0.003$). Влияние на учёбу у девочек (17.7%) и мальчиков (10.4%) было на грани значимости ($p=0.053$). Кросс-культурные сравнения показали, что российские подростки чаще казахстанских сообщали о влиянии на социальные отношения (31.1% / 16.7%, $U=17210.000$, $p<0.001$) и психическое здоровье (22.8% / 15.2%, $p=0.065$), тогда как различия по самочувствию, учёбе и онлайн-коммуникации оказались незначимыми ($p>0.05$). Возрастная динамика продемонстрировала пик уязвимости в 13 лет (21.7%) и 15–16 лет (24.4%) с последующим снижением к 17 годам (13.0%). Полученные данные подчёркивают выраженность половых и межкультурных различий при отсутствии статистически значимой возрастной специфики в оценке последствий кибербуллинга.

3.3. РЕЗУЛЬТАТЫ РЕГРЕССИОННОГО АНАЛИЗА (ЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ — СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА, НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ-ПРЕДИКТОРЫ — ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ)

Проведенный регрессионный анализ позволил выявить системные связи между социально-психологическими детерминантами (выступавшими в модели в качестве предикторов) и стратегиями преодоления кибербуллинга. Полученные модели убедительно демонстрируют, что выбор стратегии не является случайным, а детерминирован комплексом когнитивных, эмоциональных, морально-этических и социально-демографических факторов, что полностью соответствует основному методологическому принципу системной детерминации психики. Как следует из данных таблицы 3.19, наиболее комплексно детерминированной является стратегия «Формальная поддержка (ФП)» ($R^2 = 0,210$), что свидетельствует о ее сложной, когнитивно-опосредованной природе. Ее выбор обусловлен диалектическим единством рациональных и интуитивных компонентов морального сознания (лояльность, справедливость), актуальным эмоциональным состоянием, спецификой киберагgressии и социально-демографическим контекстом.

Таблица 3.19 - Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – стратегии преодоления кибербуллинга)

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R^2	p	B	Std. Err. of B	β	t
Формальная поддержка (ФП)						
Лояльность рациональное обоснование	0.210	0.030	0.408	0.188	0.488	2.172
Справедливость интуитивная оценка		0.034	-0.143	0.067	-0.492	-2.122
Лояльность интуитивная оценка		0.024	-0.150	0.066	-0.525	-2.274
Эмоциональные последствия		0.041	-0.168	0.082	-0.112	-2.050
Вербальная агрессия		0.043	0.084	0.042	0.182	2.028

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Продолжение таблицы 3.19 Распространение личной информации		<0.001	-0.152	0.042	-0.325	-3.639
группа		<0.001	0.448	0.113	0.221	3.959
возраст		0.008	-0.091	0.034	-0.155	-2.685
Активное противостояние (АП)						
Частота столкновения	0.118	0.050	-0.137	0.070	-0.148	-1.969
Опыт в роли буллера		0.051	-0.176	0.090	-0.118	-1.957
Близкая поддержка (БП)						
Эмоциональные последствия	0.129	0.036	-0.158	0.075	-0.121	-2.106
пол		0.047	0.194	0.097	0.109	1.993
Влияние на психическое здоровье		0.085	0.160	0.092	0.137	1.727
Активное игнорирование (АИ)						
Этика автономии	0.119	0.036	-0.017	0.008	-0.182	-2.110
Распространение личной информации		0.036	-0.081	0.039	-0.199	-2.110
возраст		0.013	-0.078	0.031	-0.151	-2.485

Это позволяет рассматривать данную стратегию как высшую форму копинг-поведения, основанную на рефлексивной оценке ситуации. «Стратегия Активного противостояния (АП)» демонстрирует связь с практическим опытом субъекта, предсказываясь частотой столкновений с травлей и опытом пребывания в роли агрессора. Данный факт указывает на ее реактивно-проактивный характер, формирующийся в процессе непосредственного взаимодействия со средой и включающий не только защиту, но и готовность к конфронтационным ответным действиям. Стратегия «Близкая поддержка (БП)» обнаруживает связь с эмоциональным состоянием и полом респондента, что раскрывает ее аффективно-

коммуникативную основу и социально-ролевую обусловленность. Наличие тенденции у предиктора «Влияние на психическое здоровье» ($p = 0,085$) намечает перспективу для дальнейшего изучения роли психологического благополучия в поиске социальной поддержки. «Активное игнорирование (АИ)» детерминировано личностной этической установкой (автономия), что подчеркивает его связь с базовыми ценностными ориентациями личности, а также конкретным типом киберагgressии и возрастом, отражая вклад ситуативного контекста и онтогенетического фактора. Для проверки гипотезы о качественном своеобразии детерминации стратегий преодоления в зависимости от пола был проведен регрессионный анализ в подгруппах. Анализ (таблица 3.20) выявил системные качественные различия в структуре детерминации. У девочек стратегия Формальной поддержки (ФП) детерминирована рациональной лояльностью и контекстом виктимизации, тогда как у мальчиков доминируют интуитивная справедливость и рациональное уважение.

Таблица 3.20 - Результаты регрессионного анализа в группах мальчиков и девочек (зависимые переменные – стратегии преодоления кибербуллинга)

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Девочки						
<i>Близкая поддержка</i>						
Религиозность	0,137	0,050	0,057	0,029	0,201	1,972*
<i>Активное игнорирование</i>						
Распространение личной информации	0,163	0,013	-0,122	0,049	-0,287	-2,512*
<i>Формальная поддержка</i>						
Вербальная агрессия	0,234	0,008	0,157	0,058	0,343	2,698**
Распространение личной информации		0,000	-0,189	0,050	-0,411	-3,766***

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Продолжение таблицы 3.20 Возраст		0,003	-0,324	0,107	-0,247	-3,032**
<i>Активное противостояние</i>						
Забота	0,164	0,053	0,062	0,032	0,201	1,945
Мальчики						
<i>Близкая поддержка</i>						
Этика автономии	0,356	0,048	-0,023	0,011	-0,234	-1,996*
Уважение рациональное обоснование		0,014	0,673	0,271	0,977	2,483*
Уважение интуитивная оценка		0,030	-0,203	0,092	-0,880	-2,196*
Интенсивность переживаний		0,002	-0,233	0,075	-0,266	-3,125**
<i>Активное игнорирование</i>						
Этика автономии	0,358	0,005	-0,031	0,011	-0,331	-2,834**
Эмоциональные последствия		0,038	-0,208	0,099	-0,187	-2,091*
Имитация личности		0,021	-0,169	0,072	-0,419	-2,334*
Интенсивность переживаний		0,003	-0,219	0,073	-0,254	-2,987**
<i>Формальная поддержка</i>						
Этика автономии	0,350	0,013	-0,035	0,014	-0,297	-2,525*
Справедливость рациональное обоснование		0,041	0,611	0,296	0,728	2,064*
Справедливость интуитивная оценка		0,039	-0,216	0,104	-0,746	-2,083*
Опыт в роли буллера		0,011	-0,360	0,139	-0,259	-2,594*
Возраст		0,009	-0,335	0,126	-0,247	-2,661**
<i>Активное противостояние</i>						
Контекст виктимизации	0,309	0,043	-0,195	0,095	-0,217	-2,048*
Опыт в роли буллера		0,046	-0,267	0,132	-0,208	-2,018*

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Продолжение таблицы 3.20 Влияние на общение		0,011	-0,396	0,154	-0,307	-2,568*
Возраст		0,027	-0,268	0,120	-0,214	-2,232*

*Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Близкая поддержка (БП) у девочек характеризуется коллективистскими паттернами, нивелируемыми социальной изоляцией, что подтверждает культурную стигму обращения за помощью. У мальчиков выявлен парадокс: связь рациональной справедливости с распространением личной информации, отражающая конфликт моральной оценки и страха стигматизации. Стратегия Активного противостояния (АП) у мальчиков демонстрирует комплексную детерминацию, включающую контекст виктимизации, опыт буллинга и влияние на общение, что подчеркивает ее проактивный и многокомпонентный характер в мужской субпопуляции.

Проведенный анализ (Таблица 3.21) выявил не просто количественные изменения, а закономерное качественное преобразование структуры психологической детерминации копинг-стратегий на разных этапах подросткового возраста. Младшие подростки (11-12 лет): для стратегии Активного противостояния (АП) преобладает эмоционально-ситуативная детерминация.

Таблица 3.21 - Результаты регрессионного анализа в группах по трем возрастным когортам: младшие подростки (11-12 лет), средние подростки (13-14 лет) и старшие подростки (15-17 лет)

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
11-12 лет: Активное противостояние						
Эмоциональные последствия	0,422	0,036	-0,437	0,204	-0,268	-2,137
Технический канал		0,007	-0,129	0,046	-0,330	-2,775

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Продолжение таблицы 3.21						
13-14 лет: Активное противостояние						
эттика_сообщества	0,201	0,042	-0,021	0,010	-0,295	-2,055
Виды кибербуллинга		0,030	0,191	0,087	0,173	2,192
15-17 лет: Активное противостояние						
Справедливость	0,359	0,004	-0,117	0,040	-0,409	-2,929
Уважение		0,028	0,082	0,037	0,300	2,233
11-12 лет: Активное игнорирование						
Справедливость интуитивная оценка	0,422	0,045	0,258	0,127	0,963	2,037
Религиозность интуитивная оценка		0,038	-0,276	0,131	-1,016	-2,110
Влияние на самочувствие		0,033	0,369	0,170	0,373	2,175
15-17 лет: Активное игнорирование						
Религиозность рациональное обоснование	0,387	0,004	-1,131	0,385	-1,542	-2,939
Религиозность интуитивная оценка		0,002	0,413	0,131	1,672	3,150
Забота		0,026	0,105	0,046	0,334	2,273
11-12 лет: Близкая поддержка						
Технический канал	0,382	0,020	-0,098	0,041	-0,291	-2,381
15-17 лет: Близкая поддержка						
Опыт в роли буллера	0,379	0,042	-0,290	0,141	-0,265	-2,063
пол		0,043	0,400	0,195	0,235	2,053
11-12 лет: Дистальный совет						
Технический канал	0,417	0,007	-0,129	0,046	-0,330	-2,775
15-17 лет: Формальная поддержка						

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Продолжение таблицы 3.21 Справедливость рациональное обоснование	0,370	0,006	1,069	0,377	1,335	2,835
Лояльность рациональное обоснование		0,026	0,853	0,377	1,078	2,260
Справедливость интуитивная оценка		0,007	-0,364	0,130	-1,323	-2,787
Лояльность интуитивная оценка		0,028	-0,300	0,134	-1,111	-2,233
Распространение личной информации		0,013	-0,201	0,079	-0,458	-2,534

Она значимо предсказывается эмоциональными состояниями и техническими параметрами ситуации, что соответствует стадии конкретных операций и указывает на ее импульсивный, непосредственно-оборонительный характер. Средние подростки (13-14 лет): на первый план выходит социально-нормативная детерминация. Стратегия АП начинает регулироваться широкими социальными ориентациями («этика сообщества») и конкретными проявлениями буллинга, что отражает переход к стадии формальных операций и усиление роли социального самосознания в выборе конфронтационных тактик. Старшие подростки (15-17 лет): наблюдается сложная система когнитивно-этической детерминации. Стратегия АП предсказывается внутренними моральными суждениями («Справедливость», «Уважение»), что свидетельствует о переходе к зрелой личностной регуляции, при которой даже конфронтационные действия опосредованы внутренней системой ценностей и рефлексивным осмысливанием. Анализ с учетом модерации культурного контекста (РФ / РК) выявил системные различия в структуре детерминант. Выявленные кросс-культурные различия носят качественный характер (Таблица 3.22). Для российской выборки (РФ) характерна когнитивно-этическая детерминация. Значимым предиктором является базовая этическая ориентация («Этика автономии»), что отражает связь данной стратегии с ценностями личной свободы, независимости и права на защиту приватности.

Таблица 3.22 - Результаты регрессионного анализа при модерации кроскультурного контекста (РФ / РК) (зависимые переменные – стратегии преодоления кибербуллинга)

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
РФ: Активное игнорирование (АИ)						
Этика автономии	0.183	0.018	-0.027	0.011	-0.273	-2.387
РК: Активное игнорирование (АИ)						
пол	0.263	0.004	0.417	0.144	0.234	2.894
Влияние на учебу		0.040	-0.406	0.196	-0.239	-2.074
ВОЗР		0.008	-0.304	0.114	-0.269	-2.674
РК: Формальная поддержка (ФП)						
Справедливость рациональное обоснование	0.289	0.043	0.556	0.273	0.697	2.037
Лояльность рациональное обоснование		0.048	0.533	0.267	0.643	1.993
Распространение личной информации		0.004	-0.187	0.064	-0.401	-2.924
пол		0.021	0.364	0.156	0.185	2.328
Виды кибербуллинга		0.046	-0.170	0.084	-0.160	-2.014
Влияние на психическое здоровье		0.042	0.329	0.161	0.235	2.047
РФ: Активное противостояние (АП)						
Виды кибербуллинга	0.176	0.030	0.191	0.087	0.173	2.192
РК: Активное противостояние (АП)						
Забота	0.270	0.022	0.078	0.034	0.234	2.305
пол		0.001	0.537	0.161	0.269	3.339
Частота столкновения		0.017	-0.243	0.100	-0.243	-2.422
ВОЗР		0.034	-0.271	0.127	-0.213	-2.133
РК: Близкая поддержка (БП)						

Предикторы стратегий преодоления кибербуллинга	R ²	p	B	Std. Err. of B	β	t
Продолжение таблицы 3.22 Технический канал	0.264	0.035	-0.058	0.027	-0.178	-2.128
Распространение личной информации		0.005	-0.166	0.059	-0.394	-2.823
пол		0.007	0.391	0.143	0.221	2.728
Влияние на учебу		0.041	-0.401	0.195	-0.237	-2.061
ВОЗР		0.050	-0.223	0.113	-0.198	-1.974

Это согласуется с моделью, где совладание строится вокруг защиты личных границ и эмоциональной саморегуляции. Обращает на себя внимание, что в российской выборке (РФ) Этика автономии является значимым предиктором стратегии АИ, что содержательно раскрывает связь данной копинг-тактики с базовой ценностью личной независимости и права на эмоциональную самозащиту. В казахстанской же выборке (РК) в структуре значимых предикторов доминируют социально-ситуативные и демографические факторы (пол, влияние на учебу), что отражает примат коллективных и контекстуальных детерминант над индивидуально-личностными в данном культурном контексте. Стратегия АП в РФ детерминирована преимущественно конкретными проявлениями кибербуллинга, что указывает на ее ситуативный, ответный характер. Для казахстанской выборки (РК) доминирует социально-ситуативная детерминация. Стратегия АП в казахстанской группе демонстрирует связь с просоциальной ориентацией («Забота»), полом и частотой столкновений, что раскрывает ее сложную природу, возможно, как социально санкционированной формы защиты групповых норм и границ в коллективистском контексте.

3.4. РЕЗУЛЬТАТЫ СТРУКТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ УРАВНЕНИЙ (SEM): СВЯЗИ МЕЖДУ ЛАТЕНТНЫМИ КОНСТРУКТАМИ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ И СТРАТЕГИЯМИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КИБЕРБУЛЛИНГА

Настоящий параграф содержит содержательную интерпретацию ключевых результатов эмпирической верификации теоретической модели социально-психологических детерминант стратегий преодоления кибербуллинга в кросс-культурном контексте (РФ, РК). Фокус анализа сосредоточен на интегральной модели (Модель 1), оперирующей латентными конструктами, которая продемонстрировала высокое соответствие эмпирическим данным: CFI = 0,975; TLI = 0,963; RMSEA = 0,032 (90% ДИ: 0,013-0,048); SRMR = 0,048. Полученные индексы не только статистически подтверждают адекватность предложенной теоретической структуры, но и указывают на её высокую объяснительную силу, позволяя перейти к анализу выявленных системных закономерностей.

3.4.1. Результаты структурного моделирования уравнений (SEM): Модель 1 (итоговая структурная модель)

Регрессионный анализ выявил тесные положительные связи между всеми стратегиями преодоления (Таблица 3.23). Особого внимания заслуживает сильнейшая связь между **Активным игнорированием (АИ)** и **Близкой поддержкой (БП)** ($\beta = 0.689$, $p <.001$), что отражает их глубинную функциональную интеграцию. Данный паттерн эмпирически подтверждает теоретическое положение о том, что осознанное когнитивное дистанцирование от агрессии (АИ) не является пассивным бегством, а выступает осмысленной стратегией, которая формирует психологический плацдарм для мобилизации ресурсов ближайшего социального окружения (БП). Стратегия **Активного противостояния (АП)**, в свою очередь, демонстрирует устойчивые положительные связи со всеми остальными стратегиями (например, АИ — АП, $\beta = 0.308$; ФП — АП, $\beta = 0.279$), что верифицирует её интерпретацию как сложного поведенческого комплекса, интегрированного в общую систему субъектной

регуляции и сочетающего инструментальное выстраивание границ с ответными действиями.

**Таблица 3.23 - Значимые остаточные ковариации между стратегиями преодоления
(Модель 1)**

Пара	Std. estimate	Std. Error	z-value	p	95% ДИ (Lower–Upper)
АИ — БП	0.687	0.026	26.187	< .001	0.636 – 0.739
АИ — ФП	0.428	0.041	10.532	< .001	0.348 – 0.508
АИ — АП	0.304	0.045	6.730	< .001	0.215 – 0.392
ФП — АП	0.279	0.046	6.081	< .001	0.189 – 0.369
ФП — БП	0.523	0.036	14.462	< .001	0.452 – 0.594
АП — БП	0.348	0.044	7.966	< .001	0.263 – 0.434

Примечание: Все ковариации являются положительными и значимыми, что указывает на системную взаимосвязь стратегий.

Регрессионный анализ выявил содержательно значимый набор предикторов, конкретизирующих теоретическую модель (Таблица 3.24). В соответствии с исходными положениями, распространение личной информации подтвердило свою роль мощного дезадаптивного фактора, оказывая значимое негативное воздействие на стратегию Активного игнорирования (АИ) ($\beta = -0.127$, $p <.001$) и косвенно усиливая Эмоциональные последствия ($\beta = -0.164$, $p = .034$). Этот паттерн верифицирует тезис о том, что грубое нарушение конфиденциальности подрывает базовое чувство психологической безопасности, необходимое для реализации просоциальных стратегий, основанных на доверии к себе и своему окружению.

В противовес выявленным барьерам, данные подтвердили роль осознанных моральных установок как протективного. Рациональное обоснование лояльности продемонстрировало выраженное положительное влияние на выбор

стратегии Формальной поддержки (ФП) ($\beta = 0.489$, $p = .009$). Этот результат подтверждает центральное положение о роли осмысленной, рефлексивной моральной позиции в субъектной регуляции поведения: именно рациональное принятие норм групповой солидарности побуждает подростка к активным действиям по поиску помощи у формальных институтов.

Кросс-культурный контекст, операционализированный как переменная «страна», проявил себя как значимый предиктор для стратегии Формальной поддержки (ФП) ($\beta = 0.196$, $p <.001$), что отражает объективные различия в институциональном доверии и культурных сценариях поиски поддержки между Россией и Казахстаном. Кроме того, вербальная агрессия оказалась значимым позитивным предиктором ФП ($\beta = 0.179$, $p = .007$), что, вероятно, указывает на её восприятие как более «легитимного» повода для обращения к формальным институтам по сравнению с другими видами кибербуллинга. Важно отметить, что для стратегии Активного противостояния (АП) значимых прямых предикторов среди анализируемых латентных конструктов выявлено не было ($p > .05$), что дополнительно подчеркивает ее комплексный, системно и ситуационно обусловленный характер.

**Таблица 3.24 - Значимые регрессионные коэффициенты для стратегий преодоления
(Модель 1)**

Зависимая переменная	Предиктор	β	SE	p	95% ДИ (Lower–Upper)
Активное игнорирование (АИ)	Распространение личной информации	-0.127	0.036	< .001	-0.198 – -0.056
Формальная поддержка (ФП)	Лояльность - рациональное обоснование	0.489	0.187	0.009	0.123 – 0.855
	Лояльность - интуитивная оценка	-0.444	0.189	0.019	-0.815 – -0.072

Зависимая переменная	Предиктор	β	SE	p	95% ДИ (Lower–Upper)
<i>Продолжение таблицы 3.24</i>					
	Вербальная агрессия	0.179	0.066	0.007	0.050 – 0.309
	Распространение личной информации	-0.203	0.066	0.002	-0.332 – -0.073
	страна	0.196	0.041	< .001	0.116 – 0.276
	возраст	-0.098	0.042	0.020	-0.181 – -0.015
Активное противостояние (АП)	Опыт в качестве буллера	-0.115	0.048	0.016	-0.208 – -0.021
Эмоциональные последствия	Распространение личной информации	-0.164	0.077	0.034	-0.315 – -0.013

Примечание: в таблице представлены статистически значимые предикторы ($p < .05$), за исключением стратегии Близкой поддержки (БП), для которой значимых предикторов в данной модели не выявлено.

Таким образом, полученные результаты позволяют верифицировать и конкретизировать исходную теоретическую модель. Ведущая роль в детерминации копинг-поведения принадлежит системным эффектам, проявляющимся в тесной взаимосвязи стратегий (ковариации $\approx 0.3\text{-}0.7$). Это служит эмпирическим основанием для рассмотрения совладающего поведения не как набора изолированных тактик, а как целостного акта, опосредованного смысловой активностью личности и её системой отношений. В этой структуре стратегия АП занимает место сложного поведенческого комплекса, формирующегося как интегративный ответ на агрессию, в то время как базовые просоциальные стратегии (АИ, БП) оказываются наиболее уязвимы к деструктивному воздействию

нарушения личных границ (распространение личной информации), что подтверждает ключевую гипотезу исследования.

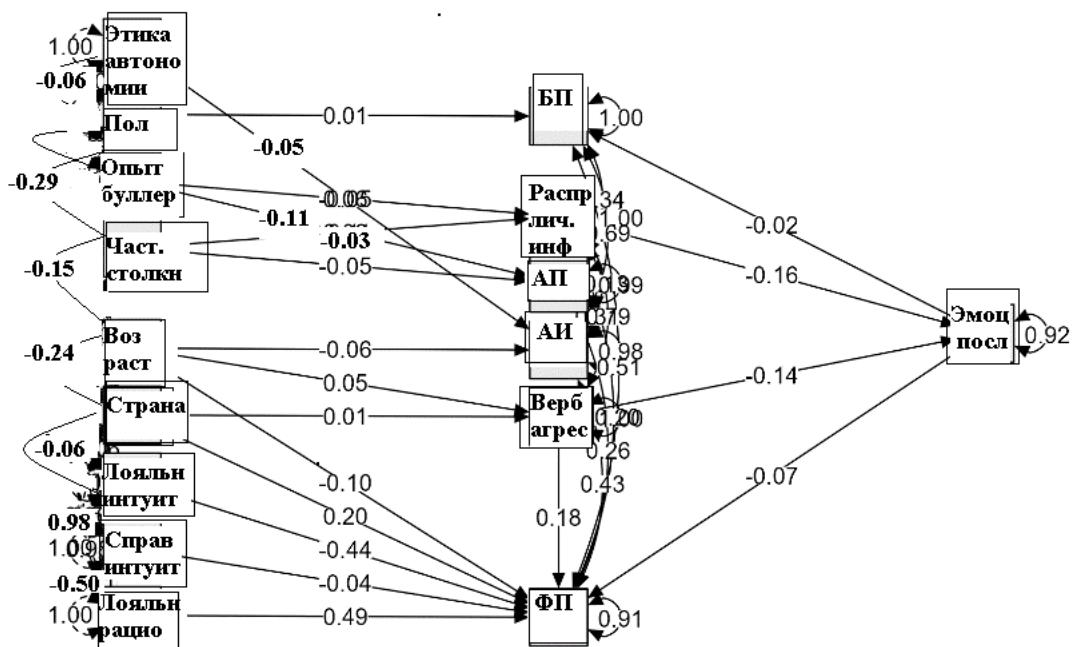

Рисунок 3.10 — Структурная модель взаимосвязей латентных конструктов социально-психологических детерминант и стратегий преодоления кибербуллинга подростками в объединённой выборке (Модель 1).

3.4.2. Результаты структурного моделирования уравнений (sem): связи между латентными конструктами социально-психологических детерминант и стратегиями преодоления кибербуллинга в российской выборке. Модель 2

Настоящий параграф представляет ключевые результаты верификации теоретической модели на репрезентативной выборке российских подростков ($N = 206$). Финальная структура моделирования структурными уравнениями (SEM) для российской выборки (Модель 2) показала идеальное соответствие эмпирическим данным: $CFI = 1,000$; $TLI = 1,055$; $RMSEA = 0,000$ (90% ДИ: 0,000–0,084); $SRMR = 0,018$, что указывает на адекватность модели и высокую устойчивость выявленных структурных связей (Hu & Bentler, 1999). Центральным содержательным

результатом для российской выборки является выявление специфического паттерна структурной простоты, при котором единственным значимым системным паттерном выступила сильная положительная остаточная ковариация между стратегиями активного игнорирования (АИ) и активного противостояния (АП). Данное явление отражает их глубинную кооперативную связь в процессе совладания и позволяет рассматривать их как взаимодополняющие компоненты единой субъектной стратегии (таблица 3.25).

Таблица 3.25 - Значимые остаточные ковариации между стратегиями преодоления (Модель 2, РФ)

Пара	Std. estimate	Std. Error	z- value	p	95% ДИ (Lower–Upper)
АИ— АП	0.303	0.045	6.711	< .001	0.215 – 0.392

Выявленная структурная (Рисунок 3.11) специфика является эмпирическим основанием для гипотезы о культурной обусловленности психологической регуляции совладающего поведения. Обнаруженная сильная ковариация между АИ и АП отражает гибкий, ситуативно-обусловленный паттерн, который можно интерпретировать как проявление единой, но полиморфной субъектной стратегии. В данном паттерне АИ выступает не как пассивная капитуляция, а как начальная, сдерживающая фаза, за которой, в случае ее неэффективности, следует фаза АП.

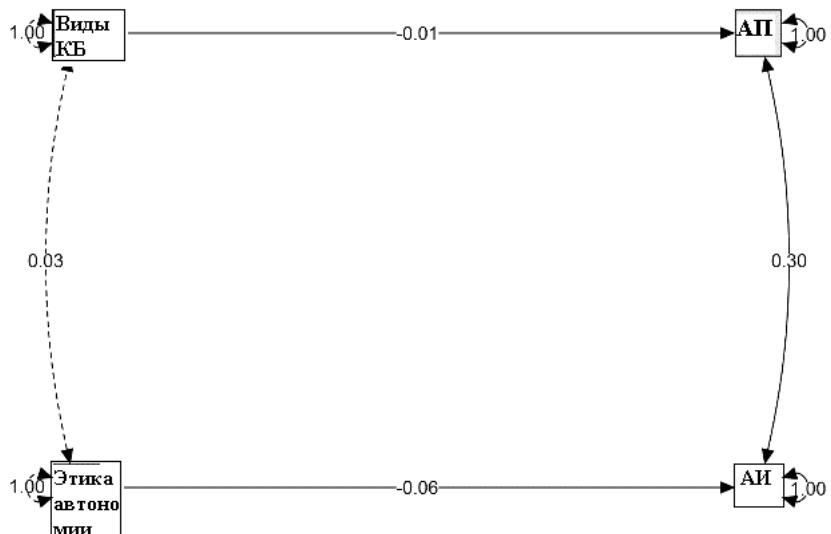

Рисунок 3.11 — Структурная модель детерминации стратегий преодоления кибербуллинга подростками для Российской выборки (Модель 2)

3.4.3. Результаты структурного моделирования уравнений (sem): связи между латентными конструктами социально-психологических детерминант и стратегиями преодоления кибербуллинга в казахстанской выборке. Модель 3

Настоящий параграф представляет результаты верификации теоретической модели на репрезентативной выборке подростков Республики Казахстан (РК). Модель продемонстрировала статистически приемлемое соответствие эмпирическим данным: CFI = 0,934; TLI = 0,892; RMSEA = 0,046 (90% ДИ: 0,030–0,061); SRMR = 0,050, что подтверждает ее адекватность для данного культурного контекста.

Регрессионный анализ в рамках модели выявил содержательно значимый и структурно специфичный набор предикторов для казахстанских подростков. Критическим системным фактом является то, что наибольшее негативное влияние на адаптивную стратегию Активного игнорирования (АИ) оказывает распространение личной информации. При этом для стратегии Активного противостояния (АП) значимых прямых предикторов выявлено не было, что подчеркивает ее латентный, комплексный и системно обусловленный характер, формирующийся как интегративный поведенческий комплекс в ответ на агрессию (Таблица 3.26).

**Таблица 3.26 - Значимые регрессионные коэффициенты для стратегий преодоления
(Модель 3, выборка РК)**

Зависимая переменная	Предиктор	β	SE	p	95% ДИ (Lower–Upper)
Активное игнорирование (АИ)	Распространение личной информации	-0.187	0.046	< .001	-0.276 -- 0.097
	Пол	0.100	0.049	0.040	0.005 – 0.196
Формальная поддержка (ФП)	Пол	0.100	0.049	0.042	0.004 – 0.196
Технический канал	Распространение личной информации	-0.171	0.048	< .001	-0.265 -- 0.076
Распространение личной информации	Забота - рациональное обоснование	-0.254	0.046	< .001	-0.344 -- 0.165
Виды кибербуллинга	Частота столкновения	0.207	0.047	< .001	0.115 – 0.299

*Примечание: в таблице представлены только статистически значимые связи ($p < .05$).
Обращает на себя внимание полное отсутствие значимых прямых предикторов для стратегии Активного противостояния (АП), что является ключевой особенностью модели.*

Одним из наиболее значимых результатов является выявление тесных положительных связей между всеми стратегиями преодоления. Особого внимания заслуживает сильнейшая связь между Активным игнорированием (АИ) и Близкой поддержкой (БП), что отражает их глубокую системную интеграцию в адаптивном процессе. При этом стратегия Активного противостояния (АП) демонстрирует устойчивые положительные связи со всеми остальными стратегиями, что эмпирически подтверждает ее интерпретацию не как изолированную агрессию, а

как комплексный поведенческий паттерн, интегрированный в общую систему совладания и сочетающий выстраивание границ с ответными действиями (Таблица 3.27).

Таблица 3.27- Значимые остаточные ковариации между стратегиями преодоления (Модель 3, выборка РК)

Пара	Std. Estimate	Std. Error	z-value	p	95% ДИ (Lower–Upper)
АИ — БП	0.687	0.026	26.189	< .001	0.636 – 0.739
АИ — ФП	0.428	0.041	10.533	< .001	0.348 – 0.508
АИ — АП	0.306	0.045	6.782	< .001	0.217 – 0.394
ФП — АП	0.279	0.046	6.076	< .001	0.189 – 0.369
ФП — БП	0.523	0.036	14.463	< .001	0.452 – 0.594
АП — БП	0.347	0.044	7.936	< .001	0.261 – 0.433

Примечание: Все ковариации положительны и значимы. Стратегия Активного противостояния (АП) интегрирована в общую систему и положительно связана со всеми другими стратегиями.

Полученная картина является эмпирической иллюстрацией системного принципа целостности, характерного для коллектivistского культурного контекста Казахстана. Стратегии не дифференцированы и не альтернативны, а представляют собой единый, синкретичный поведенческий комплекс. Ведущая роль в детерминации копинг-поведения принадлежит системным эффектам, проявляющимся в тесной взаимосвязи стратегий (ковариации $\approx 0,3\text{--}0,7$). Это служит эмпирическим основанием для рассмотрения совладающего поведения как целостного акта, опосредованного смысловой активностью личности (Крюкова, 2008; Анцыферова, 1994). Краеугольным открытием является положительная интеграция АП в единый копинг-синдром. Сильные положительные ковариации АП, в особенности с БП, свидетельствуют о том, что в сознании казахстанских подростков установление границ и ответные действия не противопоставлены

просоциальному поведению и поиску поддержки, а сосуществуют с ними как потенциальные элементы широкого репертуара реакций, санкционированного коллективом. Стратегия Активного противостояния (АП) в казахстанской выборке интерпретируется как латентный ресурс субъектности, который активируется в случае неэффективности социально-одобряемых паттернов, и является сложным поведенческим комплексом, включающим как выстраивание границ, так и ответные действия.

Таким образом, для казахстанских подростков характерна интегрированная модель совладания (Рисунок 3.12), где стратегии глубоко взаимосвязаны, а Активное противостояние, лишенное прямых детерминант, выступает системным, опосредованным звеном общей адаптационной системы личности.

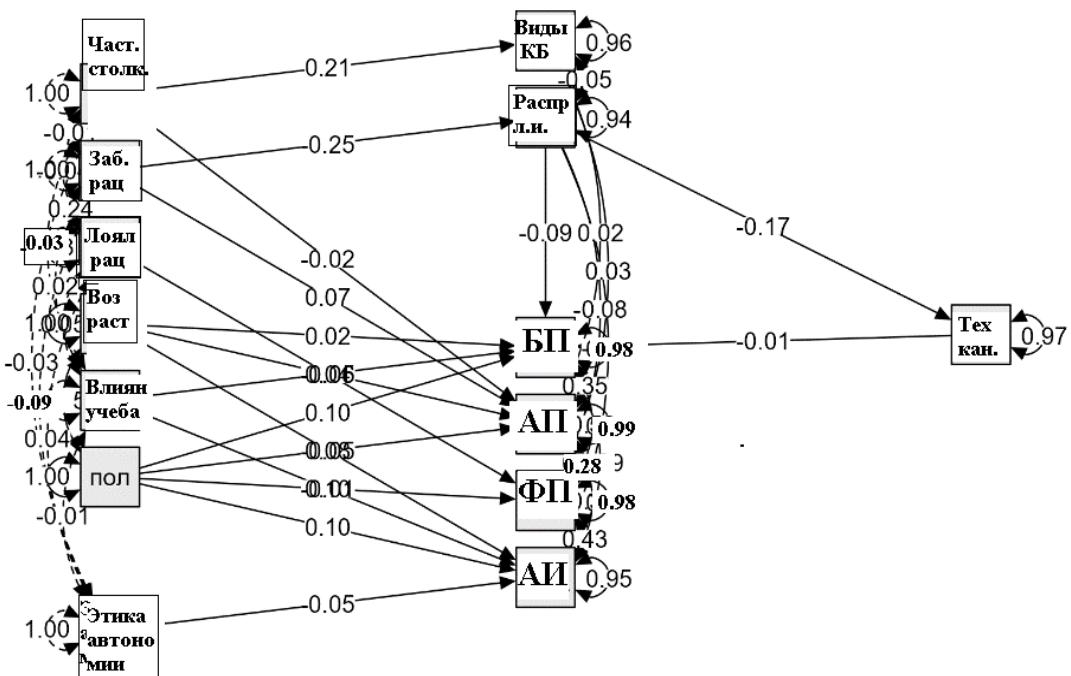

Рисунок 3.12 — Структурная модель детерминации стратегий преодоления кибербуллинга подростками для Казахстанской выборки (Модель 3)

Проведенный кроскультурный анализ верифицировал теоретическую модель и выявил содержательную специфику детерминации совладающего поведения в разных культурных контекстах. Эмпирически доказано, что стратегия АП является комплексным поведенческим паттерном, глубоко интегрированным в общую систему совладания. Выявленные структурные взаимосвязи открывают новые перспективы для разработки психолого-педагогических интервенций,

направленных на развитие конструктивных форм защиты личных границ в условиях кибербуллинга.

На основе проведенного эмпирического исследования, в соответствии с теоретической базой, изложенной в Главе 1, и положениями, выносимыми на защиту, сформулируем выводы по Главе 3.

Во-первых, эмпирически подтверждена центральная гипотеза исследования о том, что выбор стратегий преодоления кибербуллинга подростками представляет собой системный процесс, опосредованный комплексом социально-психологических факторов. Результаты структурного моделирования (SEM) демонстрируют, что стратегии преодоления образуют тесно взаимосвязанный синдром (ковариации от 0,279 до 0,687), что свидетельствует об их интеграции в единый поведенческий конструкт, а не о реализации изолированных тактик. Это подтверждает теоретический тезис о совладающем поведении как целостном акте, опосредованном смысловой активностью личности (Крюкова, 2008; Анцыферова, 1994).

Во-вторых, решающая роль в дифференциации стратегий преодоления принадлежит кросс-культурному контексту и полу, что полностью согласуется с третьим положением, выносимым на защиту. Культурный контекст выступает ключевым модулятором: в российской выборке (индивидуалистические тенденции) стратегия Активного игнорирования (АИ) и Активного противостояния (АП) образуют единый комплексный паттерн, отражающий гибкую субъектную стратегию, сочетающую дистанцирование и конфронтацию. В казахстанской выборке (коллективистские установки) выявлена более сложная интегрированная структура, где поиск Близкой поддержки (БП) положительно связан со всеми стратегиями, включая АП, что указывает на санкционированность коллективом широкого репертуара реакций, включая ответные действия. Гендерная дифференциация проявляется в универсальном противопоставлении «связанность–агентность». Мальчики демонстрируют более высокую выраженность инструментальных стратегий (Формальная поддержка (ФП), АП), что соответствует нормам маскулинности, ориентированным на автономию и

формальные решения. Девочки, в соответствии с нормами феминности, чаще используют стратегии, связанные с поиском БП и эмоциональной регуляцией. При этом трехфакторное взаимодействие (пол × возраст × страна) для БП подчеркивает, что культурные нормы определяют социальную приемлемость обращения за помощью для разных полов.

В-третьих, возрастная динамика стратегий, как и предполагалось, носит нелинейный, скачкообразный характер, опосредованный культурным контекстом. Регрессионный анализ выявил качественное преобразование структуры детерминант от младшего к старшему подростковому возрасту. Если в 11-12 лет преобладает эмоционально-сituативная детерминация (связь АП с эмоциональными последствиями и техническим каналом), то к 15-17 годам на первый план выходит когнитивно-этическая регуляция (связь АП и ФП с рациональными основаниями справедливости и лояльности). Это отражает переход от импульсивных реакций к осознанным действиям, опосредованным внутренней системой ценностей и когнитивным созреванием.

В-четвертых, вклад ключевых социально-психологических детерминант – кибервиктимности, моральных оснований и цифрового опыта – в выбор стратегий существенно опосредован культурным контекстом, возрастом и полом, что подтверждает четвертое положение, выносимое на защиту. Кибервиктимность, в частности, распространение личной информации, выступает мощным дезадаптивным фактором, подавляющим базовые просоциальные стратегии БП и АИ. Этот эффект выражен сильнее у мальчиков и в российской выборке, что указывает на большую уязвимость их адаптационных механизмов к атакам на репутацию и приватность. Моральные основания демонстрируют сложную связь со стратегиями. Рациональное обоснование Заботы выступает протективным ресурсом, способствуя выстраиванию информационной безопасности. В то же время, рациональная Справедливость и Лояльность являются значимыми предикторами использования ФП в старшем подростковом возрасте, особенно в Казахстане, что отражает опору на формальные институты и групповые нормы. Взаимодействие интуитивных и рациональных компонентов морали (Haidt, 2012) с

стратегиями подтверждает их роль в оценке ситуации и выборе реакции. Цифровой опыт (время в сети, частота и виды столкновений с кибербуллингом, опыт в роли буллера) оказывает значимое, но нелинейное влияние. Высокое экранные время снижает эффективность поиска поддержки (БП), а опыт буллинга ассоциируется со снижением использования АП, что может отражать эффект моральной десенситизации (Bandura, 1999). Таким образом, проведенное исследование эмпирически верифицировало теоретическую модель, доказав, что выбор стратегий преодоления кибербуллинга подростками России и Казахстана представляет собой сложный, системно организованный процесс, детерминированный взаимодействием кросс-культурных, гендерных, возрастных, личностно-моральных и ситуационно-цифровых факторов. Выявленные закономерности подчеркивают необходимость разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения, учитывающих культурную специфику, гендерные роли и возрастные особенности в формировании адаптивного репертуара совладающего поведения в цифровой среде.

3.5. Интерпретация и обсуждение результатов

Проведенный анализ выявил системное влияние культурного контекста на выбор стратегий преодоления кибербуллинга. В соответствии с теорией культурных синдромов (Triandis, 1995; Триандис, 2018), коллективистские установки, более характерные для казахстанской выборки, способствуют формированию интегрированного паттерна совладания, где стратегия поиска близкой поддержки (БП) выступает центральным, легитимизированным коллективом элементом, положительно связанным со всеми другими тактиками, включая активное противостояние (АП). Это отражает модель коллективного буфера стресса, где широкий репертуар реакций, от поиска поддержки до ответных действий, легитимирован в рамках групповых ценностей (Gelfand et al., 2011; Rakisheva et al., 2024). Напротив, в российской выборке, с ее тенденцией к индивидуализму и высокой дистанцией власти (Hofstede, 2011; Hofstede Insights, 2023), наблюдается иная конфигурация: тесная связь между активным игнорированием (АИ) и АП, что можно интерпретировать как формирование гибкой субъектной стратегии «сдерживающий удар», где тактическое отступление (АИ) служит подготовкой или альтернативой осознанной конфронтации (АП). Данная конфигурация соответствует концепции «рефлексивного коллективизма» и субъектно-деятельностному подходу в отечественной психологии (Крюкова, 2008; Лебедева, 2019), где личность активно конструирует стратегии совладания, адаптируя их к конкретному контексту цифровой угрозы (Soldatova & Rasskazova, 2023). Цифровая автономия, понимаемая как способность к самостоятельному регулированию онлайн-взаимодействий, по-разному реализуется в исследуемых культурах. В индивидуалистическом контексте она проявляется через независимые действия (активное противостояние (АП), активное игнорирование (АИ)), тогда как в коллективистском — через опору на социальную сеть, что не отменяет, а опосредует личную агентность. Возрастная динамика является критически важным модератором выбора стратегий преодоления, находящимся в сложном взаимодействии с культурным контекстом. Эмпирические данные выявляют

нелинейный характер этой динамики. Например, обращение к ФП демонстрирует пик в 12 лет, что связано с началом подросткового кризиса, усилением неуверенности и потребности в советах извне. Последующее снижение к 14 годам соответствует фазе пубертатного протеста, когда подростки отвергают внешние советы в поисках автономии (Erikson, 1968). Рост к 16-17 годам отражает осознание ограниченности личного опыта, что в критических ситуациях наблюдается возврат к рациональному копингу (Крюкова, 2010), проявляющийся в активизации анализа проблем и планирования действий. В восточноазиатских коллективистических культурах (Han, Zhao, 2024) центральную роль в этом процессе играет фактор самосознания, что усиливает ориентацию на внешние советы и объясняет линейный рост данной стратегии к 17 годам. Стратегия БП демонстрирует постепенный рост с 11 до 17 лет, что согласуется с теорией привязанности (Bowlby, 2013): происходит расширение круга доверия при сохранении базовой семейной поддержки. В семьяно-ориентированных культурах (РФ, РК) близкая поддержка остается ключевой стратегией, тогда как в индивидуалистических обществах её роль может снижаться к старшему подростковому возрасту. Стратегия АИ также демонстрирует возрастной рост, со скачком в 17 лет, что отражает осознанный выбор активного игнорирования как метода самозащиты (Солдатова, 2020), хотя чрезмерное его использование может маскировать эмоциональное избегание. В отличие от них, навык выстраивания границ (как компонент АП) формируется к началу подросткового возраста и зависит от типа привязанности (Bowlby, 2013). Как показывают исследования (Авдеева, 2017; Бурменская, 2009), надежная привязанность, связанная с сензитивностью родителей, способствует развитию автономии и эмпатии, что является основой для здоровых границ. Низкая популярность верbalного выстраивания границ в ряде контекстов часто связана с дефицитом коммуникативных навыков, страхом эскалации конфликтов и семьяно-ориентированными паттернами, где открытые конфронтации табуированы. Эти поведенческие изменения имеют нейробиологическое обоснование. Развитие префронтальной коры в позднем подростковом возрасте усиливает рефлексию и способность к планированию (Steinberg, 2014), в то время как

гиперчувствительность лимбической системы к социальному одобрению (Chein et al., 2011) объясняет эмоциональную уязвимость. Эти нейробиологические изменения, хотя и повышают склонность к рискованным действиям, одновременно обеспечивают когнитивную гибкость, необходимую для адаптации к динамичному социальному контексту (Crone, Dahl, 2012) и построения эффективных социальных сетей (Arnett, 2000). Моральные основания являются скрытыми, но системообразующими детерминантами выбора стратегий. Эмпирически подтверждено, что Этика автономии, акцентирующая ценности индивидуальности и личных прав, является значимым предиктором использования стратегий, направленных на защиту приватности и эмоциональной саморегуляции (АИ) в российском контексте. Межпоколенческая передача культурных паттернов совладания (Espino et al., 2023) в условиях цифровизации приобретает новые черты. Подростки выступают не только реципиентами, но и агентами трансляции новых цифровых практик (Fischer et al., 2021) в семейную систему, что может приводить как к конфликту, так и к формированию новых, гибридных форм копинга, сочетающих традиционные ценности с цифровыми компетенциями. Таким образом, эмпирически доказано, что исходная теоретическая модель была верифицирована и уточнена - выявленные структурные взаимосвязи между конструктами подтверждают ее адекватность (см. Рисунок 3.13— Модель социально-психологических детерминантов выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками, где обозначены положительные и отрицательные связи). Культурный контекст выступает ключевым модулятором выявленных закономерностей: в российской выборке с тенденциями к индивидуализму наблюдается связь между стратегиями АИ и АП, формирующая единую субъектную стратегию «сдерживающий удар», тогда как в казахстанской выборке с коллективистскими установками выявлена интегрированная структура, где БП положительно связана со всеми другими стратегиями. При интерпретации кросс-культурных различий следует учитывать одно из ограничений настоящего исследования. Выборка из Казахстана была рекрутирована из русскоязычных школ, что, безусловно, не может в полной мере представить всё

этнокультурное разнообразие страны. Данный фактор мог оказать влияние на полученные результаты, нивелируя часть потенциальных различий. В будущих исследованиях для более точного кросс-культурного сравнения необходим целенаправленный контроль и стратификация выборки не только по страновому, но и по этнокультурному признаку, а также по языку семейной социализации.

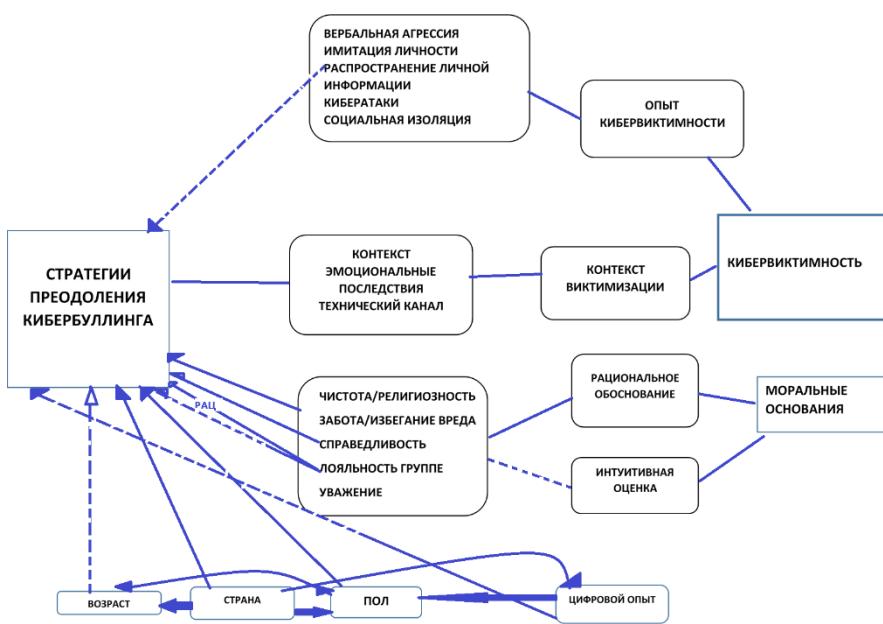

Рисунок 3.13— Модель социально-психологических детерминантов выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками.

→ положительные связи;

— — — ► — отрицательные связи

ВЫВОДЫ ПО ИТОГАМ ГЛАВЫ 3

На основании проведенного эмпирического исследования, сформулированы следующие выводы, которые раскрывают не только специфику стратегий преодоления кибербуллинга, но и системные психологические механизмы, лежащие в их основе.

Эмпирически подтверждена системная архитектура совладающего поведения, однако кросс-культурный анализ выявил качественно различную организацию этой системы. Если в общей модели (Модель 1) и в казахстанской выборке (Модель 3) стратегии образуют плотную, взаимосвязанную сеть с устойчивыми ковариационными связями (0,279-0,687), то в российской выборке (Модель 2) система демонстрирует структурную простоту и парную коопérationю. Ключевым результатом является выявление сильнейшей и единственной значимой ковариации между «Активным игнорированием (АИ)» и «Активным противостоянием (АП)» ($\beta = 0.303$, $p <.001$) в российской выборке. Это свидетельствует не просто о взаимосвязи, а о формировании бинарного оперативного комплекса «сдерживающий удар», где тактическое дистанцирование (АИ) и прямая конфронтация (АП) выступают фазами единой, гибкой субъектной стратегии. В казахстанской же выборке сохраняется конкретичная, кластерная модель, где «Близкая поддержка (БП)» является системообразующим ядром, положительно связанным со всеми остальными стратегиями. Выявленная иерархия стратегий, где доминируют Близкая поддержка (БП) и Активное игнорирование (АИ) при сильной положительной связи между ними ($r=0,664$), свидетельствует о формировании «социально-эмоционального буфера». Данный феномен представляет собой единый адаптивный комплекс, в котором обращение к близким создает психологическую основу для тактического отступления, что развивает теорию сохранения ресурсов С. Хобфолла применительно к цифровой среде и подтверждает теоретическое положение о системном характере стратегий преодоления (параграф 1.2).

Культурный контекст является ключевым модулятором не только структуры, но и конкретных механизмов детерминации совладания. В дополнение к выявленным паттернам, новые результаты уточняют роль конкретных предикторов: Для российской выборки характерна «рационально-инструментальная» регуляция: стратегия «Формальной поддержки (ФП)» значимо детерминируется рациональным обоснованием лояльности ($\beta = 0.489$, $p = .009$), что подчеркивает осознанный выбор институциональных каналов помощи на основе когнитивного принятия групповых норм. Для казахстанской выборки выявлена уникальная роль пола как значимого предиктора для «Активного игнорирования (АИ)» ($\beta = 0.100$, $p = .040$) и «Формальной поддержки (ФП)» ($\beta = 0.100$, $p = .042$), что не наблюдалось в общей модели. Это указывает на более жесткую нормативную регламентацию гендерных ролей в выборе стратегий в коллективистском контексте. Кроме того, именно в казахстанской выборке рациональное обоснование Заботы проявило себя как протективный фактор, снижающий риск стать жертвой распространения личной информации ($\beta = -0.254$, $p <.001$), что верифицирует тезис о моральных основаниях как основе цифровой гигиены.

Гендерные различия имеют сложный, опосредованный культурой характер. Результаты опровергают упрощенные стереотипы: мальчики значимо чаще используют «Формальную поддержку (ФП)». Кроме того, в младшем подростковом возрасте (11-12 лет) именно мальчики демонстрируют более высокие показатели «Близкой поддержки (БП)» по сравнению со сверстницами. Это свидетельствует о проявлении «компенсаторной модели» в условиях нормативной эмоциональной сдержанности, когда юноши компенсируют дефицит эмоционального выражения за счет активного поиска поддержки в ближнем кругу. Трехфакторное взаимодействие (пол \times возраст \times страна) подтверждает, что культурные нормы действуют как «социальный фильтр», регулирующий проявление гендерных паттернов и доступ к ресурсам поддержки. Нелинейная динамика «Активного противостояния (АП)» — от импульсивного пика в 11 лет, через спад в 13-14 лет, к восстановлению в 15-17 годах — отражает качественное

преобразование структуры детерминант. На смену эмоционально-ситуативной регуляции в младшем подростковом возрасте приходит когнитивно-этическая детерминация в старшем, что свидетельствует о переходе к осознанной, инструментальной конфронтации, опосредованной когнитивным созреванием и внутренней системой ценностей. Эмпирически подтверждено, что в старшем возрасте (15-17 лет) стратегия «Активного противостояния (АП)» лишается прямых поведенческих предикторов (Модель 1, Таблица 3.18), становясь латентным, системным ресурсом, актуализируемым в ответ на неэффективность иных стратегий. Установлено, что распространение личной информации выступает мощным дезадаптивным фактором, который атакует ядро личности и подавляет базовые просоциальные стратегии «Близкой поддержки (БП)» и «Активного игнорирования (АИ)». Данный деструктивный эффект носит кросс-культурный универсальный характер, проявляясь как в общей модели ($\beta = -0.127$, $p < .001$ для АИ), так и в казахстанской выборке ($\beta = -0.187$, $p < .001$ для АИ). Это приводит к «сужению» поведенческого репертуара и повышает риск неадаптивных сценариев, особенно у мальчиков и в российской выборке. Рациональное обоснование Заботы выступило протективным ресурсом, способствующим выстраиванию информационной безопасности. Сложное взаимодействие рациональных и интуитивных компонентов морали (справедливость, лояльность) лежит в основе сложного оценочного процесса при выборе стратегии. Выявлен диссоциативный эффект для лояльности: ее рациональный компонент позитивно связан с ФП, в то время как интуитивный — негативно ($\beta = -0.444$, $p = 0.019$), что подтверждает теорию двойственного процесса в моральной психологии (Haidt, 2012) и демонстрирует, что именно рефлексивная, а не импульсивная мораль способствует адаптивному совладанию. Цифровой опыт оказывает нелинейное влияние, выступая как фактор риска (моральная десенситизация) и потенциальной компетентности. Выявлена значимая негативная связь опыта в качестве буллера с выбором стратегии «Активного противостояния (АП)» ($\beta = -0.115$, $p = 0.016$), что может интерпретироваться как проявление феномена «выученной беспомощности» или морального диссонанса у подростков, самих применявших

агрессию. Ключевым результатом работы стала апробация комплексной диагностической модели, основанной на адаптированной версии опросника CWCBQ и применении методов структурного моделирования (SEM). Данный методический инструментарий был применен для анализа стратегий преодоления кибербуллинга и позволил перейти от регистрации изолированных тактик к выявлению системных комплексов совладающего поведения, интегрированных в единый поведенческий конструкт. В ходе исследования была продемонстрирована конструктная валидность модели, ее чувствительность к немонотонным зависимостям, а также эффективность для кросс-культурного анализа, что выразилось в выявлении качественно различной архитектуры взаимосвязей стратегий в российском и казахстанском контекстах. Данная модель обладает высокой дифференциальной чувствительностью, выявляя не только общие системные законы, но и уникальные для каждого культурного контекста паттерны детерминации (структурная простота в РФ vs. системная конкретичность в РК).

Таким образом, проведенное исследование методом структурного моделирования уравнений (SEM) позволило осуществить полную эмпирическую верификацию исходной теоретической модели и статистически подтвердить основную гипотезу исследования. Полученные результаты не только доказали, что выбор стратегий преодоления кибербуллинга подростками представляет собой системный процесс, детерминированный комплексом социально-психологических факторов и модулируемый культурным контекстом, но и существенно обогатили модель новыми, содержательно значимыми результатами. Эти данные углубляют понимание кросс-культурных, гендерных и возрастных механизмов формирования совладающего поведения в условиях кибербуллинга, открывая новые перспективы для разработки дифференцированных психолого-педагогических интервенций.

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

Из результатов проведенного нами исследования, можно сделать следующие выводы:

- 1) Эмпирически подтверждена специфика стратегий преодоления кибербуллинга как феномена, акцентирующего проблему дезинтеграции пространственно-временных границ приватности и безопасности. Это проявляется в уникальной роли распространения личной информации как системного дезадаптивного фактора, который атакует ядро личности, подрывая базовое доверие к социальному миру и подавляя просоциальные стратегии Близкой поддержки (БП) и Активного игнорирования (АИ). Выявленная культурная специфика противопоставляет цифровую автономию (доминирующую в российском контексте) семейно-клановым ресурсам поддержки (характерным для казахстанского общества).
- 2) Адаптированный опросник CWCBQ подтвердил свою надежность и валидность для дифференциированной оценки четырех типов стратегий преодоления кибербуллинга у российских и казахстанских подростков. Психометрические характеристики демонстрируют конструктную валидность, кросс-культурную стабильность и дискриминантную чувствительность к половым и возрастным различиям.
- 3) Выраженность стратегий преодоления детерминирована доминирующим влиянием кросс-культурного контекста и половой дифференциации, что подтверждает их превосходство над возрастными факторами. Выявлены качественно различные паттерны: в российской выборке с акцентом на автономию наблюдается связь между Активным игнорированием (АИ) и Активным противостоянием (АП), выступающими фазами единой субъектной стратегии «сдерживающий удар». В казахстанской выборке с установками на социальную гармонию выявлена интегрированная структура, где Близкая поддержка (БП) положительно связана со всеми другими стратегиями, включая АП, что отражает санкционированность коллективом широкого репертуара реакций. Гендерная

дифференциация проявляется в универсальном противопоставлении «связанность–агентность»: мальчики демонстрируют более высокую выраженность инструментальных стратегий (Формальная поддержка, Активное противостояние), тогда как девочки чаще используют стратегии, связанные с поиском близкой поддержки (БП) и эмоциональной регуляцией.

4) Возрастная динамика стратегий носит нелинейный, скачкообразный характер, опосредованный культурным контекстом. Активное противостояние (АП) демонстрирует характерную динамику: от импульсивного пика в 11 лет, через спад в 13-14 годах, к восстановлению в 15-17 лет, что отражает переход от аффективных реакций к осознанной, инструментальной конфронтации, опосредованной когнитивным созреванием и внутренней системой ценностей. Обращение к дистальным советам (ФП) показывает пик в 12 лет с последующим снижением к 14 годам и восстановлением к 16-17 годам, что свидетельствует о сложной траектории формирования доверия к формальным институтам.

5) Вклад ключевых социально-психологических детерминант существенно опосредован нелинейными эффектами культурного контекста, возраста и цифрового опыта. Кибервиктимность, особенно распространение личной информации, выступает универсальным дезадаптивным фактором, приводящим к «сужению» репертуара совладания. Моральные основания демонстрируют сложную связь со стратегиями: Этика автономии является значимым предиктором Активного игнорирования (АИ) в российской выборке, раскрывая связь данной стратегии с ценностями личной свободы и независимости. Цифровой опыт оказывает нелинейное влияние, выступая как фактор риска (моральная десенситизация) и потенциальной компетентности.

6) Регрессионный и SEM-анализ выявил системный характер взаимосвязей между стратегиями преодоления. Все стратегии образуют тесно взаимосвязанный паттерн, что свидетельствует об их интеграции в единый поведенческий конструкт, а не о реализации изолированных тактик. Особого внимания заслуживает сильнейшая связь между АИ и БП ($\beta = 0.687$, $p < .001$), что отражает их глубокую

системную интеграцию и формирование «социально-эмоционального буфера» в адаптивном процессе.

7) Культурный контекст выступает ключевым модулятором структуры психологической детерминации. В российской выборке характерна когнитивно-этическая детерминация с акцентом на базовые этические ориентации («Этика автономии»), тогда как в казахстанской выборке доминирует социально-ситуативная детерминация с выраженной ролью пола и социальных последствий кибербуллинга.

8) Уточнена модель социально-психологических детерминант выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками (см. Рисунок 3.1.3), интегрирующая нелинейные модерационные эффекты культурного контекста, цифрового опыта и возраста. Модель демонстрирует отличное соответствие эмпирическим данным.

Таким образом, статистически доказано, что исходная теоретическая модель детерминации стратегий преодоления кибербуллинга была подтверждена и существенно уточнена. Эмпирически установлена системообразующая роль культурного контекста, опосредующего взаимосвязи между детерминантами и стратегиями: в России выявлена связь между активным игнорированием и активным противостоянием как элементами единой субъектной стратегии, тогда как в Казахстане обнаружена интеграция близкой поддержки в общий контекст преодоления кибербуллинга. Возрастная динамика стратегий носит нелинейный характер, демонстрируя переход от импульсивных реакций в младшем подростковом возрасте к рефлексивной регуляции в старшем. Универсальным дезадаптивным фактором выступает распространение личной информации, подавляющее базовые просоциальные стратегии, причем данный эффект опосредован цифровым опытом и моральными основаниями. Выявленные нелинейные модерационные эффекты культурного контекста, возраста и цифрового опыта открывают перспективы для разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения подростков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, интегрирующее теоретическое моделирование и эмпирическую верификацию, позволило разработать и аprobировать комплексную модель социально-психологических детерминант выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками РФ и РК. Предложенная модель продемонстрировала свою концептуальную новизну и практическую значимость, что нашло подтверждение в результатах эмпирического исследования.

На основании проведенного теоретического анализа современных исследований стратегий преодоления кибербуллинга подростками сформулирована комплексная теоретическая модель социально-психологических детерминант и модераторов выбора данных стратегий подростками РФ и РК. Данная модель, представленная концептуально на Рисунке 1, служит основой для его эмпирической верификации. В рамках исследования обоснован выбор термина «стратегии преодоления», что соответствует традициям отечественной психологической школы (Крюкова, 2008; Анцыферова, 1994), акцентирующей активность субъекта в конструировании осознанных, целенаправленных действий. Проведенный сравнительный анализ предложенной модели с классическими и современными подходами позволил выявить ее концептуальные отличия и научную новизну: в отличие от дихотомичной модели Лазаруса-Фолкман (Lazarus & Folkman, 1984), предлагаемая модель преодолевает ограниченность дихотомии «проблемно-ориентированный / эмоционально-ориентированный копинг» для цифровой среды. Через стратегии «Активное игнорирование (АИ)» и «Активное противостояние (АП)» раскрываются гибридные формы совладания, интегрирующие техническое действие и когнитивно-эмоциональную регуляцию, а эмпирически выявленная связь «Близкой поддержки (БП)» и АИ формирует новый адаптивный комплекс — «социально-эмоциональный буфер».

По сравнению с ресурсным подходом Хобфолла (Hobfoll, 1989), модель развивает идею о динамической трансформации ресурсов в цифровой среде, где ключевые ресурсы (например, БП) не просто расходуются, а создают новые

адаптивные комплексы. Модель также выявляет культурную специфику ресурсов, дифференцируя «интегрированный кол lectивизм» (РК) и «рефлексивный кол lectивизм» (РФ).

Уточнение модели BGCM (Barlett & Gentile, 2017) и подхода Стикки (Sticca et al., 2015) заключается в смещении фокуса с когнитивных механизмов автоматизации агрессии у буллеров на системные стратегии преодоления жертвы, дополненные морально-ценностными детерминантами. По сравнению с многомерным опросником Стикки (CWCQ), наша модель выявляет не изолированные тактики, а систему взаимосвязанных стратегий, образующих единый поведенческий конструкт, структура которого качественно различается в кросс-культурном контексте. Новизна предложенной классификации стратегий относительно рассмотренных типологий (Perren et al., 2012; Macháčková et al., 2013; Крюкова, 2008) заключается в акценте на специфически цифровые формы совладания, верифицированные методами структурного моделирования. АП и АИ операционализированы как осознанные действия с цифровыми инструментами и когнитивным дистанцированием, что точнее описывает поведение подростков в условиях стирания границ между онлайн- и офлайн-миром. Последующее эмпирическое исследование, основанное на применении комплекса адаптированных и оригинальных методик, подтвердило адекватность предложенной теоретической модели и позволило выявить системные кросс-культурные различия и сходства в выборе стратегий преодоления кибербуллинга подростками РФ и РК.

Анализ выявленных кросс-культурных различий в стратегиях преодоления кибербуллинга позволяет выйти за рамки констатации фактов и раскрыть глубинные социально-психологические механизмы, стоящие за наблюдаемыми паттернами. Ориентация российских подростков на «Формальную поддержку (ФП)» и гибкую комбинацию АИ с АП («сдерживающий удар») не является случайной. Она отражает специфическую экологию доверия в российском социуме, где исторически сложившаяся высокая дистанция власти и опыт институциональной нестабильности формируют установку на рациональный

расчет при выборе ресурсов помощи. В этих условиях обращение к педагогам или администраторам платформ становится не столько следствием веры в их абсолютную эффективность, сколько актом инструментального использования формальных институтов в ситуациях, когда личных ресурсов для противостояния цифровой агрессии недостаточно. Это согласуется с ресурсным подходом Хобфолла (1989) и трансактной моделью Лазаруса-Фолкмана (Lazarus & Folkman, 1984; Folkman, 2010), где выбор стратегии определяется субъективной оценкой доступных внешних ресурсов в контексте воспринимаемого стресса.

В то же время, наблюдаемую модель можно интерпретировать и через призму постсоветской трансформации приватности. Распад традиционных общественных институтов сопроводился ростом ценности личного автономного пространства. В этом контексте кибербуллинг воспринимается не только как акт агрессии, но и как вторжение в эту обретенную автономию. Стратегия «сдерживающего удара» (АИ+АП), таким образом, является не просто тактикой, а инструментом защиты границ цифрового «Я» от несанкционированного вмешательства, что перекликается с субъектно-деятельностным подходом, акцентирующим активность личности в конструировании стратегий. Альтернативное объяснение выявленной специфики может заключаться не столько в устойчивых культурных конфигурациях, сколько в разной скорости и направленности технологической адаптации социальных институтов в РФ и РК. Доминирование стратегии БП в Казахстане может быть связано не только с традиционным коллективизмом, но и с тем, что семейные и клановые структуры быстрее и эффективнее интегрировали цифровые каналы коммуникации и поддержки, став «цифровыми хабами» безопасности для подростка. В России же формальные институты (школа, государственные платформы) могли оказаться более ригидными, вынуждая подростков либо апеллировать к ним формально, не рассчитывая на реальную помочь, либо вырабатывать сугубо индивидуальные, «обходные» стратегии выживания в цифровой среде, что усилило роль личной агентности. Снижение использования формальной поддержки (ФП) с возрастом в РФ может быть следствием формирования внутреннего локуса контроля, развивающегося как

адаптивная реакция на фоне выученной беспомощности от неэффективности институтов. В РК, в рамках коллективистской парадигмы, ориентация на внешние ресурсы поддержки сохраняется (Крюкова, 2008). Таким образом, обнаруженные различия раскрывают более общий процесс: культура не определяет стратегии напрямую, а задает «правила игры», в рамках которых подростки, исходя из доступных технологических и социальных ресурсов, конструируют свои уникальные пути совладания с цифровыми угрозами. Российский паттерн отражает стратегию рационального выживания в среде с высокой неопределенностью и развитыми цифровыми компетенциями, казахстанский — стратегию опоры на устойчивые и адаптивные социальные сети в условиях большей стабильности традиционных структур. Это подчеркивает, что кросс-культурные различия лежат не в плоскости «лучше-хуже», а в плоскости разного качества и конфигурации социального капитала, которым располагают подростки в цифровую эпоху.

Ключевые кросс-культурные сходства:

Постепенный рост предпочтения стратегии **БП** с 11 до 17 лет и ее сохранение в статусе ключевой в обеих странах подчеркивает устойчивую значимость семьи как базового буфера стресса. Эта общая черта, возможно, коренится в универсальных механизмах привязанности, действующих в семейно-ориентированных культурах, и усиливается сходством постсоветской социальной реальности.

Схожая нелинейная возрастная динамика в использовании стратегий в РФ и РК (например, пик обращения к ФП в 12 лет) свидетельствует о наличии универсальных онтогенетических паттернов. Общность этой динамики может объясняться едиными закономерностями нейрокогнитивного и психосоциального развития в подростковом периоде, а также сходными вызовами цифровой социализации, требующими от подростков обеих стран мобилизации адаптационных ресурсов в кризисные точки развития.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о системном влиянии культурного контекста на выбор стратегий преодоления кибербуллинга находит подтверждение в эмпирических данных. Анализ позволил конкретизировать эту гипотезу, выявив:

- доминирующую опосредующую роль культуры, определяющую не только предпочтение конкретных стратегий, но и архитектуру их взаимосвязей;
- сходную нелинейность возрастной динамики, протекающую на фоне культурно-обусловленных различий, что указывает на сложное взаимодействие универсального и специфического в развитии совладающего поведения;
- устойчивую значимость БП как сквозного ресурса совладания, эффективность которого сохраняется в обеих культурах, несмотря на различия в реализации других стратегий.

Несмотря на концептуальную и эмпирическую состоятельность модели, интерпретация результатов исследования требует учета ряда *ограничений*. Поперечный дизайн не позволяет полноценно верифицировать выявленные нелинейные траектории развития. Требуется лонгитюдная проверка, включая многоуровневое моделирование. Самоотчетный характер данных о цифровом опыте (экранное время, платформы) потенциально ограничивает точность из-за отсутствия объективных метаданных платформ. Интеграция методов вычислительной социальной науки необходима для выявления возможных расхождений при низкой рефлексии. Культурная ограниченность выборки (русскоязычные городские школы РК) снижает репрезентативность для казахоязычной и сельской молодежи. Сравнительное этнопсихологическое исследование требуется для проверки обобщаемости.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением стратегий преодоления кибербуллинга с учетом выявленных культурных особенностей, динамики цифровой среды (новые платформы, формы агрессии), а также лонгитюдным анализом выявленных нелинейных траекторий.

Таким образом, представленная теоретическая модель и ее эмпирическая верификация не только синтезируют сильные стороны классических подходов, но и преодолевают их ограничения за счет учета кросс-культурного контекста, нелинейной возрастной динамики и специфики цифровой среды. Эмпирические данные подтвердили системное влияние культурного контекста, определяющего не только предпочтение конкретных стратегий, но и архитектуру их взаимосвязей, что

открывает перспективы для разработки дифференцированных программ психолого-педагогического сопровождения подростков РФ и РК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, Н. Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы / Н. Н. Авдеева // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 7–14. – DOI: 10.17759/jmfp.2017060201.
2. Авербух, Н. В. Связь между реакцией на наблюдалую травлю и опытом участия в кибербуллинге / Н. В. Авербух. – SciPress, 2025.
3. Андронникова, О. О. Кибербуллинг в подростковой среде: возрастные и гендерные аспекты / О. О. Андронникова // Психологическая наука и образование. – 2019. – № 4. – С. 88–95.
4. Андронникова, О. О. Онтогенетическая виктимность в цифровой среде: возрастные и гендерные аспекты / О. О. Андронникова. – Москва : Изд-во МГППУ, 2019. – 256 с.
5. Андронникова, О. О. Теоретический анализ основных современных теорий виктимизации, разработанных в рамках зарубежной науки / О. О. Андронникова // СибСкрипт. – 2015. – № 4-1 (64). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-osnovnyh-sovremennoy-teoriy-viktimizatsii-razrbotannyh-v-ramkah-zarubezhnoy-nauki> (дата обращения: 20.07.2024).
6. Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: Переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 1. – С. 7–14.
7. Балпесова, С. А. Медиация в системе образования / С. А. Балпесова, Г. У. Утемисова, Н. В. Кужанов, Ж. А. Майдангалиева, Д. Г. Саммерс // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2019. – № 1 (323). – С. 23–31.
8. Барановский, Н. А. Цифровая грамотность как фактор кибербезопасности подростков / Н. А. Барановский // Психология и право. – 2013. – № 4. – С. 45–59.
9. Бердышев, И. С. Медико-психологические последствия жестокого обращения / И. С. Бердышев, М. Г. Нечаева // Медицинская психология в России. – 2020. – Т. 12, № 6 (65). – С. 1–15. – DOI: 10.24411/2219-8245-2020-16065.
10. Блинова, О. В. Кибербуллинг в российской судебной практике: терминология и правовые лакуны / О. В. Блинова, М. С. Гурина // Вестник Московского Университета. Серия 11: Право. – 2023. – № 3. – С. 150–160.
11. Бовина, И. Б. Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза / И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков // PsyСтудия. – URL: <https://psy.su/feed/9957/> (дата обращения: 10.07.2024).
12. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Москва : Просвещение, 1968. – 464 с.

- 13.Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – Москва : Гардарики, 2003. – 477 с.
- 14.Бочавер, А. А. Кибербуллинг в подростковой среде: цифровые практики и психологические последствия / А. А. Бочавер // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 44–56. – DOI: 10.17759/pse.2020250305.
- 15.Бурменская, Г. В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития / Г. В. Бурменская // Вестник московского университета. – 2009. – № 4. – С. 17–32.
- 16.Великоцкая, А. М. Социальная ситуация развития подростка-правонарушителя / А. М. Великоцкая // Психологическая наука и образование. – 2014. – DOI: 10.17759/psyedu.2014060108.
- 17.Вихман, А. А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте / А. А. Вихман // Психология и право. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 94–106. – DOI: 10.17759/psylaw.2023130107.
- 18.Вихман, А. А. Связь кибервиктимности и критического мышления старших подростков и юношей в зависимости от их типичной роли в ситуации кибербуллинга / А. А. Вихман // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaz-kiberviktimnosti-i-kriticheskogo-myshleniya-starshih-podrostkov-i-yunoshey-v-zavisimosti-ot-ih-tipichnoy-roli-v-situatsii> (дата обращения: 20.07.2024).
- 19.Власова, Н. В. Психологические особенности лиц, склонных к кибервиктимному поведению / Н. В. Власова, Е. Л. Буслаева // Психология и право. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 194–206. – DOI: 10.17759/psylaw.2022120214.
- 20.Войсунский, А. Е. Психология интернет-коммуникации / А. Е. Войсунский. – Москва : Когито-Центр, 2020. – 320 с.
- 21.Воликова, С. В. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга / С. В. Воликова, Е. А. Калинкина // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23, № 4. – С. 138–161. – DOI: 10.17759/cpp.2015230409.
- 22.Воликова, С. В. Школьное насилие и суицидальное поведение детей и подростков / С. В. Воликова, А. В. Нифонтова, А. Б. Холмогорова // Вопросы психологии. – 2013. – № 2.
23. Волкова, Е. Н. Кибербуллинг как способ социального реагирования подростков на ситуацию буллинга / Е. Н. Волкова, И. В. Волкова // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 3 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbullying-kak-sposob-sotsialnogo-reagirovaniya-podrostkov-na-situatsiyu-bullinga> (дата обращения: 18.08.2025).
- 24.Волчецкая, Т. С. Криминологическая характеристика и профилактика школьных расстрелов и кибербуллинга в России и за рубежом / Т. С. Волчецкая, М. А. Авакян, Е. А. Осипова // Российский криминологический взгляд. – 2021. – Т. 15, № 5. – С. 578–591. – DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591.

25. Выготский ,Л. С. Проблемы развития психики / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Педагогика, 1983. – Т. 3. – С. 6–328.
26. Герберт Саймон и его концепция ограниченной рациональности // История древнего мира. – URL: <https://historyancient.ru/textbooks/gerbert-saimon-i-ego-koncepciya-ogranichennoi-racionalnosti/> (дата обращения: 30.03.2025).
27. Говорухина, Ю. А. Рецепция цифровых трендов в постсоветском культурном пространстве / Ю. А. Говорухина, Ч. Сюэ // Социологические исследования. – 2024. – № 5. – С. 45–59.
28. Дейнека, О. С. Кибербуллинг и виктимизация: обзор зарубежных публикаций / О. С. Дейнека, Л. Н. Духанина, А. А. Максименко // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 5 (47). – С. 273–292. – DOI: 10.32744/pse.2020.5.19.
29. Демина, Л. Д. Психическое здоровье и защитные механизмы личности : учебное пособие / Л. Д. Демина, И. А. Ральникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – URL: https://psyjournals.ru/files/27142/mmp_2000_n4_Demina.pdf (дата обращения: 12.07.2024).
30. Дети России онлайн 2020 : [веб-сайт]. – URL: <https://detionline.com> (дата обращения: 10.07.2024).
31. Дозорцева, Е. Г. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков / Е. Г. Дозорцева, Д. В. Кирюхина // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 1 (50). – С. 80–87.
32. Дополнительные материалы исследования [Видео] // Официальная страница журнала «Психология человека в образовании» в социальной сети «ВКонтакте». – URL: https://vk.com/wall-212838007_90 (дата обращения: 19.05.2025).
33. Дюркгейм Э. Правила социологического метода / Э. Дюркгейм. – Москва : АСТ, [б. г.]. – (Эксклюзивная классика).
34. Екимова, В. И. Предрасположенные факторы кибервиктимизации подростков: сравнительный анализ результатов исследований / В. И. Екимова, Е. Ю. Брыкова, А. Б. Козлова, А. В. Литвинова // Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 151–164. – DOI: 10.17759/jmfp.2024130314.
35. Жмуро, Д. В. Кибервиктимность как новая категория виктимологии постмодерна / Д. В. Жмуро // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberviktimnost-kak-novaya-kategoriya-viktimologii-postmoderna> (дата обращения: 07.08.2024).
36. Зинченко, В. П. Ценности в структуре сознания / В. П. Зинченко // Гуманитарный портал. – 2000. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6612> (дата обращения: 10.08.2025).
37. Зинченко, Т. П. Когнитивная и прикладная психология / Т. П. Зинченко. – Москва : МОДЭК, 2000. – 512 с.

38. Золотовицкий, Р. Социометрия Я.Л. Морено: мера общения / Р. Золотовицкий // Социологические исследования. – 2002. – № 4. – С. 103–113. – URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-04/Zolotovitsky.pdf>.
39. Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании. Круглый стол «Школьная травля и поведение взрослых: две стороны одной медали?» [Электронный ресурс]. – URL: <https://iite.unesco.org/tu/news/bulling-rybakov-fond-round-table/> (дата обращения: 01.04.2025).
40. Интернет-травля: что это такое и как с ней бороться (2019) [Электронный ресурс] // UNICEF. – URL: <https://www.unicef.org/kazakhstan/Новостные-заметки/интернет-травля-что-это-такое-и-как-с-ней-бороться> (дата обращения: 14.03.2019).
41. Карабанова, О. А. Цифровая социализация подростков: вызовы и риски / О. А. Карабанова // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 25–37.
42. Карапаш, И. С. Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков / И. С. Карапаш, И. Е. Куприянова, А. А. Кузнецова // Суицидология. – 2020. – № 1 (38). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-i-suitsidalnoe-povedenie-podrostkov> (дата обращения: 07.04.2025).
43. Кибербезопасность в образовании: последние тенденции и методы защиты (2025) // Securitylab. – URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/547323.php> (дата обращения: 01.04.2025).
44. Кибертумар. [Электронный ресурс] // Министерство просвещения Республики Казахстан. – 2024. – 20 июня. – URL: <https://www.gov.kz/memlekет/entities/edu/press/news/details/699737?lang=ru> (дата обращения: 10.07.2024). – Текст: электронный.
45. Колесников, В. Н. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте / В. Н. Колесников, Ю. И. Мельник, Л. И. Теплова // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-aktivnost-i-problemnoe-ispolzovanie-interneta-v-yunosheskom-vozraste> (дата обращения: 19.07.2024).
46. Коломинский Н. Л. Самооценка и уровень притязаний учащихся старших классов вспомогательной школы в учебной деятельности и межличностных отношениях : автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Н. Л. Коломинский. – Москва, 1972.
47. Кривцова, С. В. Школьный буллинг: об опыте исследований распространенности буллинга в школах Германии, Австрии, России / С. В. Кривцова, А. Н. Шапкина, А. А. Белевич // Образовательная политика. – 2016. – Т. 3, № 73. – С. 2–25.
48. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы / Т. Л. Крюкова // Вестник Костромского

- государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-sovladayuschego-povedeniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 10.07.2024).
49. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения / Т. Л. Крюкова. — Кострома : КГУ, 2010.
50. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: Современное состояние, проблемы и перспективы / Т. Л. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2008. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-sovladayuschego-povedeniya-sovremennoe-sostoyanie-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 01.04.2025).
51. Лаборатория Касперского. Взрослые и дети в интернете: аналитический отчет – 2023 / Лаборатория Касперского. — URL: https://kids.kaspersky.ru/article/vzroslye_i_deti_v_internete_analiticheskiy_otchet_2023 (дата обращения: 01.04.2025).
52. Ламажаа, Ч. К. Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии / Ч. К. Ламажаа // Новые исследования Тувы. — 2013. — № 3. — URL: <http://www.tuva.asia> (дата обращения: 12.05.2023).
53. Ларюэль, М. Клановая система в Казахстане: между традицией и модернизацией / М. Ларюэль // Вестник Евразии. — 2015. — № 3 (45). — С. 45–67.
54. Лебедева, Н. М. Кросс-культурная психология в России: традиции и вызовы цифровой эпохи / Н. М. Лебедева. — Москва : Институт психологии РАН, 2019. — 256 с.
55. Леонтьев, Д. А. Психология выбора в цифровую эпоху / Д. А. Леонтьев. — Москва : Наука, 2020. — 198 с.
56. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3528/3534> (дата обращения: 07.04.2025).
57. Мамбеталина, А. С. Психологический анализ образа буллеров глазами сокурсников / А. С. Мамбеталина, Г. У. Утемисова, Д. Г. Саммерс, А. А. Амангосов // Серия Психология и социология. — 2020. — № 4 (75). — С. 1–13.
58. Маслоу, А. Теория человеческой мотивации = A Theory of Human Motivation / А. Маслоу ; пер. с англ. — Москва : Директ-Медиа, 2020. — 28 с.
59. Меркульев, Д. В. Совладающее поведение личности: Обзор исследований / Д. В. Меркульев // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. — 2023. — № 1 (21). — С. 48–57.
60. Микляева, А. В. Цифровое общество и цифровая социализация: перспективы социально-психологических исследований / А. В. Микляева // Социальная психология и общество. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 5–11. — DOI: 10.17759/sps.2024150201.

- 61.Микляева, А. В. Выраженность интернет-зависимости у подростков, демонстрирующих различные траектории взросления: результаты сравнительного исследования / А. В. Микляева, С. А. Безгодова // Новые образовательные стратегии в современном информационном пространстве : сборник научных статей. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 234–239.
- 62.Мудрик, А. В. Детерминанты позитивных и негативных потенций, составляющих процесса социализации / А. В. Мудрик, Н. А. Патутина // Сибирский педагогический журнал. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-pozitivnyh-i-negativnyh-potentsiy-sostavlyayuschih-protsessa-sotsializatsii>.
- 63.Назаров В.Л Авербух Н. В. Традиционный буллинг и кибербуллинг: стратегии поведения наблюдателей / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух // Образование и наука. — 2023. — Т. 25. — № 9. — С. 80–117.
- 64.Назаров, В. Л. Традиционный буллинг и кибербуллинг: стратегии свидетелей / В. Л. Назаров, Н. В. Авербух // Образование и наука. – 2023. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnyy-bulling-i-kiberbulling-strategii-svideteley> (дата обращения: 08.04.2025).
- 65.Назханов, А. Б. Правовая защита несовершеннолетних от буллинга в цифровой среде / А. Б. Назханов. – URL: <https://ntp.kz/articles/pravovaja-zashchita-maloletnih-i-nesovershennoletnih-ot-bullinga/> (дата обращения: 01.01.2025).
- 66.Нартова-Бочавер, С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 5. – С. 20–30.
- 67.Наследов, А. Д. IBM SPSS STATISTICS 20 И AMOS: профессиональный статистический анализ данных / А. Д. Наследов. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 416 с.
- 68.Орн Ю. А. Исследование интерперсональной перцепции при помощи социометрического теста / Ю. А. Орн // Измерения в исследованиях проблем воспитания. – Тарту, 1973.
- 69.Поскребышева, Н. Н. Исследование личностной автономии подростка / Н. Н. Поскребышева, О. А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 4. – DOI: 10.11621/npj.2014.0404.
- 70.Поскребышева, Н. Н. Психологические аспекты автономии личности в цифровом пространстве / Н. Н. Поскребышева // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 5. – С. 45–56.
- 71.Проказина, Н. В. Коммуникативные практики молодежи в реальном и виртуальном пространствах / Н. В. Проказина // Наука. Культура. Общество. – 2023. – № 3. – DOI: 10.19181/пко.2023.29.3.3.
- 72.Проказина, Н. В. Цифровая идентичность подростков: риски и возможности / Н. В. Проказина // Вопросы психологии. – 2021. – Т. 67, № 3. – С. 78–89.

73. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 624 с.
74. Рассказова, Е. И. Цифровое переутомление: психологические эффекты гиперподключенности / Е. И. Рассказова, Д. А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2021. – № 5. – С. 78–89.
75. Рациональность как процесс и продукт мышления // Гуманитарный портал «GTMarket». – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/464> (дата обращения: 30.03.2025).
76. Реан, А. А. Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: анализ мирового опыта / А. А. Реан [и др.]. – Санкт-Петербург : КОСТА, 2021. – 296 с.
77. Реан, А. А. Цифровая социализация и традиционные ценности / А. А. Реан [и др.]. – Москва : Наука, 2023. – 210 с.
78. Рогач, О. В. Анализ влияния социальных сетей на подростков / О. В. Рогач, Е. В. Фролова. – Москва : Финансовый университет, 2021.
79. Руденский, А. В. Медиационная трансформация коммуникативных практик в подростковой среде / А. В. Руденский. – Москва : Изд-во МПГУ, 2013. – 180 с.
80. Руденский, Е. В. Виктимогенный механизм социализации развивающейся личности в педагогическом общении / Е. В. Руденский, Ю. Е. Руденская // СибПСИ. – 2001. – С. 12–16.
81. Руденский, Е. В. Психология виктимного поведения / Е. В. Руденский, О. Е. Руденская. – Новосибирск : НГПУ, 2001. – 218 с.
82. Сапоровская, М. В. Межпоколенная трансгенерация копинг-стратегий в семье / М. В. Сапоровская // Вопросы психологии. – 2010. – № 4. – С. 185–190.
83. Сафонова, Е. А. Исследование неблагоприятного детского опыта / Е. А. Сафонова, Е. А. Бирюна, Е. М. Евсеенко // Мир педагогики и психологии. – 2023. – № 11 (88). – URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/issledovanie-neblagopriyatnogo-detskogo-opyta.html> (дата обращения: 10.08.2025).
84. Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга / И. М. Сеченов. – Москва : Изд-во АМН СССР, 1952. – 176 с.
85. Сирота, Н. А. Копинг-поведение в подростковом возрасте и профилактика его аддиктивного варианта / Н. А. Сирота // Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация. – 2010.
86. Собкин, В. С. Подросток и поведенческие риски: к вопросу о буллинге / В. С. Собкин, Е. А. Калашникова // Практики развития: образовательные парадигмы и практики в ситуации смены технологического уклада : материалы 27-й научно-практической конференции (Красноярск, ноябрь 2020 г.). – Красноярск, 2021. – С. 54–65.
87. Солдатова, Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войскунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431–450. – DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.

88. Солдатова, Г. У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики / Г. У. Солдатова, А. Е. Войсунский // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 431–450. – DOI: 10.17323/1813-8918-2021-3-431-450.
89. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация подростков: риски и копинг-стратегии / Г. У. Солдатова. – Москва : Смысл, 2018. – 320 с.
90. Солдатова, Г. У. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова // Социальная психология и общество. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 11–30. – DOI: 10.17759/sps.2023140302.
91. Солдатова, Г. У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2019. – 200 с. – ISBN 978-5-9907634-6-9.
92. Солдатова, Г. У. Цифровое поколение России: риски и ресурсы / Г. У. Солдатова, А. Н. Ярмина // Психологическая наука и образование. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 15–28.
93. Сочивко Д. В. Интрапсихическая структура «интернет-личности» обучающихся / Д. В. Сочивко, Е. Е. Гаврина, Т. А. Симакова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – № 5. – С. 62–70.
94. Сочивко, Д. В. Методология и методика исследования интрапсихической структуры «интернет-личности» обучающегося высшей школы / Д. В. Сочивко, Е. Е. Гаврина, Т. А. Симакова // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2020. – № 5. – С. 62–70. – DOI: 10.17805/trudy.2020.5.
95. Сочивко, Д. В. Методология исследования «интернет-личности» / Д. В. Сочивко [и др.] // Научные труды МосГУ. – 2020. – DOI: 10.17805/trudy.2020.5.
96. Стейнберг, Л. A Dual Systems Model of Adolescent Risk-taking / L. Steinberg // Developmental Psychobiology. – 2010. – Vol. 52, № 3. – P. 216–224. – DOI: 10.1002/dev.20445.
97. Стейнберг, Л. Age of Opportunity: Lessons from the New Science of Adolescence / L. Steinberg. – Boston, MA : Eamon Dolan/Houghton Mifflin Harcourt, 2014. – 274 p. – ISBN 978-0544279773.
98. Сычев, А. А. Адаптация опросника Moral Foundations Questionnaire (MFQ) на российской выборке / А. А. Сычев // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 3. – С. 89–102.
99. Сычев, А. А. Культурные особенности моральных суждений в цифровой среде / О. А. Сычев, М. В. Григорьева // Экспериментальная психология. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 89–104.
100. Триандис, Г. К. Культура и социальное поведение / Г. К. Триандис. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 320 с.
101. Удалов, А. Н. Профилактика агрессивного поведения подростков посредством психологического тренинга / А. Н. Удалов // Вестник

- практической психологии образования. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 68–73. – DOI: 10.17759/bppe.2019160303.
102. Утемисова, Г. У. «Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга»: структура и первичные психометрические характеристики / Г. У. Утемисова // Психология человека в образовании. – 2024. – Т. 6, № 3. – С. 362–383. – DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-3-362-383.
103. Утемисова, Г. У. Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга: Первичные психометрические характеристики / Г. У. Утемисова // VII Международная научно-практическая конференция Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2024. – С. 7. – DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2024-7.
104. Фельдштейн, Д. И. Современное Детство: проблемы и пути их решения / Д. И. Фельдштейн // Вестник практической психологии образования. – 2009. – Т. 6, № 2. – С. 28–32. – URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2009_n2/28199 (дата обращения: 24.08.2024).
105. Филиппова, С. А. Social portrait of the psychological well-being of student youth / S. A. Filippova // Pedagogical Review. – 2023.
106. Хазова, С. А. Совладающее поведение подростков из интернатов: Ресурсы и дефициты / С. А. Хазова // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 3. – С. 45–52.
107. Хломов, К. Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов, А. А. Бочавер // Психология и право. — 2019. — Т. 9, № 2. — С. 276–295. — DOI: 10.17759/psylaw.2019090219.
108. Хломов, К. Д. Гендерные аспекты онлайн-рисков: эмпирическое исследование подростков / К. Д. Хломов, А. А. Бочавер, Н. В. Дворянчиков // Социальная психология и общество. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 123–140. – DOI: 10.17759/sps.2022130110.
109. Хломов, К. Д. Кибербуллинг в опыте российских подростков / К. Д. Хломов, Д. Г. Давыдов, А. А. Бочавер // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 2. – С. 276–295.
110. Хофтеде, Г. Культурные последствия: Международные различия в трудовых ценностях: Сокращ. изд. / Г. Хофтеде. – Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 1984. – 327 с. – ISBN 0803913060.
111. Христенко, В. Е. Психология поведения жертвы : учебное пособие / В. Е. Христенко. – 2004.
112. Христенко, Е. В. Виктимологическая профилактика агрессии / Е. В. Христенко // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 4 (12). – С. 87–93.
113. Шевцова, Ю. А. Психолого-педагогические детерминанты формирования гендерной идентичности подростков : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Ю. А. Шевцова. – Брянск, 2011. –

250 с. – URL: <https://rrpedagogy.ru/journal/article/1858/> (дата обращения: 24.08.2024).

114. Шибкова, Д. З. Влияние цифровых обучающих технологий на функциональные и психофизиологические реакции организма: аналитический обзор литературы / Д. З. Шибкова, П. А. Байгужин, А. Д. Герасев, Р. И. Айзман // Science for Education Today. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 125–141. – DOI: 10.15293/2658-6762.2103.07.
115. Шорохова, В. А. Взаимосвязь ценностей и религиозной идентичности у школьников буддистского вероисповедания / В. А. Шорохова, О. Е. Хухлаев, С. Б. Дагбаева // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12, № 1. – С. 66–75. – DOI: 10.17759/chp.2016120107.
116. Ярошевский, М. Г. О внешней и внутренней мотивации научного творчества / М. Г. Ярошевский // Проблемы научного творчества в современной психологии / под ред. М. Г. Ярошевского. – Москва : Наука, 1971. – С. 204–224.
117. Ярошевский, М. Г. Проблемы детерминизма в психофизиологии XIX в. / М. Г. Ярошевский. – 1961.
118. Aboujaoude, E. Cyberbullying: Review of an old problem gone viral / E. Aboujaoude, M. W. Savage, V. Stareevic, W. O. Salame // Journal of Adolescent Health. – 2015. – Vol. 57. – № 1. – P. 10–18.
119. Adler, P. Peer Power: Preadolescent Culture and Identity / P. Adler, P. Adler. – New Brunswick, NJ : Rutgers University Press, 1998. – 272 p. – ISBN 9780813524603.
120. Agustina, J. R. Understanding cyber victimization: Digital architectures and the disinhibition effect / J. R. Agustina // International Journal of Cyber Criminology. – 2015. – Vol. 9. – № 1. – P. 35–54.
121. Ahlenius, H. Cultural Patterns in Moral Judgments: East-West Differences in Utilitarian Choices / H. Ahlenius, T. Tännsjö // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2012. – DOI: 10.1177/0022022111430255.
122. Albikawi, Z. Anxiety, Depression, Self-Esteem, Internet Addiction and Predictors of Cyberbullying and Cybervictimization among Female Nursing University Students / Z. Albikawi // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2023. – Vol. 20. – № 5. – P. 4123.
123. Aldao, A. Adaptive and maladaptive emotion regulation strategies: Interactive effects during CBT for social anxiety disorder / A. Aldao, H. Jazaieri, P. R. Goldin, J. J. Gross // Journal of Anxiety Disorders. – 2014. – Vol. 28. – № 3. – P. 382–389. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2014.03.005> (дата обращения: 10.07.2024). – Текст: электронный.
124. Alimzhanova, G. Family Networks and Adolescent Coping Strategies in Post-Soviet Kazakhstan / G. Alimzhanova // Central Asian Journal of Sociology. – 2019. – Vol. 8. – № 2. – P. 112–130.

125. Almquist, Y. Childhood social status in society and school: implications for the transition to higher levels of education / Y. Almquist, B. Modin, V. Östberg // British Journal of Sociology of Education. – 2009. – Vol. 31. – № 1. – P. 31–45. – URL: <https://doi.org/10.1080/01425690903385352> (дата обращения: 10.07.2024). – Текст: электронный.
126. Anderson, M. Teens, Social Media & Technology 2018 / M. Anderson, J. Jiang // Pew Research Center. – 2018. – URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 10.07.2024). – Текст: электронный.
127. Ang, R. P. Adolescent Cyberbullying: A Review of Characteristics, Prevention and Intervention Strategies / R. P. Ang // Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 25. – P. 35–42.
128. Ang, R. P. Cyberbullying among adolescents: The role of affective and cognitive empathy, and gender / R. P. Ang, D. H. Goh // Child Psychiatry & Human Development. – 2010. – Vol. 41. – № 4. – P. 387–397.
129. Anti-Defamation League. Best practices for responding to cyberhate. – New York : ADL, 2014
130. Anti-Defamation League. Responding to Cyberhate: Progress and Trends. – New York : ADL, 2016.
131. Antoniadou, N. Cyber and school bullying: Same or different phenomena? / N. Antoniadou, C. M. Kokkinos // Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 25. – P. 363–372. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2015.09.013> (дата обращения: 10.07.2024).
132. Antoniadou, N. Possible common correlates between bullying and cyber-bullying among adolescents / N. Antoniadou, C. M. Kokkinos, A. Markos // Psicología Educativa. – 2016. – Vol. 22. – № 1. – P. 27–38.
133. Antoniadou, N. Traditional and cyber bullying/victimization among adolescents: Examining their psychosocial profile through latent profile analysis / N. Antoniadou, C. M. Kokkinos, K. A. Fanti // International Journal of Bullying Prevention. – 2019. – Vol. 1. – P. 85–98. – URL: <https://doi.org/10.1007/s42380-019-00010-0> (дата обращения: 10.07.2024).
134. Aparisi, D. Adaptation to the digital environment: A structural model of cybervictimization = Адаптация к цифровой среде: структурная модель кибервиктимизации / D. Aparisi, B. Delgado, J. M. García-Fernández // Journal of Cyberpsychology and Digital Socialization. – 2024. – Vol. 12. – № 3. – P. 45–67.
135. Aricak, T. Cyberbullying among Turkish adolescents / T. Aricak, S. Siyahhan, A. Uzunhasanoglu [et al.] // CyberPsychology & Behavior. – 2008. – Vol. 11. – № 3. – P. 253–261. – URL: <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0016> (дата обращения: 10.07.2024).
136. Armstrong, M. Coping strategies in adolescent cyberbullying: A cross-cultural perspective / M. Armstrong, A. Kuo, K. Anderson // Journal of Youth Studies. – 2019. – Vol. 22. – № 7. – P. 893–910. – URL: <https://doi.org/10.1080/13676261.2018.1562165> (дата обращения: 10.07.2024).

137. Armstrong, R. A. When to use the Bonferroni correction / R. A. Armstrong // Ophthalmic and Physiological Optics. – 2014. – Vol. 34. – № 5. – P. 502–508
138. Arnett 23. Arnett, J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties / J. J. Arnett // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55. – № 5. – P. 469–480. – URL: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.55.5.469> (дата обращения: 10.07.2024).
139. Arnett, J. J. Does emerging adulthood theory apply across social classes? National data on a persistent question / J. J. Arnett // Emerging Adulthood. – 2016. – Vol. 4. – № 4. – P. 227–235.
140. Asici, E. Development of the adolescent forgiveness scale / E. Asici, R. Karaca // Journal of Psychologists and Counsellors in Schools. – 2018. – Vol. 28. – № 2. – P. 189–202. – URL: <https://doi.org/10.1017/jgc.2018.11> (дата обращения: 10.07.2024).
141. Asici, E. Forgiveness Scale for Adolescents: Validity and Reliability Study / E. Asici, R. Karaca // Journal of Child and Family Studies. – 2018. – Vol. 27. – P. 337–348.
142. Assylbekova, M. A critical review of anti-bullying strategies: Analyzing survey results across regions / M. Assylbekova, K. Atemova, G. Utemissova [et al.] // Evolutionary Studies in Imaginative Culture. – 2024. – P. 404–413. – URL: <https://doi.org/10.70082/esiculture.vi.1050> (дата обращения: 10.07.2024).
143. Assylbekova, M. Experience in the Prevention of Cyberbullying and Cybervictimization: structure and primary psychometric characteristics / M. Assylbekova, B. Somzhurek, P. Seitkazy [et al.] // Educational Administration: Theory and Practice. – 2024. – (В печати).
144. Axford, N. Effective Prevention and Intervention Strategies / N. Axford [et al.] // Journal of Children’s Services. – 2015. – Vol. 10. – № 3. – P. 242–259.
145. Bakshy, E. Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook / E. Bakshy, S. Messing, L. A. Adamic // Science. – 2015. – Vol. 348. – № 6239. – P. 1130–1132.
146. Balcombe, L. Ethical AI and cyberbullying detection: Challenges in algorithmic moderation / L. Balcombe, D. De Leo // Computers in Human Behavior. – 2023. – Vol. 141. – Art. 107621.
147. Bandura, A. Imitation of film-mediated aggressive models / A. Bandura, D. Ross, S. A. Ross // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – Vol. 66. – № 1. – P. 3–11.
148. Bandura, A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory / A. Bandura. – Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1986. – 617 p.
149. Barcaccia, B. Bullying and the detrimental role of unforgiveness in adolescents’ wellbeing / B. Barcaccia, B. Schneider, S. Pallini, R. Baiocco // Psicothema. – 2017. – Vol. 29. – № 2. – P. 217–222. – URL: <https://doi.org/10.7334/psicothema2016.251> (дата обращения: 10.07.2024).

150. Barlett, C. P. A meta-analysis of sex differences in cyber-bullying behavior: the moderating role of age / C. P. Barlett, S. M. Coyne // Aggressive Behavior. – 2014. – Vol. 40. – № 5. – P. 474–488.
151. Barlett, C. P. Cyberbullying as a learned behavior: Theoretical and applied implications / C. P. Barlett // Children. – 2023. – Vol. 10. – № 2. – P. 325.
152. Barlett, C. P. Cyberbullying perpetration: The role of aggression and the General Learning Model / C. P. Barlett, D. A. Kowalewski // Journal of Interpersonal Violence. – 2019. – Vol. 34. – № 5. – P. 935–959.
153. Barlett, C. P. Predicting cyberbullying from anonymity / C. P. Barlett, D. A. Gentile, C. Chew // Psychology of Popular Media Culture. – 2017. – Vol. 6. – № 2. – P. 171–180.
154. Barlett, C. P. Predicting cyberbullying from anonymity / C. P. Barlett [et al.] // Psychology of Violence. – 2019. – Vol. 9. – № 1. – P. 1–12. – URL: <https://doi.org/10.1037/vio0000145> (дата обращения: 10.07.2024).
155. Barlett, C. P. You are Not My Real Friend! Online Hostility as a Function of Anonymity and Gender / C. P. Barlett, J. B. Heath, C. S. Madison // Computers in Human Behavior. – 2019. – Vol. 90. – P. 1–7.
156. Baron-Cohen, S. The Autism-Spectrum Quotient (AQ): Evidence from Asperger Syndrome/High-Functioning Autism, Males and Females, Scientists and Mathematicians / S. Baron-Cohen, S. Wheelwright, R. Skinner, J. Martin, E. Clubley // Journal of Autism and Developmental Disorders. – 2003. – Vol. 31. – № 1. – P. 5–17. – DOI: 10.1023/A:1005653411471.
157. Baumeister, R. F. How emotion shapes behavior: feedback, anticipation, and reflection, rather than direct causation / R. F. Baumeister, K. D. Vohs, C. N. DeWall, L. Zhang // Personality and Social Psychology Review. – 2007. – Vol. 11. – № 2. – P. 167–203.
158. Bedrosova, M. Cybervictimization and Well-Being among Adolescents: A Meta-Analysis / M. Bedrosova [et al.] // Computers in Human Behavior. – 2022. – Vol. 136. – Art. 107400.
159. Bedrosova, M. The relation between the cyberhate and cyberbullying experiences of adolescents in the Czech Republic, Poland, and Slovakia / M. Bedrosova, H. Macháčková, J. Šerek, D. Šmahel, C. Blaya // Computers in Human Behavior. – 2022. – Vol. 126. – Art. 107013. – DOI: 10.1016/j.chb.2021.107013.
160. Bekiros, S. A new buffering theory of social support and psychological stress / S. Bekiros, H. Jahanshahi, J. M. Munoz-Pacheco // PLoS One. – 2022. – Vol. 17. – № 10. – Art. e0275364. – DOI: 10.1371/journal.pone.0275364.
161. Bhadra, S. Impact of Social Media on Forming Individual's Prosocial Behavior and Related Challenges among Youths in College / S. Bhadra, S. Kumar // Indian Journal of Social Psychiatry. – 2023. – Vol. 39. – № 2. – P. 153–161. – DOI: 10.4103/ijsp.ijsp_309_20.
162. Biggs, B. K. Peer victimization trajectories and their association with children's affect in late elementary school / B. K. Biggs, E. M. Vernberg, T. D. Little, E. J. Dill,

- P. Fonagy, S. W. Twemlow // International Journal of Behavioral Development. – 2017. – Vol. 41. – № 4. – P. 491–502. – DOI: 10.1177/0165025417690235.
163. Bilekli, I. Mental contamination: The effects of religiosity / I. Bilekli, M. Inozu // Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. – 2018. – Vol. 58. – P. 43–50.
164. BilimLand. В Казахстане стартовала информационно-образовательная кампания «Кибер тумар»: Защитим детей в цифровой среде [Электронный ресурс]. – URL: <https://bilimland.com/ru/news-articles/news/v-kazaxstane-startovala-informacionno-obrazovatelnaya-kampaniya-kiber-tumar-zashhitim-detei-v-cifrovoi-srede> (дата обращения: 01.04.2025).
165. Bishop, J. The effect of de-individuation of the Internet troller on criminal procedure implementation: An interview with a hater / J. Bishop // International Journal of Cyber Criminology. – 2013. – Vol. 7. – № 1. – P. 28–48.
166. Blakemore, S.-J. Is adolescence a sensitive period for sociocultural processing? / S.-J. Blakemore, K. L. Mills // Annual Review of Psychology. – 2014. – Vol. 65. – P. 187–207. – DOI: 10.1146/annurev-psych-010213-115202.
167. Borka Balas, R. Cyberbullying in teenagers – a true burden in the era of online socialization / R. Borka Balas, L. E. Meliç, D. Sarkozi // Medicine. – 2023. – Vol. 102. – № 4. – P. e33612.
168. Boyd, D. It's Complicated: The Social Lives of Networked Teens / D. Boyd. – New Haven : Yale University Press, 2014. – 281 p.
169. Brady, W. J. Emotion shapes the diffusion of moralized content in social networks / W. J. Brady, K. McLoughlin, T. N. Doan [et al.] // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 117. – № 28. – P. 1053–1059. – DOI: 10.1073/pnas.2002404117.
170. Brewer, G. Cyberbullying, self-esteem, empathy and loneliness / G. Brewer, J. Kerslake // Computers in Human Behavior. – 2015. – Vol. 48. – P. 255–260.
171. Bronfenbrenner, U. Environments in developmental perspective: Theoretical and operational models / U. Bronfenbrenner // Measuring environment across the life span / Eds. S. L. Friedman, T. D. Wachs. – Washington, DC : American Psychological Association, 1999. – P. 3–28.
172. Buckels, E. E. Trolls just want to have fun / E. E. Buckels, P. D. Trapnell, D. L. Paulhus // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 67. – P. 97–102.
173. Burgoon, J. K. Expectancy violations theory / J. K. Burgoon // The International Encyclopedia of Interpersonal Communication / Eds. C. R. Berger, M. E. Roloff. – Hoboken : Wiley Blackwell, 2015. – P. 1–9.
174. Camacho, A. Joint trajectories of cyberbullying perpetration and victimization: Associations with psychosocial adjustment / A. Camacho, P. Smith, R. Ortega-Ruiz [et al.] // Computers in Human Behavior. – 2023. – Vol. 148. – Art. 107924.
175. Camerini, A. Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies / A. Camerini, L. Marciano,

- A. Carrara [et al.] // Telematics and Informatics. – 2020. – Vol. 49. – Art. 101362. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2020.101362> (дата обращения: 10.07.2024).
176. Camino-Gaztambide, A. Religion and Spirituality: Why and How to Address It in Clinical Practice / A. Camino-Gaztambide, L. R. Fortuna, M. L. Stuber // Child and Adolescent Psychiatric Clinics of North America. – 2022. – Vol. 31. – № 4. – P. 615–630.
177. Campbell, M. A. Cyber bullying an old problem in a new guise? / M. A. Campbell // Australian Journal of Guidance and Counselling. – 2005. – Vol. 15. – № 1. – P. 68–76. – URL: <https://doi.org/10.1375/ajgc.15.1.68> (дата обращения: 10.07.2024).
178. Cannon, W. B. The Wisdom of the Body / W. B. Cannon. – New York : W.W. Norton & Co., 1932. – 312 p.
179. Carlo, G. The Protective Role of Prosocial Behaviors on Antisocial Behavior / G. Carlo, M. V. Mestre, M. McGinley [et al.] // Child Development. – 2016. – Vol. 87. – № 4. – P. 1155–1167. – DOI: 10.1111/cdev.12534.
180. Carver, C. S. You want to measure coping but your protocol's too long: Consider the Brief COPE / C. S. Carver // International Journal of Behavioral Medicine. – 1997. – Vol. 4. – № 1. – P. 92–100. – DOI: 10.1207/s15327558ijbm0401_6.
181. Casey, B. J. The Adolescent Brain / B. J. Casey, R. M. Jones, T. A. Hare // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2008. – Vol. 1124. – № 1. – P. 111–126. – DOI: 10.1196/annals.1440.010.
182. Chan, H. C. Coping with cyberbullying victimization: An exploratory study of Chinese adolescents in Hong Kong / H. C. Chan, D. S. Wong // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2017. – Vol. 50. – P. 71–82. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2017.06.001> (дата обращения: 10.07.2024).
183. Chan, J. The Internet and Racial Hate Crime: Offline Spillovers from Online Access / J. Chan, A. Ghose, R. C. Seamans. – Rochester : SSRN, 2015. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2669569> (дата обращения: 10.07.2024).
184. Chang, Hung C. Problematic Internet Use / Hung C. Chang. – Singapore : National Addictions Management Service, 2012. – 7 p.
185. Chen L, L. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization / L. Chen, S. S. Ho, M. O. Lwin // New Media & Society. – 2021. – Vol. 23. – № 6. – P. 1–24.
186. Chen, J. Religious practices and health outcomes: A review of the literature / J. Chen, T. J. VanderWeele // American Journal of Epidemiology. – 2018. – Vol. 187. – № 11. – P. 2355–2364. – DOI: 10.1093/aje/kwy194.
187. Cheung, G. W. Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance / G. W. Cheung, R. B. Rensvold // Structural Equation Modeling. – 2002. – Vol. 9. – № 2. – P. 233–255.
188. Chiu, C.-Y. Social psychology of culture / C.-Y. Chiu, Y. Hong. – New York : Psychology Press, 2006. – 402 p. – DOI: 10.4324/9781315782997.

189. Chua, L. N. Avoidance coping and suicidal ideation among cyberbullying victims / L. N. Chua, R. P. Ang, A. Wong // Journal of Adolescence. – 2018. – Vol. 65. – P. 129–138. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2018.03.009> (дата обращения: 10.07.2024).
190. Chun, J. An international systematic review of cyberbullying measurements / J. Chun, J. Lee, J. Kim [et al.] // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 113. – Art. 106485. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2020.106485> (дата обращения: 10.07.2024).
191. Cohen, J. Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences / J. Cohen. – 2nd ed. – New York : Routledge, 1988. – 567 p.
192. Cohen, S. Stress, social support, and the buffering hypothesis / S. Cohen, T. A. Wills // Psychological Bulletin. – 1985. – Vol. 98. – № 2. – P. 310–357.
193. Coie, J. D. Multiple sources of data on social behavior and social status / J. D. Coie, K. A. Dodge // Child Development. – 1988. – Vol. 59. – № 3. – P. 815–829.
194. Colella, G. Problematic Social Media Use and Moral Disorientation in Cyberbullying Dynamics / G. Colella, A. Palermiti, M. Bartolo [et al.] // Cyberpsychology Review. – 2024. – Vol. 15. – № 1. – P. 112–130.
195. Collins, W. A. Adolescent development in interpersonal context / W. A. Collins, L. Steinberg // Handbook of child psychology / eds. W. Damon, R. M. Lerner. – 6th ed. – Hoboken : Wiley, 2007. – Vol. 3. – P. 1003–1067.
196. Copeland, E. P. Differences in young adolescents' coping strategies based on gender and ethnicity / E. P. Copeland, R. S. Hess // Journal of Early Adolescence. – 1995. – Vol. 15. – № 2. – P. 203–219. – DOI: 10.1177/0272431695015002004.
197. Cornish, D. B. Opportunities, Precipitators and Criminal Decisions: A Reply to Wortley's Critique of Situational Crime Prevention / D. B. Cornish, R. V. Clarke // Crime Prevention Studies. – 2003. – Vol. 16. – P. 41–96.
198. Crick, N. R. Relational aggression, gender, and social-psychological adjustment / N. R. Crick, J. K. Grotjeter // Child Development. – 1995. – Vol. 66. – № 3. – P. 710–722.
199. Cronbach, L. J. Coefficient alpha and the internal structure of tests / L. J. Cronbach // Psychometrika. – 1951. – Vol. 16. – № 3. – P. 297–334.
200. Crone, E. A. Understanding adolescence as a period of social-affective engagement and goal flexibility / E. A. Crone, R. E. Dahl // Nature Reviews Neuroscience. – 2012. – Vol. 13. – № 9. – P. 636–650. – DOI: 10.1038/nrn3313.
201. Cyberbullying: An analysis of data from the Health Behaviour in School-Aged Children (HBSC) survey for England, 2014. – London : APS UK, 2014. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/621070/HealthBehaviour_in_school_age_children_cyberbullying.pdf (дата обращения: 10.07.2024).
202. Darwin, C. On the Origin of Species by Means of Natural Selection / C. Darwin. – London : John Murray, 1859. – 502 p.

203. Deci, E. L. The "What" and "Why" of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior / E. L. Deci, R. M. Ryan // Psychological Inquiry. – 2000. – Vol. 11. – № 4. – P. 227–268.
204. Dehue, F. Cyberbullying: Youngsters' Experiences and Parental Perception / F. Dehue, C. A. Bolman, T. Völlink // Cyberpsychology & Behavior. – 2008. – Vol. 11. – № 2. – P. 217–223.
205. Deineka, O. S. Cyberbullying and victimization: A review of foreign publications / O. S. Deineka, L. N. Dukhanina, A. A. Maksimenko // Perspectives of Science and Education. – 2020. – Vol. 5. – № 47. – P. 273–292. – URL: <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.19> (дата обращения: 10.07.2024).
206. Del Rey, R. Bullying and cyberbullying: Overlapping and predictive value of the co-occurrence / R. Del Rey, P. Elipe, R. Ortega-Ruiz // Psicothema. – 2012. – Vol. 24. – № 4. – P. 608–613.
207. DeSmet, A. Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents / A. DeSmet, S. Bastiaensens, K. V. Cleemput [et al.] // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 57. – P. 398–415.
208. Dillman, D. A. Internet, phone, mail, and mixed-mode surveys: The tailored design method / D. A. Dillman, J. D. Smyth, L. M. Christian. – 4th ed. – Hoboken, NJ : Wiley, 2014. – 528 p.
209. Dilmac, B. Psychological needs as a predictor of cyber bullying: A preliminary report on college students / B. Dilmac // Kuram Ve Uygulamada Egitim Bilimleri. – 2009. – Vol. 9. – № 3. – P. 1307–1325.
210. Ding, Y. Profiles of adolescent traditional and cyber bullying and victimization: The role of demographic, individual, family, school, and peer factors / Y. Ding, D. Li, X. Li [et al.] // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 111. – Art. 106439. – DOI: 10.1016/j.chb.2020.106439.
211. Doane, A. N. Predictors of cyberbullying perpetration among college students: An application of the Theory of Planned Behavior / A. N. Doane, M. R. Pearson, M. L. Kelley // Psychology of Violence. – 2014. – Vol. 4. – № 1. – P. 109–118. – DOI: 10.1037/a0033475
212. Dodel, M. Cyber-victimization preventive behavior: A health belief model approach / M. Dodel, G. S. Mesch // Computers in Human Behavior. – 2017. – Vol. 68. – P. 359–367. – DOI: 10.1016/j.chb.2016.11.044.
213. Dooley, J. J. Cyberbullying versus face-to-face bullying: A theoretical and conceptual review / J. J. Dooley, J. Pyżalski, D. Cross // Zeitschrift für Psychologie. – 2009. – Vol. 217. – № 4. – P. 182–188. – DOI: 10.1027/0044-3409.217.4.182.
214. Drolet, M. Cyberbullying: Review of the literature and implications for counselor preparation / M. Drolet, I. Arcand // Journal of Counselor Preparation and Supervision. – 2013. – Vol. 5. – № 2. – Art. 4. – URL: <https://repository.wcsu.edu/jcps/vol5/iss2/4/> (дата обращения: 25.06.2024).

215. Dutton, W. H. *The Oxford Handbook of Internet Studies* / W. H. Dutton. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 592 p.
216. Eagly, A. H. *Sex differences in social behavior: A social-role interpretation* / A. H. Eagly. – New York, NY : Psychology Press, 2013. – 288 p. – DOI: 10.4324/9780203781906.
217. Eagly, A. H. *Social Role Theory of Sex Differences* / A. H. Eagly, W. Wood // *The Wiley-Blackwell Handbook of the Psychology of Gender and Sexuality* / eds. J. C. Chrisler, D. R. McCreary. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2012. – P. 31–55. – DOI: 10.1002/9781118339893.ch2.
218. Eisenberg, N. *Prosocial development* / N. Eisenberg, T. L. Spinrad, A. Knafo-Noam // *Annual Review of Psychology*. – 2015. – Vol. 66. – P. 711–731. – DOI: 10.1146/annurev-psych-010213-115054.
219. Elsaesser, C. *Parenting in a digital age: A review of parents' role in preventing adolescent cyberbullying* / C. Elsaesser, B. Russell, C. M. Ohannessian, D. Patton // *Aggression and Violent Behavior*. – 2017. – Vol. 35. – P. 62–72. – DOI: 10.1016/j.avb.2017.06.004.
220. Englander, E. *Cellular phone ownership and cyberbullying in 8-11 year olds: New research* / E. Englander // *Pediatrics*. – 2018. – Vol. 142. – № 1 (MeetingAbstract). – P. 724. – DOI: 10.1542/peds.142.1_MeetingAbstract.724.
221. Englander, E. *Childhood access to technology and cyberbullying* / E. Englander // *Journal of Pediatric Medicine*. – 2019. – Vol. 3. – № 2. – P. 1–4. – DOI: 10.29245/2578-2940/2019/2.1136.
222. Epstein, R. *The search engine manipulation effect (SEME) and its impact on election outcomes* / R. Epstein, R. E. Robertson // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2015. – Vol. 112. – № 33. – P. E4512–E4521. – DOI: 10.1073/pnas.1419828112.
223. Erdur-Baker, Ö. *Cyber bullying: A new face of peer bullying* / Ö. Erdur-Baker, F. Kavşut // *Eurasian Journal of Educational Research*. – 2007. – Vol. 27. – P. 31–42.
224. Erdur-Baker, Ö. *Cyberbullying and its correlation to traditional bullying, gender and frequent and risky usage of internet-mediated communication tools* / Ö. Erdur-Baker // *New Media & Society*. – 2010. – Vol. 12. – № 1. – P. 109–125. – DOI: 10.1177/1461444809342760.
225. Erikson, E. H. *Identity: Youth and crisis* / E. H. Erikson. – New York : W. W. Norton & Company, 1968. – 336 p. – ISBN 978-0393311440.
226. Eroglu, Y. *Cyber victimization and well-being in adolescents: The sequential mediation role of forgiveness and coping with cyberbullying* / Y. Eroglu, A. Peker, S. Cengiz // *Frontiers in Psychology*. – 2022. – Vol. 13. – Art. 819049. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.819049.
227. Eroglu, Y. *Masculinity, cyberbullying, and emotional outcomes: A cross-cultural study* / Y. Eroglu, E. Aktepe, H. Kandemir // *Journal of Interpersonal Violence*. – 2022. – Vol. 37. – № 9-10. – P. 6785–6803. – DOI: 10.1177/08862605211067007.

228. Espino, E. Effective coping with cyberbullying in boys and girls: The mediating role of self-awareness, responsible decision-making, and social support / E. Espino, A. Guarini, R. Del Rey // Current Psychology. – 2023. – Vol. 42. – P. 32134–32146. – DOI: 10.1007/s12144-022-04213-5.
229. EU Kids Online II [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.lse.ac.uk/EUKidsOnline> (дата обращения: 10.07.2024).
230. Evangelio, C. Cyberbullying in elementary and middle school students: A systematic review / C. Evangelio, P. Rodríguez-González, J. Fernández-Río, S. González-Villora // Computers & Education. – 2022. – Vol. 176. – Art. 104356. – DOI: 10.1016/j.compedu.2021.104356.
231. Fahy, A. E. Longitudinal associations between cyberbullying involvement and adolescent mental health / A. E. Fahy, S. A. Stansfeld, M. Smuk, N. R. Smith, S. Cummins, C. Clark // Journal of Adolescent Health. – 2016. – Vol. 59. – № 5. – P. 502–509. – DOI: 10.1016/j.jadohealth.2016.06.006.
232. Fekkes, M. Bullying behavior and associations with psychosomatic complaints and depression in victims / M. Fekkes, F. I. M. Pijpers, S. P. Verloove-Vanhorick // The Journal of Pediatrics. – 2004. – Vol. 144. – № 1. – P. 17–22. – DOI: 10.1016/j.jpeds.2003.09.025.
233. Felitti, V. J. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults: The Adverse Childhood Experiences (ACE) Study / V. J. Felitti, R. F. Anda, D. Nordenberg [et al.] // American Journal of Preventive Medicine. – 1998. – Vol. 14. – № 4. – P. 245–258. – DOI: 10.1016/S0749-3797(98)00017-8.
234. Fernández-Zabala, A. Sociometric popularity, perceived peer support, and self-concept in adolescence / A. Fernández-Zabala, E. Ramos-Díaz, A. Rodríguez-Fernández, J. L. Núñez // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Art. 594007. – DOI: 10.3389/fpsyg.2020.594007.
235. Festl, R. Social relations and cyberbullying: The influence of individual and structural attributes on victimization and perpetration via the internet / R. Festl, T. Quandt // Human Communication Research. – 2013. – Vol. 39. – № 1. – P. 101–126. – DOI: 10.1111/j.1468-2958.2012.01442.x.
236. Fischer, R. Coping Strategies and Subjective Well-being: Context Matters / R. Fischer, J. Scheunemann, S. Moritz // Journal of Happiness Studies. – 2021. – Vol. 22. – P. 3413–3434. – DOI: 10.1007/s10902-021-00372-7.
237. Folkman, S. Stress, coping, and hope / S. Folkman // Psycho-Oncology. – 2010. – Vol. 19. – № 9. – P. 901–908. – DOI: 10.1002/pon.1836.
238. Fredstrom, B. K. Electronic and School-Based Victimization: Unique Contexts for Adjustment Difficulties / B. K. Fredstrom, R. E. Adams, R. Gilman // Journal of Youth and Adolescence. – 2011. – Vol. 40. – № 4. – P. 405–415. – DOI: 10.1007/s10964-010-9569-7.
239. Frydenberg, E. Prevention is better than cure: Coping skills training for adolescents at school / E. Frydenberg, R. Lewis, K. Bugalski [et al.] // Educational

- Psychology in Practice. – 2004. – Vol. 20. – № 2. – P. 117–134. – DOI: 10.1080/02667360410001691053.
240. Fulantelli, G. Cyberbullying and cyberhate as two interlinked instances of cyber-aggression / G. Fulantelli, D. Taibi, L. Scifo, M. Gentile // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – Art. 909299. – DOI: 10.3389/fpsyg.2022.909299.
241. Gelfand, M. J. Differences Between Tight and Loose Cultures: A 33-Nation Study / M. J. Gelfand, J. L. Raver, L. Nishii [et al.] // Science. – 2011. – Vol. 332. – № 6033. – P. 1100–1104. – DOI: 10.1126/science.1197754.
242. Gentile, D. A. The effects of prosocial video games on prosocial behaviors: International evidence from correlational, longitudinal, and experimental studies / D. A. Gentile, C. A. Anderson, S. Yukawa [et al.] // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2009. – Vol. 35. – № 6. – P. 752–763. – DOI: 10.1177/0146167209333045.
243. Gentile, D. A. The General Learning Model: Unveiling the teaching potential of video games / D. A. Gentile, J. R. Gentile // Current Opinion in Psychology. – 2022. – Vol. 46. – Art. 101325. – DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101325.
244. Gold, N. Cultural Differences in Responses to Real-Life and Hypothetical Trolley Problems / N. Gold, B. D. Pulford, A. M. Colman // Judgment and Decision Making. – 2014. – Vol. 9. – № 1. – P. 65–76.
245. Görzig, A. Cyberbullying from a socio-ecological perspective: a contemporary synthesis of findings from EU Kids Online / A. Görzig, H. Machácková // Media@LSE Working Paper. – 2015. – № 36. – 25 p.
246. Görzig, A. What makes a bully a cyberbully? Unravelling the characteristics of cyberbullies across 25 European countries / A. Görzig, K. Ólafsson // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2013. – Vol. 19. – № 3. – P. 424–443. – DOI: 10.1111/jcc4.12046.
247. Gradinger, P. Parents' and Teachers' Opinions on Bullying and Cyberbullying Prevention: The Relevance of Their Own Children's or Students' Involvement / P. Gradinger, D. Strohmeier, C. Spiel // Journal of Psychologists and Counsellors in Schools. – 2015. – Vol. 25. – № 2. – P. 251–264.
248. Gradinger, P. Traditional bullying and cyberbullying: Differences in emotional problems, and personality / P. Gradinger, D. Strohmeier, C. Spiel // Journal of School Violence. – 2015. – Vol. 14. – № 1. – P. 1–25. – DOI: 10.1080/15388220.2014.996718.
249. Graham, J. Cultural Differences in Moral Judgment and Behavior, Across and Within Societies / J. Graham, P. Meindl, E. Beall [et al.] // Current Opinion in Psychology. – 2016. – Vol. 8. – P. 125–130. – DOI: 10.1016/j.copsyc.2015.09.007.
250. Graham, J. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations / J. Graham, J. Haidt, B. A. Nosek // Journal of Personality and Social Psychology. – 2009. – Vol. 96. – № 5. – P. 1029–1046.

251. Graham, J. Mapping the Moral Domain / J. Graham, B. A. Nosek, J. Haidt [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 2013. – Vol. 101. – № 2. – P. 366–385.
252. Graham, J. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism / J. Graham [et al.] // Advances in Experimental Social Psychology. – 2013. – Vol. 47. – P. 55–130.
253. Greene, J. D. An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment / J. D. Greene [et al.] // Science. – 2001. – Vol. 293. – № 5537. – P. 2105–2108.
254. Greene, J. D. Moral Tribes: Emotion, Reason, and the Gap between Us and Them / J. D. Greene. – N.Y. : Penguin Press, 2013.
255. Gutmann, M. Masculinities / M. Gutmann, M. Viveros Vigoya // Masculinities under neoliberalism / ed. by A. Cornwall, F. G. Karioris, N. Lindisfarne. – L. : Zed Books, 2018. – P. 165–182. – ISBN 978-1783607665.
256. Haidt, J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment / J. Haidt // Psychological Review. – 2001. – Vol. 108. – № 4. – P. 814–834
257. Haidt, J. The New Synthesis in Moral Psychology / J. Haidt // Science. – 2007. – Vol. 316. – № 5827. – P. 998–1002. – DOI: 10.1126/science.1137651.
258. Haidt, J. When morality opposes justice: Conservatives have moral intuitions that liberals may not recognize / J. Haidt, J. Graham // Social Justice Research. – 2007. – Vol. 20. – № 1. – P. 98–116.
259. Hair 149. Hair, J. F. Multivariate data analysis / J. F. Hair, W. C. Black, B. J. Babin, R. E. Anderson. – 7th ed. – N.Y. : Pearson, 2010.
260. Han, S. Relationship between cyberbullying victimization and depression in middle school students: the mediating role of coping strategies and the moderating role of face consciousness / S. Han, L. Zhao // BMC Psychology. – 2024. – Vol. 12. – DOI: 10.1186/s40359-024-01525-y.
261. Heirman, W. Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying / W. Heirman, M. Walrave // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. – 2008. – Vol. 2. – № 2. – Art. 1. – DOI: 10.5817/CP2008-2-1.
262. Hellfeldt, K. Cyberbullying and Psychological Well-being in Young Adolescence: The Potential Protective Mediation Effects of Social Support from Family, Friends, and Teachers / K. Hellfeldt, L. López-Romero, H. Andershed // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. – Vol. 16. – № 3. – Art. 371. – DOI: 10.3390/ijerph16030371.
263. Hemphill, S. A. Longitudinal associations between cyber-bullying perpetration and victimization and problem behavior and mental health problems in young Australians / S. A. Hemphill, A. Kotevski, J. A. Heerde // International Journal of Public Health. – 2015. – Vol. 60. – № 2. – P. 227–237. – DOI: 10.1007/s00038-014-0644-9.

264. Henrich, J. The WEIRDest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous / J. Henrich. – N.Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2020. – 704 p.
265. Hinduja, S. Bullying beyond the schoolyard: Preventing and responding to cyberbullying / S. Hinduja, J. W. Patchin. – Thousand Oaks : Corwin Press, 2014.
266. Hinduja, S. Bullying, cyberbullying, and suicide / S. Hinduja, J. W. Patchin // Archives of Suicide Research. – 2010. – Vol. 14. – № 3. – P. 206–221. – DOI: 10.1080/13811118.2010.494133.
267. Hinduja, S. Cyberbullying: An exploratory analysis of factors related to offending and victimization / S. Hinduja, J. W. Patchin // Deviant Behavior. – 2008. – Vol. 29. – № 2. – P. 129–156. – DOI: 10.1080/01639620701457816.
268. Hinduja, S. Cyberbullying: Identification, Prevention, and Response / S. Hinduja, J. W. Patchin. – Boca Raton : CRC Press, 2018. – 256 p.
269. Hinduja, S. Social influences on cyberbullying behaviors among middle and high school students / S. Hinduja, J. W. Patchin // Journal of Youth and Adolescence. – 2013. – Vol. 42. – № 5. – P. 711–722. – DOI: 10.1007/s10964-012-9902-4.
270. Ho, S. S. Comparing cyberbullying perpetration on social media between primary and secondary school students / S. S. Ho, L. Chen, A. P. C. Ng // Computers & Education. – 2017. – Vol. 109. – P. 74–84. – DOI:
271. Hobfoll, S. E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress / S. E. Hobfoll // American Psychologist. – 1989. – Vol. 44. – № 3. – P. 513–524. – DOI: 10.1037/0003-066X.44.3.513.
272. Hofstede Insights. Культурные измерения Казахстана и России : [сайт]. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool> (дата обращения: 10.09.2023).
273. Hofstede, G. Dimensionalizing cultures: The Hofstede model in context / G. Hofstede // Online Readings in Psychology and Culture. – 2011. – Vol. 2. – № 1. – Art. 8. – DOI: 10.9707/2307-0919.1014.
274. Hu, L. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives / L. Hu, P. M. Bentler // Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal. – 1999. – Vol. 6. – № 1. – P. 1–55. – DOI: 10.1080/10705519909540118.
275. Huang, Y. Y. An Analysis of Multiple Factors of Cyberbullying among Junior High School Students in Taiwan / Y. Y. Huang, C. Chou // Computers in Human Behavior. – 2010. – Vol. 26. – № 6. – P. 1581–1590. – DOI: 10.1016/j.chb.2010.06.005.
276. Ittel, A. Cyberbullying: The role of emotional responses and moral disengagement / A. Ittel, T. Kretschmer, J. Pfetsch // Journal of School Violence. – 2014. – Vol. 13. – № 3. – P. 335–354. – DOI: 10.1080/15388220.2013.847379.
277. ITU (International Telecommunication Union). Measuring digital development: Facts. – Geneva : ITU Publications, 2020.

278. Jacobs, N. C. L. Online pestkoppenstoppen: Systematic and theory-based development of a web-based tailored intervention for adolescent cyberbully victims to combat and prevent cyberbullying / N. C. L. Jacobs, T. Völlink, F. Dehue, L. Lechner // BMC Public Health. – 2014. – Vol. 14. – Art. 396. – DOI: 10.1186/1471-2458-14-396
279. Janet, P. L'évolution de la mémoire et de la notion du temps / P. Janet. – Paris : Chahine, 1928. – 642 p.
280. Ji, L. Tolerance of Deviance in Digital Contexts: Cross-Cultural Evidence / L. Ji [et al.] // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2016. – Vol. 47. – № 9. – P. 1218–1235.
281. Jia, C. Algorithmic or human source? Examining relative hostile media effect with a transformer-based framework / C. Jia, R. Liu // Media and Communication. – 2021. – Vol. 9. – № 4. – P. 57–71. – DOI: 10.17645/mac.v9i4.4164.
282. Jiang, Q. TikTok Use and Cognitive Reflection: Evidence from Behavioral Experiments / Q. Jiang, Y. Ma // New Media & Society. – 2024. – Vol. 26. – № 1. – P. 78–97.
283. Juvonen, J. Extending the school grounds? — Bullying experiences in cyberspace / J. Juvonen, E. F. Gross // Journal of School Health. – 2008. – Vol. 78. – № 9. – P. 496–505. – DOI: 10.1111/j.1746-1561.2008.00335.x.
284. Kahneman, D. Well-being: the foundations of hedonic psychology / D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz. — New York : Russell Sage Foundation, 1999. — 593 p.
285. Kangrga, M. Recognizing the frequency of exposure to cyberbullying in children: The results of the national HBSC study in Serbia / M. Kangrga, D. Nikolić, M. Santrić-Milicević [et al.] // Children. — 2024. — Vol. 11, № 2. — P. 172. — DOI: 10.3390/children11020172
286. Kawachi, I. Religion as a social determinant of health / I. Kawachi // American Journal of Epidemiology. — 2019. — Vol. 188, № 10. — P. 2082–2088. — DOI: 10.1093/aje/kwy2598.
287. Kelly, D. Social Media and Analytical Reasoning: Contrasting Effects of Content Type on Cognitive Engagement / D. Kelly [et al.] // Journal of Experimental Psychology: Applied. — 2017. — Vol. 23, № 3. — P. 330–342.
288. Killen, M. Origins and development of morality / M. Killen, J. G. Smetana // Handbook of Child Psychology and Developmental Science. — 2015. — Vol. 3. — P. 701–749.
289. Kim, S. Cyberbullying victimization and adolescent mental health: Evidence of differential effects by sex and mental health problem type / S. Kim, S. R. Colwell, A. Kata, M. H. Boyle, K. Georgiades // Journal of Youth and Adolescence. — 2018. — Vol. 47, № 4. — P. 661–672. — DOI: 10.1007/s10964-017-0678-4.
290. Kohlberg, L. The Psychology of Moral Development: The Nature and Validity of Moral Stages / L. Kohlberg. — New York : Harper & Row, 1984. — 729

291. Kokkinos, C. M. Cyber-bullying: An investigation of the psychological profile of university student participants / C. M. Kokkinos, N. Antoniadou, A. Markos // Journal of Computer-Assisted Learning. — 2016. — Vol. 32, № 3. — P. 270–284. — DOI: 10.1111/jcal.12151.
292. Kowalski, R. M. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth / R. M. Kowalski, G. W. Giumetti, A. N. Schroeder, M. R. Lattanner // Psychological Bulletin. — 2014. — Vol. 140, № 4. — P. 1073–1137. — DOI: 10.1037/a0035618.
293. Krüger, T. Cultural differences in cyberbullying: A systematic review / T. Krüger, M. Mösko // Frontiers in Communication. — 2020. — Vol. 5. — P. 576613. — DOI: 10.3389/fcomm.2020.576613.
294. Kuss, D. J. Online social networking and addiction—a review of the psychological literature / D. J. Kuss, M. D. Griffiths // International journal of environmental research and public health. — 2011. — Vol. 8. — № 9. — P. 3528–3552. — URL: <https://www.mdpi.com/1660-4601/8/9/3528> (дата обращения: 12.07.2024).
295. Kyriacou, C. Cyberbullying of teachers by students: A cross-national study / C. Kyriacou, A. Zuin // Educational Research. — 2015. — Vol. 57, № 2. — P. 195–209. — DOI: 10.1080/00131881.2015.1031272.
296. LaFontana, K. M. The nature of children's stereotypes of popularity / K. M. LaFontana, A. Cillessen // Social Development. — 1998. — Vol. 7. — № 3. — P. 301—320.
297. Langos, C. Cyberbullying: the challenge to define / C. Langos // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. — 2012. — Vol. 15. — № 6. — P. 285–289. — DOI: 10.1089/cyber.2011.0588.
298. Lazarus, R. S. Stress, appraisal, and coping / R. S. Lazarus, S. Folkman. — New York : Springer, 1984. — 445 p.
299. Lee, C. Prevalence of Cyberbullying and Predictors of Cybervictimization among Korean Adolescents: The Role of Online Gaming and Social Network Usage / C. Lee, N. Shin // Children and Youth Services Review. — 2017. — Vol. 78. — P. 78–85.
300. Legate, N. Parenting strategies and adolescents' cyberbullying behaviors: Evidence from a preregistered longitudinal study / N. Legate, N. Weinstein, A. K. Przybylski // Child Development. — 2019. — Vol. 90, № 3. — P. 974–992.
301. Lerner, R. M. Continuity and Discontinuity Across the Transition of Early Adolescence: A Developmental Contextual Perspective / R. M. Lerner, J. V. Lerner, A. V. Eye [et al.] // Transitions Through Adolescence: Interpersonal Domains and Context. — Psychology Press, 2018. — P. 23–42.
302. Li, Q. A cross-cultural comparison of adolescents' experience related to cyberbullying / Q. Li // Educational research. — 2008. — Vol. 50. — № 3. — P. 223–234.
303. Li, Q. Cyberbullying in schools. A research of gender differences / Q. Li // School psychology international. — 2006. — Vol. 27. — № 2. — P. 157–170.

304. Li, Q. New bottle but old wine: A research of cyberbullying in schools / Q. Li // Computers in Human Behavior. — 2007. — Vol. 23, № 4. — P. 1777–1791. — DOI: 10.1016/j.chb.2005.10.005.
305. Liu, X. Cybervictimization Mechanisms: Stress, Rumination, and Chain Mediation / X. Liu // Journal of Adolescent Health. — 2024. — Vol. 74. — P. 112–125. — DOI: 10.1016/j.jadohealth.2023.09.015
306. Livingstone, S. EU Kids Online 2021: Risks and Opportunities in the Digital Age / S. Livingstone, G. Mascheroni, E. Staksrud. – L. : LSE Publishing, 2021. – 180 p.
307. Livingstone, S. European research on children's internet use: Assessing the past and anticipating the future / S. Livingstone, G. Mascheroni, E. Staksrud // New Media & Society. — 2018. — Vol. 20. — № 3. — P. 1103–1122. — DOI: 10.1177/1461444816685930.
308. Livingstone, S. Parental mediation of children's internet use: Comparing strategies across European countries / S. Livingstone, E. J. Helsper // Journal of Children and Media. — 2018. — Vol. 12. — № 4. — P. 518–536. — DOI: 10.1080/17482798.2018.1532127.
309. Luo, Y. Cultural values and coping strategies in cyberbullying: A comparative study of Eastern and Western adolescents / Y. Luo, L. Zhang, X. Wang // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. — 2023. — Vol. 26. — № 2. — P. 89–97.
310. Luo, Y. Digital Media Exposure and Adolescent Deviance in Transitional Societies / Y. Luo [et al.] // Journal of Youth Studies. — 2023. — Vol. 26. — № 4. — P. 501–518.
311. Macháčková, H. Effectiveness of coping strategies for victims of cyberbullying / H. Macháčková, L. Dedkova, A. Sevcikova, A. Cerna // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. — 2013. — Vol. 7. — № 3. — Art. 5. — DOI: 10.5817/CP2013-3-5.
312. Mackenzie, E. Digital support seeking in adolescent girls: A qualitative study of affordances and limitations / E. Mackenzie, A. McMaugh, P. Van Bergen // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. — 2020. — Vol. 14. — № 3. — Art. 5. — DOI: 10.5817/CP2020-3-5.
313. Mamacı, E. Cyberbullying and Cybervictimization as Predictors of Depression and Anxiety in University Students / E. Mamacı // Computers in Human Behavior. — 2024. — Vol. 151. — P. 1–12. — DOI: 10.1016/j.chb.2023.108025.
314. Marciano, L. Cyberbullying perpetration and victimization in youth: A meta-analysis of longitudinal studies / L. Marciano, P. J. Schulz, A.-L. Camerini // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2020. — Vol. 25. — № 6. — P. 352–368. — DOI: 10.1093/jcmc/zmaa006.
315. Marciano, L. How do depression, duration of internet use and social connection in adolescence influence each other over time? / L. Marciano, A.-L. Camerini, P. J. Schulz // Computers in Human Behavior. — 2022. — Vol. 126. — Art. 107016. — DOI: 10.1016/j.chb.2021.107016.

316. Markus, H. R. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion, and Motivation / H. R. Markus, S. Kitayama // Psychological Review. — 1991. — Vol. 98. — № 2. — P. 224–253. — DOI: 10.1037/0033-295X.98.2.224.
317. McCarthy, N. Infographic: Where cyberbullying is most prevalent / N. McCarthy. — Statista, 2018. — URL: <https://www.statista.com/chart/15926/the-share-of-parents-who-say-their-child-has-experienced-cyberbullying/> (дата обращения: 07.08.2024).
318. McLoughlin, L. T. Cyberbullying and adolescent neurobiology / L. T. McLoughlin, J. Lagopoulos, D. F. Hermens // Frontiers in Psychology. — 2020. — Vol. 11. — Art. 1511. — DOI: 10.3389/fpsyg.2020.01511.
319. Mead, G. H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist / G. H. Mead. — Chicago : University of Chicago Press, 1934. — 440 p.
320. Mendez, G. H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist / G. H. Mead. — Chicago : University of Chicago Press, 1934. — 440 p.
321. Menesini, E. Introduction: Cyberbullying: Development, consequences, risk and protective factors / E. Menesini, C. Spiel // European Journal of Developmental Psychology. — 2012. — Vol. 9. — № 2. — P. 163–167. — DOI: 10.1080/17405629.2011.652833.
322. Menesini, E. Morality, values, traditional bullying, and cyberbullying in adolescence / E. Menesini, A. Nocentini, M. Camodeca // British Journal of Developmental Psychology. — 2013. — Vol. 31. — № 1. — P. 1–14. — DOI: 10.1111/j.2044-835X.2011.02066.x.
323. Merkuriev, D. V. Coping behavior of the individual: A review of research / D. V. Merkuriev // Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. — 2023. — Vol. 1. — № 21. — P. 48–57
324. Miles, A. Do Demographic Predictors of Personal Values Vary by Context? A Test of Schwartz's Value Development Theory / A. Miles, C. V. Yeh // SSRN Electronic Journal. — 2022. — DOI: 10.2139/ssrn.4286870.
325. Miró Llinares, F. The opportunity structure for cybercrime: A test of the hypothesis of crime attractiveness through the analysis of website victimization / F. Miró Llinares // European Journal of Criminology. — 2012. — Vol. 9. — № 3. — P. 168–185.
326. Mishna, F. Interventions for children, youth and parents to prevent and reduce cyber abuse / F. Mishna, C. Cook, M. Saini, M.-J. Wu, R. MacFadden // Campbell Systematic Reviews. — 2009. — Vol. 5. — № 1. — P. 1–67. — DOI: 10.4073/csr.2009.2.
327. Modecki, K. L. Prevalence of bullying across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying / K. L. Modecki, J. Minchin, A. G. Harbaugh, N. G. Guerra, K. C. Runions // Обзор образовательной психологии. — 2014. — Т. 84. — № 3. — С. 1–35.

328. Nazarov, V. L. Cyberbullying in Russian schools: The role of bystanders / A. Nazarov, K. Averbukh // Journal of School Violence. — 2023. — Vol. 22. — № 1. — P. 45–60.
329. Newcomb, A. F. Children's peer relations: A meta-analytic review of popular, rejected, neglected, controversial, and average sociometric status / A. F. Newcomb, W. M. Bukowski, L. Pattee // Psychological Bulletin. — 1993. — Vol. 113. — № 1. — P. 99–128. — DOI: 10.1037/0033-2909.113.1.99.
330. Nocentini, A. Cyberbullying: Labels, behaviours and definition in three European countries / A. Nocentini, J. Calmaestra, A. Schultze-Krumbholz, H. Scheithauer, R. Ortega, E. Menesini // Australian Journal of Guidance and Counselling. — 2010. — Vol. 20. — № 2. — P. 129–142. — DOI: 10.1375/ajgc.20.2.129.
331. Nolen-Hoeksema, S. Rethinking rumination / S. Nolen-Hoeksema, B. E. Wisco, S. Lyubomirsky // Perspectives on Psychological Science. — 2008. — Vol. 3. — № 5. — P. 400–424.
332. Norman, G. Likert scales, levels of measurement and the "laws" of statistics / G. Norman // Advances in Health Sciences Education. — 2010. — Vol. 15. — № 5. — P. 625–632.
333. Nuna, R. Coping strategies for cyberbullying by adolescents in Kenya / R. Nuna, J. Mwangi, E. Kimani // International Journal for Innovation Education and Research. — 2023. — Vol. 11. — № 5. — P. 89–102.
334. Olweus, D. Bully/victim problems in school: Basic facts and an effective intervention programme / D. Olweus // Bullying: An International Perspective. — London : David Fulton Publishers, 2002. — P. 23–42.
335. Olweus, D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do / D. Olweus. — Oxford UK : Blackwell Publishers, 1993. — 140 p.
336. Olweus, D. Cyberbullying: An overrated phenomenon? / D. Olweus // European Journal of Developmental Psychology. — 2012. — Vol. 9. — № 5. — P. 520–538. — DOI: 10.1080/17405629.2012.682358.
337. Pabian, S. An investigation of short-term longitudinal associations between social anxiety and victimization and perpetration of traditional bullying and cyberbullying / S. Pabian, H. Vandebosch // Journal of Youth and Adolescence. — 2019. — Vol. 48. — № 3. — P. 560–574. — DOI: 10.1007/s10964-018-0954-y.
338. Papacharissi, Z. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics [Электронный ресурс] / Z. Papacharissi. — New York : Oxford University Press, 2015. — URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199999736.001.0001> (дата обращения: 18.08.2025). — ISBN 978-0-19-999973-6.
339. Park, Z. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics [Электронный ресурс] / Z. Papacharissi. — New York : Oxford University Press, 2015. — URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199999736.001.0001> (дата обращения: 18.08.2025). — ISBN 978-0-19-999973-6.

340. Patchin, J. W. Cyberbullying and self-esteem / J. W. Patchin, S. Hinduja // Journal of School Health. — 2010. — Vol. 80. — № 12. — P. 614–621. — DOI: 10.1111/j.1746-1561.2010.00548.x.
341. Patton, G. C. Our future: A Lancet commission on adolescent health and wellbeing / G. C. Patton, S. M. Sawyer, J. S. Santelli [et al.] // The Lancet. — 2016. — Vol. 387. — № 10036. — P. 2423–2478.
342. Peker, A. The Role of Coping Strategies in Predicting Cyberbullying Victims' Well-Being / A. Peker, F. Cenkseven, A. Önder // Journal of Psychologists and Counsellors in Schools. — 2015. — Vol. 25. — № 2. — P. 186–198.
343. Peker, A. Validity and Reliability of the Cyberbullying Scale / A. Peker, F. Cenkseven, A. Onder // Eurasian Journal of Educational Research. — 2015. — № 60. — P. 1–14.
344. Perren, S. Tackling Cyberbullying: Review of Empirical Evidence Regarding Successful Responses by Students, Parents, and Schools / S. Perren, L. Corcoran, H. Cowie [et al.] // International Journal of Conflict and Violence. — 2012. — Vol. 6. — № 2. — P. 283–293. — DOI: 10.4119/ijcv-2923.
345. Pfadt, J. JASP: A user-friendly statistical software for Bayesian and frequentist analysis / J. Pfadt, D. van den Bergh, E.-J. Wagenmakers // Behavior Research Methods. — 2023. — Vol. 55. — № 1. — P. 1–15.
346. Piaget, J. The Moral Judgment of the Child / J. Piaget. — L. : Kegan Paul, 1932. — 410 p.
347. Praharsa, N. F. Stressful life transitions and wellbeing: A comparison of the stress-buffering hypothesis and the social identity model of identity change / N. F. Praharsa, M. J. Tear, T. Cruwys // Psychiatry Research. — 2017. — Vol. 251. — P. 327–336. — DOI: 10.1016/j.psychres.2016.11.039.
348. Primack, B. A. Социальная изоляция и интенсивность использования социальных сетей: лонгитюдное исследование / B. A. Primack [et al.] // Педиатрия. — 2017. — Т. 140. — № 6. — С. 112–125.
349. Prinstein, M. J. Adolescent peer relationships and mental health / M. J. Prinstein [et al.] // Annual Review of Clinical Psychology. — 2020. — Vol. 16. — P. 243–264.
350. Przybylski, A. K. Digital screen time limits and young children's psychological well-being: Evidence from a population-based study / A. K. Przybylski, N. Weinstein // Child Development. — 2019. — Vol. 90. — № 1. — P. e56–e65. — DOI: 10.1111/cdev.13007.
351. Quintana-Orts, C. The relationship between forgiveness, bullying, and cyberbullying in adolescence: A systematic review / C. Quintana-Orts, L. Rey, E. L. Worthington // Trauma, Violence, & Abuse. — 2019. — Vol. 22. — № 3. — P. 588–604. — DOI: 10.1177/1524838019869098.
352. Rainie, L. Networked: The New Social Operating System / L. Rainie, B. Wellman. — Cambridge : MIT Press, 2012. — 358 p.

353. Rakisheva, G. Risks of cyberbullying in the multicultural education of Kazakhstan: Ethnocultural aspect / G. Rakisheva, D. Sabitova, M. Zantemirova // Educational Administration: Theory and Practice. — 2024. — Vol. 30. — № 5. — P. 11914–11921. — DOI: 10.53555/kuey.v30i5.5049.
354. Rand, D. G. Spontaneous giving and calculated greed / D. G. Rand [et al.] // Nature. — 2012. — Vol. 489. — № 7416. — P. 427–430.
355. Ranney, J. D. The role of popularity and digital self-monitoring in adolescents' cyberbehaviors and cybervictimization / J. D. Ranney, W. Troop-Gordon // Computers in Human Behavior. — 2020. — Vol. 102. — P. 293–302. — DOI: 10.1016/j.chb.2019.08.023.
356. Raskauskas, J. Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents / J. Raskauskas, A. D. Stoltz // Developmental Psychology. — 2007. — Vol. 43. — № 3. — P. 564–575. — DOI: 10.1037/0012-1649.43.3.564.
357. Raskauskas, J. The process of coping with cyberbullying: A systematic review / J. Raskauskas, A. Huynh // Aggression and Violent Behavior. — 2015. — Vol. 23. — P. 118–125. — DOI: 10.1016/j.avb.2015.05.019.
358. Rideout, V. The Common Sense Census: Media use by tweens and teens / V. Rideout, M. B. Robb. — Common Sense Media, 2019. — URL: <https://www.commonsensemedia.org/research/the-common-sense-census-media-use-by-tweens-and-teens-2019> (дата обращения: 26.05.2024).
359. Rigby, K. Bullying in Schools: How Successful Can Interventions Be? / K. Rigby, P. K. Smith. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 334 p.
360. Rigby, K. What can schools do about cases of bullying? / K. Rigby // Pastoral Care in Education. — 2011. — Vol. 29. — № 4. — P. 273–285.
361. Ross Arguedas, A. A. "It's a Battle You Are Never Going to Win": Perspectives from Journalists in Four Countries on How Digital Media Platforms Undermine Trust in News / A. A. Ross Arguedas, S. Badrinathan, C. Mont'Alverne, B. Toff, R. Fletcher, R. K. Nielsen // Journalism Studies. — 2022. — Vol. 23. — № 14. — P. 1821–1840. — DOI: 10.1080/1461670X.2022.2112908.
362. Rothbaum, F. Changing the world and changing the self: A two-process model of perceived control / F. Rothbaum, J. R. Weisz, S. S. Snyder // Journal of Personality and Social Psychology. — 1982. — Vol. 42. — № 1. — P. 5–37. — DOI: 10.1037/0022-3514.42.1.5.
363. Ryan, R. M. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being / R. M. Ryan, E. L. Deci // American Psychologist. — 2000. — Vol. 55. — № 1. — P. 68–78. — DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
364. Salmivalli, C. Bullying as a group process: Participant roles and their relations to social status within the group / C. Salmivalli, K. Lagerspetz, K. Björkqvist, K. Österman, A. Kaukiainen // Aggressive Behavior. — 1996. — Vol. 22. — № 1. — P. 1–15.

365. SalmiValli, C. KiVa Anti-Bullying Program: Implementation and Evaluation / C. Salmivalli [et al.] // Handbook of Child Well-Being. – 2014. – P. 3261–3280.
366. Sameroff, A. The Transactional Model of Development: How Children and Contexts Shape Each Other / A. Sameroff. – Washington, DC : American Psychological Association, 2009.
367. Schwartz, S. H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values / S. H. Schwartz // Online Readings in Psychology and Culture. – 2012. – Vol. 2, № 1. – P. 1–20. – DOI: 10.9707/2307-0919.1116.
368. Schwartz, S. H. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis / S. H. Schwartz, K. Boehnke // Journal of Research in Personality. – 2004. – Vol. 38. – P. 230–255.
369. Schwartz, S. H. Extending the Cross-Cultural Validity of the Theory of Basic Human Values with a Different Method of Measurement / S. H. Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2001. – Vol. 32. – P. 519–542.
370. Schwartz, S. H. Refining the Theory of Basic Individual Values / S. H. Schwartz, J. Cieciuch, M. Vecchione [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 2012. – Vol. 103, № 4. – P. 663–688.
371. Schwartz, S. H. Societal Value Culture / S. H. Schwartz // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2014. – Vol. 45. – P. 42–46.
372. Shapka, J. D. Does One Size Fit All? Ethnic Differences in Parenting Behaviors and Motivations for Adolescent Engagement in Cyberbullying / J. D. Shapka, D. M. Law // Journal of Youth and Adolescence. – 2013. – Vol. 42. – P. 723–738.
373. Shariff, S. Confronting Cyber-Bullying: What Schools Need to Know to Control Misconduct and Avoid Legal Consequences? / S. Shariff. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 275 p.
374. Shariff, S. Cyber bullying Clarifying Legal Boundaries for School Supervision in Cyberspace / S. Shariff, D. L. Hoff // International Journal of Cyber Criminology. – 2007. – Vol. 1.
375. Shariff, A. F. What is the evolved function of religion? A meta-analysis of theories in religious psychology / A. F. Shariff, A. K. Willard, M. Muthukrishna [et al.] // Behavioral and Brain Sciences. – 2016. – Vol. 39. – Art. e1. – DOI: 10.1017/S0140525X15000667.
376. Shin, M. H. The impact of parental involvement on adolescents' cyberbullying victimization experience: Mediating effect of online self-disclosure awareness / M. H. Shin, E. R. Choi // Korean Journal of Psychological and Social Issues. – 2024. – Vol. 33, № 1. – P. 171–189. – DOI: 10.21181/kjpc.2024.33.1.171.
377. Skilbred-Fjeld, S. Cyberbullying involvement and mental health problems among late adolescents / S. Skilbred-Fjeld, S. E. Reme, L. Torgersen // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2020. – Vol. 23, № 4. – P. 75–83.

378. Skinner, B. F. *Science and Human Behavior* / B. F. Skinner. – New York : Macmillan, 1953.
379. Slonje, R. The nature of cyberbullying, and strategies for prevention / R. Slonje, P. K. Smith, A. Frisén // *Computers in Human Behavior*. – 2013. – Vol. 29, № 1. – P. 26–32. – DOI: 10.1016/j.chb.2012.05.024.
380. Smahel, D. EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries / D. Smahel, H. Machackova, G. Mascheroni [et al.]. – EU Kids Online, 2020. – DOI: 10.21953/lse.47fdeqj01ofo.
381. Smith, J. R. Cultural Patterns in Coping Strategies: A Meta-Analysis / J. R. Smith, L. Wang, R. Fischer // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2013. – DOI: 10.1177/0022022113492890.
382. Smith, P. K. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho, S. Fisher, S. Russell, N. Tippett // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2008. – Vol. 49, № 4. – P. 376–385. – DOI: 10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x.
383. Soldatova, G. Cross-Cultural Differences in Digital Resilience: Coping with Cyberbullying in Russia and Kazakhstan / G. Soldatova, E. Rasskazova // *Computers in Human Behavior*. – 2023. – Vol. 142. – Art. 107635. – DOI: 10.1016/j.chb.2023.107635.
384. Soldatova, G. U. Cyberbullying: Features, role structure, child-parent relationships and coping strategies / G. U. Soldatova, A. N. Yarmina // *National Psychological Journal*. – 2019. – Vol. 3, № 35. – P. 17–31. – DOI: 10.11621/npj.2019.0303.
385. Soldatova, G. U. Digital Competence and Coping Strategies in Adolescents: A Cross-Cultural Perspective / G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova // *Psychology in Russia: State of the Art*. – 2021. – Vol. 14, № 3. – P. 3–19. – DOI: 10.11621/pir.2021.0301.
386. Soldatova, G. U. Digital generation of Russia: Competence and safety / G. U. Soldatova, E. I. Rasskazova, T. A. Nestik. – Moscow : Smysl, 2017.
387. Soldatova, G. U. Technologically augmented human: In search of integrity / G. U. Soldatova, S. N. Ilyukhina // *Cultural-Historical Psychology*. – 2025. – Vol. 21, № 1. – P. 13–23. – DOI: 10.17759/chp.2025210102.
388. Soto, C. J. Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample / C. J. Soto, O. P. John, S. D. Gosling, J. Potter // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2011. – Vol. 100, № 2. – P. 330–348. – DOI: 10.1037/a0021717.
389. Stark, R. *American Piety: The Nature of Religious Commitment* / R. Stark, C. Y. Glock. – Berkeley : University of California Press, 1968.
390. Stattin, H. Parental monitoring: A reinterpretation / H. Stattin, M. Kerr // *Child Development*. – 2000. – Vol. 71, № 4. – P. 1072–1085. – DOI: 10.1111/1467-8624.00210.

391. Steinberg, L. A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking / L. Steinberg // *Developmental Review*. – 2008. – Vol. 28, № 1. – P. 78–106. – DOI: 10.1016/j.dr.2007.08.002.
392. Steinberg, L. Around the World, Adolescence is a Time of Heightened Sensation Seeking and Immature Self-Regulation / L. Steinberg, G. Icenogle, E. P. Shulman [et al.] // *Developmental Science*. – 2018. – Vol. 21, № 2. – DOI: 10.1111/desc.12532.
393. Stepanov, O. Legal regulation of the genesis of digital identity / O. Stepanov, M. M. Stepanov // *Pravoprimenenie*. – 2022. – Vol. 6, № 3. – P. 19–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32.
394. Sticca, F. The coping with cyberbullying questionnaire: Development of a new measure / F. Sticca, K. Machmutow, A. Stauber, S. Perren // *Societies*. – 2015. – Vol. 5, № 2. – P. 26–50. – DOI: 10.3390/soc5020515.
395. Sticca, F. The Coping with Cyberbullying Questionnaire: Development of a new measure / F. Sticca, S. Ruggieri, F. Alsaker, S. Perren // *Societies*. – 2015. – Vol. 5, № 2. – P. 515–536. – DOI: 10.3390/soc5020515.
396. Strohmeier, D. Cyberbullying and its impact on mental health: A longitudinal study among adolescents / D. Strohmeier, P. Gradinger // *Journal of Youth and Adolescence*. – 2022. – Vol. 51, № 3. – P. 567–582. – DOI: 10.1007/s10964-021-01534-9.
397. Strohmeier, D. Cyberbullying and Well-Being: Moderating Role of Adaptive Coping Strategies / D. Strohmeier, P. Gradinger // *Journal of School Violence*. – 2022. – Vol. 21, № 1. – P. 100–114.
398. Suh, E. M. The shifting basis of life satisfaction judgments across cultures: Emotions versus norms / E. M. Suh, E. Diener, S. Oishi, H. C. Triandis // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1998. – Vol. 74, № 2. – P. 482–493.
399. Suler, J. The online disinhibition effect / J. Suler // *Cyberpsychology & Behavior*. – 2004. – Vol. 7, № 3. – P. 321–326.
400. Sullivan, C. Digital identity – From emergent legal concept to new reality / C. Sullivan // *Computer Law & Security Review*. – 2018. – Vol. 34, № 4. – P. 723–731.
401. Summers, D. How can we prevent violence at school? Bullying / D. Summers, S. A. Balpeisova, Z. A. Maydangalieva, G. U. Utemissova // *News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Series of Social and Human Sciences*. – 2019. – Vol. 1, № 323. – P. 16–22. – DOI: 10.32014/2019.2224-5294.2.
402. Suraseth, C. Cyberbullying among secondary school students: Analyzing prediction and relationship with background, social status, and ICT use / C. Suraseth, P. Koraneekij // *Heliyon*. – 2024. – Vol. 10. – Art. e14573. – DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e14573.
403. Tabri, N. Principles and practice of factorial ANOVA / N. Tabri, C. Elliott // *Journal of Educational and Behavioral Statistics*. – 2012. – Vol. 37, № 5. – P. 677–701.

404. Tamres, L. K. Sex differences in coping behavior: A meta-analytic review / L. K. Tamres, D. Janicki, V. S. Helgeson // Personality and Social Psychology Review. – 2002. – Vol. 6, № 1. – P. 2–30. – DOI: 10.1207/S15327957PSPR0601_1.
405. Tamrikulu, T. Motives behind cyberbullying perpetration: A test of uses and gratifications theory / T. Tamrikulu, Ö. Erdur-Baker // Journal of Interpersonal Violence. – 2021. – Vol. 36, № 13–14. – P. 6699–6724.
406. Tokunaga, R. S. Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization / R. S. Tokunaga // Computers in Human Behavior. – 2010. – Vol. 26, № 3. – P. 277–287. – DOI: 10.1016/j.chb.2009.11.014.
407. Tomczak, M. The need to report effect size estimates revisited / M. Tomczak, E. Tomczak // Trends in Sport Sciences. – 2014. – Vol. 21, № 1. – P. 19–25.
408. Topcu, Ç. The Revised Cyber Bullying Inventory (RCBI): Validity and reliability studies / Ç. Topcu, Ö. Erdur-Baker // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2010. – Vol. 5. – P. 660–664. – DOI: 10.1016/j.sbspro.2010.07.161.
409. Tremolada, M. Coping strategies and perceived support in adolescents and young adults: Predictive model of self-reported cognitive and mood problems / M. Tremolada, S. Bonichini, L. Taverna // Psychology. – 2016. – Vol. 7, № 14. – P. 1858–1871. – DOI: 10.4236/psych.2016.714171.
410. Triandis, H. C. Individualism and Collectivism: Past, Present, and Future / H. C. Triandis // Handbook of Theories of Social Psychology. – 2018. – Vol. 2. – P. 267–288. – DOI: 10.4135/9781446249222.
411. Tversky, A. The framing of decisions and the psychology of choice / A. Tversky, D. Kahneman // Science. – 1981. – Vol. 211, № 4481. – P. 453–458.
412. Twenge, J. M. Declines in religiosity among young adults: The role of the rise of digital media / J. M. Twenge [et al.] // Psychology of Religion and Spirituality. – 2019. – Vol. 11, № 3. – P. 309–317.
413. Twenge, J. M. Decreases in psychological well-being among American adolescents after 2012 and links to screen time during the rise of smartphone technology / J. M. Twenge, G. N. Martin, W. K. Campbell // Emotion. – 2019. – Vol. 19, № 4. – P. 765–780.
414. Twenge, J. M. Digital media use is linked to lower psychological well-being: Evidence from the 2018 General Social Survey / J. M. Twenge, W. K. Campbell // Journal of Adolescence. – 2019. – Vol. 73. – P. 66–73.
415. Uhls, Y. T. Benefits and costs of social media in adolescence / Y. T. Uhls, N. B. Ellison, K. Subrahmanyam // Pediatrics. – 2022. – Vol. 149, № 1. – Art. e2021053578.
416. Underwood, M. K. The power and the pain of adolescents' digital communication: Cyber victimization and the perils of lurking / M. K. Underwood, S. E. Ehrenreich // American Psychologist. – 2017. – Vol. 72, № 2. – P. 144–158. – DOI: 10.1037/a0040429.

417. UNICEF. Child Online Protection in Europe. – 2021. – URL: <https://www.unicef.org> (дата обращения: 10.07.2024).
418. Valkenburg, P. M. Online communication among adolescents: An integrated model of its attraction, opportunities, and risks / P. M. Valkenburg, J. Peter // Journal of Adolescent Health. – 2011. – Vol. 48, № 2. – P. 121–127.
419. Van Geel, M. Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? / M. Van Geel, A. Goemans, F. Toprak, P. Vedder // Personality and Individual Differences. – 2017. – Vol. 106. – P. 231–235.
420. Vandebosch, H. Defining cyberbullying: A qualitative research into the perceptions of youngsters / H. Vandebosch, K. Van Cleemput // CyberPsychology & Behavior. – 2008. – Vol. 11, № 4. – P. 499–503.
421. VanderWeele, T. J. Re: Religion as a social determinant of health / T. J. VanderWeele, Y. Chen // American Journal of Epidemiology. – 2019.
422. Vandoninck, S. Children's online coping strategies: Rethinking coping typologies / S. Vandoninck, L. d'Haenens // Journal of Adolescence. – 2015. – Vol. 45. – P. 225–236. – DOI: 10.1016/j.adolescence.2015.10.007.
423. Varela, J. J. To ignore or not to ignore the differential effect of coping mechanisms on depressive symptoms when facing adolescent cyberbullying / J. J. Varela, C. Hernández, C. Berger, S. B. Souza, E. Pacheco // Computers in Human Behavior. – 2022. – Vol. 132. – Art. 107268. – DOI: 10.1016/j.chb.2022.107268.
424. Varjas, K. High school students' perceptions of motivations for cyberbullying: an exploratory study / K. Varjas, J. Talley, J. Meyers, L. Parris, H. Cutts // Western Journal of Emergency Medicine. – 2010. – Vol. 11, № 3. – P. 269–273.
425. Vikhman, A. A. Traditional and digital opportunities for cyberbullying prevention / A. A. Vikhman, E. N. Volkova, L. V. Skitnevskaya // Science and Education. – 2021. – Vol. 9, № 4. – P. 10–21. – DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-4-10.
426. Vlasova, N. V. Psychological characteristics of individuals prone to cybervictim behavior / N. V. Vlasova, E. L. Buslaeva // Psychology and Law. – 2022. – Vol. 12, № 2. – P. 194–206. – DOI: 10.17759/psylaw.2022120214.
427. Wang, J. School bullying among adolescents in the United States: Physical, verbal, relational, and cyber / J. Wang, R. J. Iannotti, T. R. Nansel // Journal of Adolescent Health. – 2011. – Vol. 45, № 4. – P. 368–375. – DOI: 10.1016/j.jadohealth.2009.03.021.
428. Wegge, D. Popularity through online harm: The longitudinal associations between cyberbullying and sociometric status in early adolescence / D. Wegge, H. Vandebosch, S. Eggermont, S. Pabian // The Journal of Early Adolescence. – 2014. – Vol. 35, № 1. – P. 79–101. – DOI: 10.1177/0272431614556351.
429. Weinstein, M. Victimized in many ways: Online and offline bullying/harassment and perceived racial discrimination in diverse racial-ethnic minority adolescents / M. Weinstein, M. R. Jensen, B. M. Tynes // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. – 2021. – Vol. 27, № 3. – P. 397–407. – DOI: 10.1037/cdp0000436.

430. Williams, K. R. Prevalence and predictors of internet bullying / K. R. Williams, N. G. Guerra // Journal of Adolescent Health. – 2007. – Vol. 41, № 6 (Suppl. 1). – P. S14–S21. – DOI: 10.1016/j.jadohealth.2007.08.018.
431. Williford, A. Effects of the KiVa Anti-bullying Program on Adolescents' Depression, Anxiety, and Perception of Peers / A. Williford, A. Boulton, B. Noland [et al.] // Journal of Abnormal Child Psychology. – 2012. – Vol. 40. – P. 289–300. – DOI: 10.1007/s10802-011-9551-1.
432. Wolke, D. Cyberbullying: a storm in a teacup? / D. Wolke, K. Lee, A. Guy // European Child & Adolescent Psychiatry. – 2017. – Vol. 26. – P. 899–908.
433. Wright, M. F. Cyber victimization and adjustment difficulties: The mediation of Chinese and American adolescents' digital technology usage / M. F. Wright // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. – 2015. – Vol. 9, № 1. – Art. 7. – DOI: 10.5817/CP2015-1-7.
434. Wright, M. F. Youths' coping with cyberhate: Roles of parental mediation and family support / M. F. Wright, S. Wachs, M. Gámez-Guadix // Comunicar. – 2021. – Vol. 67. – P. 1–13. – DOI: 10.3916/C67-2021-02.
435. Yang, Y. Algorithmic Feeds vs. Self-Curated Content: Differential Impacts on Cognitive Effort / Y. Yang [et al.] // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2018. – Vol. 21, № 8. – P. 489–496.
436. Ybarra, M. L. Online aggressors/targets, aggressors, and targets: A comparison of associated youth characteristics / M. L. Ybarra, K. J. Mitchell // Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2004. – Vol. 45, № 7. – P. 1308–1316. – DOI: 10.1111/j.1469-7610.2004.00328.x.
437. Yilmaz, O. The relationship between cognitive style and moral judgment: Insights from behavioral and neuroimaging data / O. Yilmaz, S. A. Saribay // Personality and Individual Differences. – 2016. – Vol. 99. – P. 238–245.
438. Zhao, X. Cultural Variability in Cyberbullying and Self-Assertion: A Meta-Analysis / X. Zhao, G. Yu // Psychological Bulletin. – 2021. – Vol. 147, № 8. – P. 781–804.
439. Zhu, C. Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures / C. Zhu, S. Huang, R. Evans, W. Zhang // Frontiers in Public Health. – 2021. – Vol. 9. – Art. 634909. – DOI: 10.3389/fpubh.2021.634909.
440. Zicerino: [веб-сайт]. – URL: <https://zicerino.com/ru> (дата обращения: 01.04.2025).
441. Zimmer-Gembeck, M. J. The development of coping: Implications for psychopathology and resilience / M. J. Zimmer-Gembeck, E. A. Skinner // Developmental Psychopathology / ed. by D. Cicchetti. – Vol. 4. – Wiley, 2016. – P. 1–61. – ISBN 978-1119125556.
442. Zych, I. Systematic review of theoretical studies on bullying and cyberbullying: Facts, knowledge, prevention, and intervention / I. Zych, R. Ortega-Ruiz, R. Del Rey

// Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 23. – P. 1–21. – DOI:
10.1016/j.avb.2015.10.001.

**ПРИЛОЖЕНИЕ А.АДАПТАЦИЯ И ПСИХОМЕТРИЧЕСКАЯ ВАЛИДИЗАЦИЯ
«ОПРОСНИКА СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИТУАЦИЙ КИБЕРБУЛЛИНГА»
(CWCBO) (STICCA ET AL., 2015) Г.У. УТЕМИСОВОЙ**

Кибербуллинг, как форма онлайн-агрессии, оказывает значительное влияние на психическое здоровье подростков, требуя разработки инструментов для оценки эффективных стратегий совладания. Целью исследования стала кросс-культурная адаптация русскоязычная версия опросника CWCBO (Sticca et al., 2015) для учащихся русских и казахских школ, а также оценка его психометрических свойств. Исходная версия опросника, включающая 36 пунктов и 7 шкал, была валидирована в Швейцарии, Италии и Ирландии. Однако культурные особенности выбора стратегий преодоления кибербуллинга (Утемисова, 2024a; Утемисова, 2024b) требуют адаптации инструмента.

В исследовании приняли участие 1450 подростков (12–17 лет, средний возраст — 14,3 года; 41.3% мальчиков, 58.6% девочек), разделённых на группы учащихся русских школ ($n = 1164$) и казахских школ ($n = 286$). Процедура адаптации включала перевод (англ. – рус.) с обратным контролем эквивалентности, оценку содержательной валидности 8 экспертами (4 кандидата наук, 1 доктор наук; $M = 4.2$ по 5-балльной шкале, $SD = 0.7$), а также пилотное тестирование на фокус-группе ($n = 42$), выявившее приоритет стратегий «Техническое преодоление» (389 ответов «Определенно да») и «АИ» (263 ответа). Психометрический анализ включал эксплораторный факторный анализ (EFA) с использованием метода главных компонент и вращением Varimax ($KMO = 0.85$; тест сферичности Бартлетта: $\chi^2 = 13691.213, p < 0.001$), конфирматорный факторный анализ (CFA) в программе JASP 0.19.3.0. и проверку инвариантности измерений (MGCFA). Многогрупповой CFA (MGCFA) выявил необходимость модификации пунктов 10, 14 и 25, которые были перенесены в фактор «Активное противостояние», что улучшило соответствие модели (Horn & McArdle, 1992; Jöreskog, 1971). Проверка инвариантности по уровням (конфигурационная, метрическая, скалярная) подтвердила кросс-культурную стабильность модели: ΔCFI между группами не превысил 0.01, что соответствует критериям Cheung & Rensvold (2002) (Таблица А.1.).

Таблица А.1. Показатели пригодности модели для трех уровней инвариантности измерений ($N = 1450$)

Модель	X ²	df	CFI	RMSEA	Разница в CFI
Конфигурационная	5848,758	171	0,955	0,036	—

Модель	χ^2	df	CFI	RMSEA	Разница в CFI
<i>Продолжение таблицы A.1.</i> Метрическая	6246,601	342	0,945	0,040	0,010
Скалярная	6246,601	342	0,936	0,042	0,009

Примечания:

1. CFI (Comparative Fit Index) — сравнительный индекс соответствия; RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation) — среднеквадратичная ошибка аппроксимации.
2. Значения $CFI \geq 0,90$ и $RMSEA \leq 0,08$ указывают на приемлемое соответствие модели данным (Hu, Bentler, 1999).
3. Разница в $CFI \leq 0,010$ между последовательными уровнями инвариантности свидетельствует о соблюдении условия инвариантности (Cheung, Rensvold, 2002).

Надёжность оценивалась через коэффициент α Кронбаха, а валидность — через корреляции Кендалла, t-тесты и сравнение с оригинальной версией CWCBO.

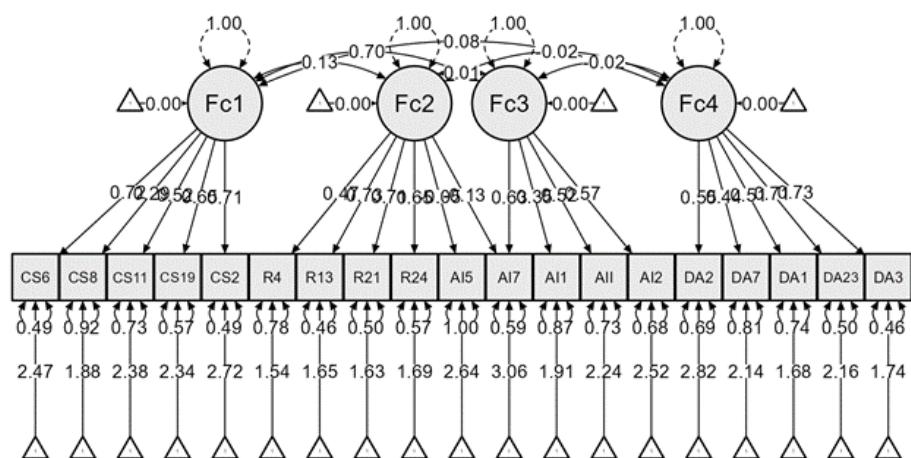
Результаты подтвердили четырёхфакторную структуру из 19 пунктов (Таблица А.2, рис.А4):

Таблица А.2. Факторная структура опросника

Фактор	Количество пунктов	Диапазон λ
Близкая поддержка	5	0,65–0,70
Активное противостояние	5	0,53–0,69
Активное игнорирование	4	0,68–0,72
Формальная поддержка	5	0,61–0,81

Примечание: λ — факторные нагрузки; данные получены в результате подтверждающего факторного анализа.

Рис. А4 - Структурная диаграмма четырехфакторной модели

Надёжность шкал варьировалась от $\alpha = 0.695$ (группа казахских школ, «БП») до $\alpha = 0.806$ (группа русских школ, «Близкая поддержка»). Конвергентная валидность подтверждена корреляциями Кендалла ($r = 0.206\text{--}0.411, p < 0.001$), а дискриминантная — значимыми различиями между группами (напр., «Близкая поддержка»: $t(1448) = 5.253, p < 0.001$). Индексы CFA ($\chi^2/df = 5848.758/171$, CFI = 0.955, RMSEA = 0.036, SRMR = 0.031) и инвариантность измерений ($\Delta CFI \leq 0.01$) соответствуют требованиям (Cheung & Rensvold, 2002). Межкультурные различия проявились в предпочтениях: учащиеся казахских школ чаще использовали «Активное игнорирование» ($M = 16.5 / 18.4, p < 0.001$), что характерно для коллективистских культур (Vandoninck & d'Haenens, 2015), а учащиеся русских школ — «Близкая поддержка» ($M = 17.5 / 16.0, p < 0.001$). Стратегия «Активное противостояние» коррелировала с низкими навыками межличностного взаимодействия ($r = 0.41, p < 0.001$), а её пункты сочетались с элементами конфронтации, отражая переход от реактивности к структурированным действиям. Анализ дискриминантной валидности выявил, что учащиеся казахских школ реже использовали «Активное противостояние» ($M = 9.3 / 8.6, p < 0.05$), что может указывать на культурные особенности в восприятии справедливости (Machmutow et al., 2012). Адаптированный CWCBO рекомендован для исследований и прикладного использования. Дальнейшая работа должна включать лонгитюдную валидизацию и разработку профилактических программ.

**ПРИЛОЖЕНИЕ Б. «ОПРОСНИК СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИТУАЦИЙ
КИБЕРБУЛЛИНГА» (CWC-BQ STICCA, F. АДАПТАЦИЯ УТЕМИСОВОЙ Г.У.
(РУССКОЯЗЫЧНАЯ ВЕРСИЯ)**

Кибербуллинг - это форма онлайн хулиганства, которая заключается в том, что группа людей провоцирует другого пользователя через интернет из-за различных причин, таких как возраст, национальность, раса, религиозная принадлежность и т.д.

Инструкция:

Уважаемый участник опроса! Представь, что в течение нескольких недель, прямо или косвенно, ты получаешь либо неприятные и угрожающие текстовые сообщения (на почту, или на страницу в социальных сетях, на мессенджер и др.), либо твои личные фотографии, символы или другая информация распространяются в сети с целью угроз, запугивания, травли, преследования при использовании интернета или других технологий, таких как мобильные телефоны. Что бы ты сделал в этой ситуации? Оцени, пожалуйста, по пятибалльной шкале какие стратегии преодоления гипотетического кибербуллинга ты бы использовал («Я бы...»).

Для этого поставь напротив каждой строки соответствующий балл от 1 до 5, где 1 — определенно нет, 2 - нет; 3- вероятно нет; 4- вероятно да, 5 — определенно да.

Таблица Б.1. Вопросы опросника стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга

№ п/п	Стратегия	Вопросы
1	Формальная поддержка	Я бы обратился (ась) в полицию.
2	Близкая поддержка	Я бы написал (а) хулигану угрожающие вещи, чтобы защитить себя, и подошел (а) к человеку, который утешит и выслушает меня, потому что мне нужна поддержка в этой ситуации.
3	Активное противостояние	Чтобы справиться с ситуацией, я бы прекратил(а) контакты с хулиганом, а поддержку друзей использовал(а) для планирования ответных действий
4	Близкая поддержка	Я бы подошел (а) к человеку, который утешит и выслушает меня.
5		Я бы держался (ась) подальше от хулигана.

	<i>Продолжение таблицы Б.1.</i> Активное игнорирование	
6	Формальная поддержка	Я бы обратился (ась) за консультацией на онлайн-платформе.
7	Близкая поддержка	Я бы провел (а) время с друзьями, чтобы отвлечься от этого.
8	Активное игнорирование	Я бы притворился (ась), что это меня совсем не беспокоит, и подошел (ла) бы к человеку, который принимает меня таким, какой (ая) я есть.
9	Близкая поддержка	Я бы поговорил (а) об этом с друзьями.
10	Активное противостояние	Моя стратегия включала бы демонстративное игнорирование онлайн-атак с одновременной подготовкой ответных действий в реальной жизни
11	Активное игнорирование	Я бы игнорировал (а) все сообщения/картинки, чтобы хулиган потерял.
12	Формальная поддержка	Я бы сообщил (а) учителю или директору.
13	Близкая поддержка	Я бы подошел (ла) к человеку, который принимает меня таким, какой (я) я есть.
14	Активное противостояние	Я бы объединил(а) усилия с близким кругом для координации ответных действий против хулигана
15	Активное игнорирование	Я бы постарался (ась) не думать об этом.
16	Формальная поддержка	Я бы обратился (ась) за профессиональной консультацией.
17	Активное противостояние	Внешне я демонстрировал(а) бы равнодушие, при этом готовя анонимное кибервоздемезие
18	Близкая поддержка	Я бы подошел (ла) к человеку, которому доверяю больше всего.
19	Формальная поддержка	Я бы позвонил (а) на горячую линию (например, телефон доверия для детей, горячая линия по кибербезопасности)

Примечание: следует отметить методологическую специфику шкалы «Активное противостояние». Первоначальное включение составных вопросов стало следствием эмпирической оптимизации в процессе валидизации опросника: высокие индексы модификации в конфирматорном факторном анализе показали устойчивую связь между установлением границ и конфронтацией в восприятии подростков. Это отражает реальный, хоть и методологически неидеальный, поведенческий комплекс, характерный для подростковой среды. В текущей версии формулировки пунктов были пересмотрены для устранения двойственности и повышения содержательной валидности, при этом сохранено смысловое ядро измеряемого конструкта — комплексная стратегия, сочетающая элементы защиты границ с активными ответными действиями. Содержательная валидность шкалы заключается в измерении распространенной среди подростков реакции на кибербуллинг. Результаты по данной шкале следует интерпретировать с осторожностью как показатель склонности к стратегии комплексного противостояния.

**ПРИЛОЖЕНИЕ В. ОПРОСНИК «ОПЫТ КИБЕРБУЛЛИНГА И
КИБЕРВИКТИМИЗАЦИИ» АНТОНИАДУ НАФСИКА И КОККИНОС М. КОНСТАНТИНОС
(GREEK CYBER-BULLYING/VICTIMIZATION EXPERIENCES QUESTIONNAIRE - CBVEQ-G)**

CBVEQ-R (Русская версия)

Шкала Кибервиктимизации

Внимательно прочтайте следующие вопросы и подумайте, случалось ли, чтобы кто-то поступал по отношению к вам так, как описано, в течение **последних трех месяцев**. Выберите ответ, который лучше всего подходит для вашего случая.

Таблица В.1. Вопросы опросника «Опыт кибербуллинга и кибервиктимизации»

№	Вопрос	Никогда	1-2 раза	Иногда	Часто	Каждый день
1	Писали ли вам когда-нибудь сообщения (в соцсетях, по телефону, в мессенджерах), чтобы оскорбить, высмеять или сказать о вас что-то плохое?	1	2	3	4	5
2	Пытался ли кто-нибудь выдать себя за другого человека в переписке, чтобы причинить вам вред или неприятности?	1	2	3	4	5
3	Распространял ли кто-нибудь о вас ложную информацию или сплетни через сообщения (в соцсетях, по телефону, в мессенджерах)?	1	2	3	4	5
4	Выкладывал ли кто-нибудь ваши фото или видео без вашего разрешения с целью высмеять вас или причинить вред?	1	2	3	4	5
5	Показывал ли кто-нибудь ваши личные сообщения другим людям без вашего согласия, чтобы вас оскорбить, плохо о вас отозваться или исказить ваши слова?	1	2	3	4	5
6	Направлял ли вам кто-нибудь специально вредоносные программы («вирусы») на телефон или компьютер?	1	2	3	4	5

№	Вопрос	Никогда	1-2 раза	Иногда	Часто	Каждый день
7	<i>Продолжение таблицы В 1.</i> Брал ли кто-нибудь ваш телефон без разрешения и использовал его для переписки или звонков вашим друзьям от вашего имени?	1	2	3	4	5
8	Публиковал ли кто-нибудь что-либо в вашем аккаунте в социальных сетях (например, в Instagram, TikTok) без вашего ведома, чтобы вас высмеять или опозорить?	1	2	3	4	5
9	Распространял ли кто-нибудь о вас в интернете порочащую информацию с целью навредить вашим отношениям с друзьями (например, чтобы они отвернулись от вас)?	1	2	3	4	5
10	Получали ли вы когда-нибудь сообщения (в мессенджерах или социальных сетях), содержащие угрозы в ваш адрес?	1	2	3	4	5
11	Публиковал ли кто-нибудь в интернете какую-либо личную информацию о вас, которую вы хотели бы сохранить в тайне?	1	2	3	4	5
12	Получал ли кто-либо несанкционированный доступ к вашим личным аккаунтам (например, в почте, социальных сетях) без вашего разрешения?	1	2	3	4	5

Если кто-то поступал по отношению к вам одним или несколькими из описанных выше способов, пожалуйста, ответьте на следующие вопросы, имея в виду ваш самый последний опыт.

Часть В: О человеке, совершившем действие

	Вопрос	Да	Нет
а	Вы знали этого человека?	☐	☐
б	Считаете ли вы, что этот человек действовал с намерением причинить вам боль или расстроить вас?	☐	☐

	Вопрос	Да	Нет
В	Продолжение таблицы А.1. Часть В Считаете ли вы, что этот человек действовал беспричинно (то есть вы не были с ним в ссоре и не провоцировали его)?	☐	☐
Г	Чувствовали ли вы себя беспомощным(ой) и неспособным(ой) себя защитить?	☐	☐
Д	Испытывали ли вы из-за этих действий боль, страх, стыд или сильный дискомфорт?	☐	☐

Часть С: О способе совершения действия

е. Через какое устройство/программу было совершено данное действие?

- Мобильный телефон
- Электронная почта
- Чат-комната
- Служба мгновенных сообщений (мессенджер)
- Сайт социальной сети
- Виртуальный мир (виртуальная реальность)
- Другое (укажите, пожалуйста):

Психометрические характеристики демонстрируют высокую надежность и валидность адаптированной версии CBVEQ-G. Внутренняя согласованность полной шкалы, оцененная через коэффициент α Кронбаха, составила 0.901, с удовлетворительными значениями для субшкал: $\alpha = 0.89$ (цифровое насилие, 12 пунктов) и $\alpha = 0.76$ (опыт кибербуллинга, 5 пунктов). Тест-ретестовая надежность на подвыборке из 50 респондентов при двухнедельном интервале подтверждена сильной корреляцией ($r = 0.87$, $p < 0.001$). Конструктная валидность установлена методами эксплораторного (EFA) и конфирматорного (CFA) факторного анализа: EFA с Varimax-вращением ($KMO = 0.901$; χ^2 Бартлетта = 2364.283, $p < 0.001$) выявила двухфакторную структуру, объясняющую 67.3% дисперсии, с нагрузками 0.513–0.854 для первого фактора и 0.207–0.768 для второго. CFA подтвердил адекватное соответствие модели ($\chi^2/df = 28.13$, $CFI = 0.901$, $RMSEA = 0.047$ [90%]

ДИ: 0.042–0.052], SRMR = 0.031). Конвергентная валидность подтверждена сильной корреляцией с оригинальной версией опросника ($r = 0.82$, $p < 0.001$) и значимыми связями с внешними критериями — депрессией и интернет-зависимостью (τ Кендалла = 0.37–0.58, $p < 0.01$). Дискриминантная валидность подтверждается межгрупповыми различиями по полу (λ Уилкса = 0.834, $p = 0.047$; точность классификации 65.7%). Инвариантность измерений соблюдена на уровне конфигурационной ($\Delta CFI < 0.01$, $\Delta RMSEA < 0.015$) и метрической (различия в факторных нагрузках между группами $p > 0.05$) моделей. Апробация проведена на выборке из 201 подростка (11–17 лет, $M = 14.3 \pm 1.3$; 55.2% девочек) с соблюдением стандартизированного протокола: анонимное компьютерное тестирование под контролем исследователя. Полученные данные соответствуют требованиям воспроизводимости и методологическим стандартам психометрических исследований.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г. АНКЕТА «ЦИФРОВОЙ ОПЫТ» ПОДРОСТКОВ

Пожалуйста, внимательно прочитайте каждый вопрос и выберите вариант ответа, который наиболее точно отражает вашу точку зрения.

1. Ваш пол:

Мужской

Женский

2. Ваш возраст:

10-14 лет

15-17 лет

3. Вы когда-нибудь участвовали в кибербуллинге (кибер-травле)?

1 — совсем нет;

2 — один раз;

4 — более пяти раз.

4. Вы когда-нибудь подвергались кибербуллингу (кибер-травле)?

1 — совсем нет;

2 — один раз;

3 — от двух до четырёх раз;

4 — более пяти раз.

5. Сколько часов в день в среднем вы проводите в Интернете? (менее часа; 1–3 часа; 4–8 часов; больше 8 часов);

6. Как часто вы сталкивались с кибербуллингом в социальных сетях?

(ежедневно, несколько раз в неделю, несколько раз в месяц, редко, никогда).

7. С какими видами кибербуллинга вы сталкивались? Кибер-вербальная травля: онлайн-издевательства, угрозы, оскорблении, уничижительные комментарии. Сокрытие личности: создание поддельных профилей, распространение лживых или компрометирующих материалов от имени жертвы. Кибер-подделка: подделка фотографий или видео, создание ложных сообщений

8. Как часто вы сталкивались с каждым из перечисленных видов кибербуллинга (кибервербальная травля, скрытие личности, кибер-подделка):

Ежедневно

Несколько раз в неделю

Несколько раз в месяц

Редко

Никогда

9. Как сильно кибербуллинг повлиял на ваше самочувствие? (шкала от 1 до 5, где 1 – «совсем не повлиял», 5 – «очень сильно повлиял»)
10. Как сильно кибербуллинг повлиял на вашу учебную/профессиональную деятельность? (шкала от 1 до 5, где 1 – «совсем не повлиял», 5 – «очень сильно повлиял»)
11. Как сильно кибербуллинг повлиял на ваши отношения с людьми? (шкала от 1 до 5, где 1 – «совсем не повлиял», 5 – «очень сильно повлиял»)
12. Как сильно кибербуллинг повлиял на ваше желание общаться в онлайн пространстве? (шкала от 1 до 5, где 1 – «совсем не повлиял», 5 – «очень сильно повлиял»)
13. Как сильно кибербуллинг повлиял на ваше психическое здоровье? (шкала от 1 до 5, где 1 – «совсем не повлиял», 5 – «очень сильно повлиял»)
14. Оцените по шкале от 1 до 5 насколько интенсивными были ваши переживания, связанные с кибербуллингом? где: 1 — совсем не интенсивные; 2 — переживания средней интенсивности; 3 — достаточно интенсивные переживания, но не достигающие пика; 4 — очень сильные переживания; 5 — очень интенсивные.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д. ОПРОСНИК МОРАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ (MORAL FOUNDATIONS QUESTIONNAIRE, MFQ). АВТОРЫ: J. GRAHAM, J. HAIDT ET AL. (2011). АДАПТАЦИЯ MFQ-RU: О. А. СЫЧЕВ И ДР. (2016)

Инструкция

Опросник состоит из двух частей.

Для первых 15 пунктов вопрос звучит так: «*Когда вы оцениваете чей-то поступок и решаете, правильный он или нет, насколько важны для вас следующие соображения?*».

Для последующих 15 пунктов: «*Пожалуйста, прочтите следующие предложения и ответьте, насколько вы с ними согласны или не согласны*».

Часть 1: Оценка важности моральных соображений

Шкала ответов: Абсолютно не важно (0) - Не важно (1) - Отчасти важно (2) - Довольно важно (3) - Очень важно (4) - Крайне важно (5)

Таблица Д.1. Вопросы опросника моральных оснований

№	Вопрос	Ответ
1	Когда вы оцениваете поступок, насколько для вас важно... Испытал ли кто-нибудь от этого поступка душевные страдания.	
2	Отнеслись ли при этом к кому-нибудь необъективно.	
3	Проявилась ли в этом поступке любовь к своей стране.	
4	Было ли продемонстрировано неуважение к власти.	
5	Нарушились ли при этом нормы морали и приличия.	
6	Была ли проявлена забота о слабых и беззащитных.	
7	Был ли этот поступок несправедливым.	
8	Было ли в этом поступке предательство интересов своей группы.	
9	Соблюдались ли обычаи и традиции.	

№	Вопрос	Ответ
10	<i>Продолжение таблицы Д.1.</i> Было ли в этом поступке что-либо гадкое и противное.	
11	Была ли проявлена жестокость.	
12	Были ли ущемлены чьи-либо права.	
13	Было ли проявлено отсутствие преданности своей группе.	
14	Было ли проявлено неуважение к обществу и порядку.	
15	Была ли проявлена распущенность, развращенность.	

Часть 2: Согласие с утверждениями

Шкала ответов: Абсолютно не согласен (0) - Не согласен (1) - Скорее не согласен (2) - Скорее согласен (3) - Согласен (4) - Абсолютно согласен (5)

№	Утверждение	Ответ
16	Сострадание – самая важная добродетель.	
17	Справедливость – это главное, чему должны служить новые законы.	
18	При воспитании детей важнее всего привить им любовь к своему народу и родине.	
19	Уважение к власти и к авторитету – это то, чему должны учиться все дети.	
20	Нельзя делать что-то постыдное, даже если это никому не вредит.	
21	Один из худших поступков – обидеть беззащитное животное.	
22	Справедливость – основное, что необходимо для общества.	
23	Предательство близких – это самый безнравственный и подлый поступок.	
24	Мужчины и женщины должны играть в обществе разные роли.	

№	Утверждение	Ответ
25	<p><i>Продолжение таблицы Д.1. Часть 2</i></p> <p>Я бы назвал некоторые поступки неправильными, потому что они противоестественны.</p>	
26	Если кто-то намеренно причиняет боль другому человеку, то он поступает безнравственно.	
27	Это неправильно, что дети богатых имеют гораздо больше возможностей, чем дети из обычных семей.	
28	Быть частью команды важнее самовыражения.	
29	Даже если командир заведомо неправ, солдат должен выполнить его приказ.	
30	Нравственная чистота – важная и ценная добродетель.	

Обработка результатов

Каждому ответу присваивается балл от 0 до 5 в соответствии с выбранной позицией в шкале. Далее баллы суммируются по пяти шкалам моральных оснований:

Забота: вопросы 1, 6, 11, 16, 21, 26

Справедливость: вопросы 2, 7, 12, 17, 22, 27

Лояльность группе: вопросы 3, 8, 13, 18, 23, 28

Уважение к авторитету: вопросы 4, 9, 14, 19, 24, 29

Чистота: вопросы 5, 10, 15, 20, 25, 30

Дополнительно рассчитываются интегральные показатели:

Этика автономии = Забота + Справедливость (диапазон: 0-60 баллов)

Этика сообщества = Лояльность + Уважение + Чистота (диапазон: 0-90 баллов)

Интерпретация интегральных шкал:

Высокие баллы по шкале «Этика автономии» свидетельствуют о приоритете прав личности, равенства и предотвращения вреда;

Высокие баллы по шкале «Этика сообщества» отражают ориентацию на групповые ценности, традиции и иерархию;

Соотношение этих шкал позволяет определить доминирующий тип моральной ориентации респондента.

Полученные профили позволяют оценить индивидуальную значимость каждого морального основания для респондента.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е.РЕЗУЛЬТАТЫ ВАЛИДИЗАЦИИ ШКАЛ MFQ-RU

Анализ данных по шкале «Забота» (MFQ-Ru) выявил следующие закономерности. Статистически значимых различий между девочками и мальчиками не выявлено ни по рациональному ($p = 0.842$; $U = 19764.500$), ни по интуитивному ($p = 0.560$; $U = 19336.500$) компонентам (см. табл. Е1).

Таблица Е1. Частотная характеристика морального основания «Забота» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))

Параметр	Категория	Рациональное обоснование (%)	Интуитивная оценка (%)	Манна-Уитни (U, p)
Забота (высокие)	Девочки (n=231)	47.6	64.9	U=19764.500, p=0.842
	Мальчики (n=173)	45.1	62.4	
Вред (низкие)	Девочки (n=231)	34.2	3.9	U=19336.500, p=0.560
	Мальчики (n=173)	37.5	6.9	

Примечание: Для рационального обоснования высокие значения = «Довольно важно» + «Очень важно»; для интуитивной оценки = «Согласен» + «Абсолютно согласен». Низкие значения вреда = «Абсолютно не важно» + «Не важно» (рациональное) и «Абсолютно не согласен» + «Не согласен» (интуитивное).

Статистически значимых различий между подростками из РФ и РК по компонентам заботы также не обнаружено (рациональное: $U = 19896.000$, $p = 0.651$; интуитивное: $U = 19146.000$, $p = 0.265$) (см. табл. Г2).

Таблица Е2 - Частотная характеристика морального основания «Забота» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))

Параметр	Категория	Рациональное обоснование (%)	Интуитивная оценка (%)	Манна-Уитни (U, p)
Забота (высокие)	РФ (n=206)	47.5	61.7	U=19896.000, p=0.651
	РК (n=198)	45.4	65.4	
Вред (низкие)	РФ (n=206)	35.9	6.3	U=19146.000, p=0.265
	РК (n=198)	35.4	4.0	

Примечание: Для рационального обоснования высокие значения = «Довольно важно» + «Очень важно»; для интуитивной оценки = «Согласен» + «Абсолютно согласен». Низкие значения вреда = «Абсолютно не важно» + «Не важно» (рациональное) и «Абсолютно не согласен» + «Не согласен» (интуитивное).

Возрастная динамика выявила значимые различия: доля подростков 15-17 лет, демонстрирующих высокие значения рациональной заботы (51.6%), значимо выше, чем в группе 11-14 лет (45.3%; $H = 13.500$, $p = 0.036$) (см. табл. Е3).

Таблица Е3 - Частотная характеристика морального основания «Забота» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)

Параметр	Категория	Рациональное обоснование (%)	Интуитивная оценка (%)	Краскела-Уоллиса (H, p)
Забота (высокие)	11–14 лет (n=280)	45.3	58.3	$H=13.500$, $p=0.036^*$
	15–17 лет (n=124)	51.6	71.8	$H=19.159$, $p=0.004^{**}$
Вред (низкие)	11–14 лет (n=280)	37.3	8.9	$H=13.500$, $p=0.036^*$
	15–17 лет (n=124)	31.4	4.8	$H=19.159$, $p=0.004^{**}$

Примечание: Для рационального обоснования высокие значения = «Довольно важно» + «Очень важно»; для интуитивной оценки = «Согласен» + «Абсолютно согласен». Низкие значения вреда = «Абсолютно не важно» + «Не важно» (рациональное) и «Абсолютно не согласен» + «Не согласен» (интуитивное).

Аналогично, доля высоких значений интуитивной заботы значимо выше у старшей группы (71.8% / 58.3%; $H = 19.159$, $p = 0.004$), тогда как доля низких значений интуитивной заботы значимо ниже (4.8% / 8.9%; $H = 19.159$, $p = 0.004$) (см. табл. Е4).

Анализ данных по шкале «Справедливость» (MFQ-Ru) показал значимые возрастные различия в распределении интуитивных оценок ($\chi^2 = 19.068$, $p = 0.004$) с U-образной динамикой доли ответов «Абсолютное принятие» (максимум 58.8% в 12 лет, минимум 34.8% в 17 лет) (см. табл. 28б). Рациональные оценки значимой возрастной динамики не показали ($\chi^2 = 9.966$, $p = 0.126$) (см. табл. Е4).

Таблица Е4 - Частотная характеристика морального основания «Справедливость» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Общий итог	Критерий Краскела-Уоллиса (χ^2 , p)	
Справедливость (Рациональная)										
Категории:										
▪ Низкая важность*	19.3%	13.7%	21.7%	26.5%	20.0%	24.4%	21.7%	21.8%	$\chi^2=9.966$, $p=0.126$	
▪ Средняя важность**	58.1%	49.1%	45.7%	52.9%	61.6%	58.5%	52.2%	54.3%		
▪ Высокая важность***	22.6%	37.3%	32.6%	20.7%	18.3%	17.1%	26.1%	23.9%		
Справедливость (Интуитивная)										
Категории:										
▪ Крайнее неприятие****	0.0%	0.0%	10.9%	0.8%	0.0%	0.0%	4.3%	1.7%	$\chi^2=19.068$, $p=0.004^{**}$	
▪ Смешанные оценки*****	12.9%	17.6%	10.9%	22.3%	11.6%	19.5%	12.9%	16.6%		
▪ Абсолютное принятие*****	72.5%	58.8%	65.3%	48.7%	51.7%	51.3%	34.8%	55.4%		

Расшифровка категорий: Низкая важность (рац.): «Абсолютно не важно» + «Не важно». Средняя важность (рац.): «Довольно важно» + «Отчасти важно».

Высокая важность (рац.): «Очень важно» + «Крайне важно».

Крайнее неприятие (инт.): «Абсолютно не согласен» + «Не согласен».

Смешанные оценки (инт.): «Скорее не согласен» + «Скорее согласен».

Абсолютное принятие (инт.): «Согласен» + «Абсолютно согласен»

Выявлена тенденция к половым различиям в распределении рациональных оценок ($U = 17867.500$, $p = 0.061$) с большей долей мальчиков, выбирающих «Крайне важно» (4.2% / 1.7%); значимых различий по интуитивным оценкам не выявлено ($U = 19708.000$, $p = 0.804$) (см. табл. Е5).

Таблица Е5 - Частотная характеристика морального основания «Справедливость» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))

Параметр	Категория	Рациональное обоснование (%)	Интуитивная оценка (%)	Манна-Уитни (U, p)
Справедливость (высокие)				
Пол	Девочки (n=231)	47.6	64.9	$U=17867.500$, $p=0.061$ (рац.)

Параметр	Категория	Рациональное обоснование (%)	Интуитивная оценка (%)	Манна-Уитни (U, p)
<i>Продолжение таблицы Е5</i>	Мальчики (n=173)	45.1	62.4	U=19708.000, p=0.804 (инт.)
Справедливость (низкие)				
Пол	Девочки (n=231)	34.2	3.9	
	Мальчики (n=173)	37.5	6.9	

Статистически значимых кросс-культурных различий не обнаружено (рациональное: $U = 19708.000$, $p = 0.547$; интуитивное: $U = 19273.000$, $p = 0.315$) (см. табл. Е6).

Таблица Е6 - Частотная характеристика морального основания «Справедливость» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))

Параметр	Категория	Рациональное обоснование (%)	Интуитивная оценка (%)	Манна-Уитни (U, p)
Справедливость (высокие)				
Группа	РФ (n=206)	47.5	61.7	U=19708,000, p=0,547
	PK(n=198)	45.4	65.4	
Справедливость (низкие)				
Группа	РФ (n=206)	35.9	6.3	U=19273.000, p=0.315
	PK (n=198)	35.4	4.0	

Анализ шкалы «Лояльность» выявил статистически значимые возрастные различия в интуитивных оценках ($\chi^2 = 13.891$, $p = 0.031$) со снижением доли

«Абсолютное принятие» с 62.9% (11 лет) до 43.5% (17 лет) и ростом «Смешанных оценок» до 60.0% (15 лет) (см. табл. Е7).

Таблица Е7 - Частотная характеристика морального основания «Лояльность» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Общий итог	Критерий Краскела-Уоллиса (χ^2 , p)
Лояльность (Рациональная)									
Категории:									
▪ Низкая важность*	12.9%	11.7%	30.4%	23.1%	21.6%	26.8%	21.7%	21.1%	
▪ Средняя важность**	62.9%	64.8%	39.1%	52.1%	60.0%	51.2%	69.5%	56.0%	$\chi^2=5.351$, p=0.500
▪ Высокая важность***	24.2%	23.5%	30.5%	24.8%	18.4%	22.0%	8.8%	22.9%	
Лояльность (Интуитивная)									
Категории:									
▪ Крайнее неприятие****	3.2%	7.8%	10.8%	7.4%	1.7%	9.8%	13.0%	6.9%	
▪ Смешанные оценки*****	33.9%	31.3%	32.6%	49.5%	60.0%	39.1%	43.5%	43.1%	$\chi^2=13.891$, p=0.031*
▪ Абсолютное принятие*****	62.9%	60.9%	56.6%	42.9%	38.3%	51.1%	43.5%	50.0%	

Расшифровка категорий:

Низкая важность (рац.): «Абсолютно не важно» + «Не важно».

Средняя важность (рац.): «Довольно важно» + «Отчасти важно».

Высокая важность (рац.): «Очень важно» + «Крайне важно».

Крайнее неприятие (инт.): «Абсолютно не согласен» + «Не согласен».

Смешанные оценки (инт.): «Скорее не согласен» + «Скорее согласен».

Абсолютное принятие (инт.): «Согласен» + «Абсолютно согласен».

Рациональные оценки значимой возрастной динамики не показали ($\chi^2 = 5.351$, $p = 0.500$) (см. табл. Е8). Наблюдается тенденция к половым различиям в рациональных оценках ($U = 18500.000$, $p = 0.073$) с большей долей мальчиков в категории «Высокая важность» (6.1% / 2.3%); значимых различий по интуитивным компонентам не выявлено ($U = 18095.500$, $p = 0.090$) (см. табл. Г8). **Таблица Е8 - Частотная характеристика морального основания «Лояльность» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p)). (М – мальчики, Д – девочки).**

Основание	Полярность	Пол (%)	Пол (U, p)
Лояльность (Р)	Высокая	М: 6.1 / Д: 2.3	
	Низкая	М: 4.2 / Д: 5.9	18500, 0.073
Лояльность (И)	Высокая	М: 65.4 / Д: 61.2	18095.5, 0.090

Кросс-культурные различия отсутствуют (рациональное: $U = 19200.000$, $p = 0.412$; интуитивное: $U = 18945.000$, $p = 0.285$) (см. табл. Е9).

Таблица Е9 - Частотная характеристика морального основания «Лояльность» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни) в общей выборке.

Основание	Полярность	Группа (%)	Группа (U , p)
Лояльность (Р)	Высокая	18.2	19200, 0.412
	Низкая	8.7	
Лояльность (И)	Высокая	63.1	18945, 0.285
	Низкая	12.4	

По шкале «Уважение» выявлены значимые возрастные различия в интуитивных оценках ($\chi^2 = 12.720$, $p = 0.048$) со снижением доли «Абсолютного принятия» с 53.2% (11 лет) до 26.5% (17 лет) и ростом «Крайнего неприятия» до 25.7% (17 лет) (см. табл. 30а). Рациональные оценки оставались стабильными ($\chi^2 = 7.955$, $p = 0.241$) (см. табл. Е10).

Таблица Е10 - Частотная характеристика морального основания «Уважение» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Общий итог	Критерий Краскела-Уоллиса (χ^2 , p)	
Уважение к авторитету (Рациональное)										
Категории:										
▪ Низкая важность*	16.1%	11.8%	17.4%	22.3%	20.0%	26.9%	21.7%	19.6%	$\chi^2=7.955$, $p=0.241$	
▪ Средняя важность**	66.1%	68.6%	47.8%	61.1%	63.3%	56.1%	65.2%	61.4%		
▪ Высокая важность***	17.8%	19.6%	34.8%	16.6%	16.7%	17.0%	13.1%	19.1%		
Уважение к авторитету (Интуитивное)										
Категории:										
▪ Крайнее неприятие****	6.5%	5.9%	10.9%	7.4%	6.7%	12.2%	25.7%	8.9%	$\chi^2=12.720$, $p=0.048^*$	
▪ Смешанные оценки*****	40.3%	45.1%	39.1%	52.1%	61.7%	58.5%	47.8%	49.8%		

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Общий итог	Критерий Краскела-Уоллиса (χ^2 , p)
<i>Продолжение таблицы Е10</i>									
▪ Абсолютное принятие*****	53.2%	49.0%	50.0%	40.5%	31.6%	29.3%	26.5%	41.3%	

Обнаружены статистически значимые половые различия в рациональных оценках ($U = 15894.000$, $p < 0.001$), проявляющиеся в большей доле мальчиков, выбирающих «Высокая важность» (26.6% / 13.5%); различий в интуитивных компонентах не выявлено ($U = 18095.500$, $p = 0.090$) (см. табл. Е11).

Таблица Е11 - Частотная характеристика морального основания «Уважение» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни) в общей выборке.

Основание	Полярность	Пол (% Мальчики/% Девочки)	Пол (U, p)
Уважение (Р)	Высокая	26.6 / 13.5	15894, <0.001*
	Низкая	17.4 / 21.2	
Уважение (И)	Высокая	45.1 / 38.5	18095.5, 0.090
	Низкая	23.1 / 24.7	

Примечание: Р — рациональное, И — интуитивное; * $p < 0.05$; критерий Манна-Уитни для сравнения групп (РФ/РК) и полов (мальчики/девочки), Краскела-Уоллиса для возраста. Высокая полярность (Р): «Очень важно» + «Крайне важно»; Низкая (Р): «Абсолютно не важно» + «Не важно». Высокая (И): «Согласен» + «Абсолютно согласен»; Низкая (И): «Абсолютно не согласен» + «Не согласен» + «Скорее не согласен».

Кросс-культурные различия отсутствуют (рациональное: $U > 19635.000$, $p > 0.5$; интуитивное: $U = 19891.500$, $p = 0.655$) (см. табл. Е12).

Таблица Е12 - Частотная характеристика морального основания «Уважение» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни)

Основание	Полярность	Группа (% РФ/% РК)	Группа (U, p)
Уважение (Р)	Высокая	20.9 / 17.1	19635, 0.503
	Низкая	19.5 / 19.7	
Уважение (И)	Высокая	41.7 / 40.9	19891.5, 0.655

Основание	Полярность	Группа (% РФ/% РК)	Группа (U, p)
<i>Продолжение таблицы Е12</i>	Низкая	25.7 / 22.3	

Примечание: Р — рациональное, И — интуитивное; * $p < 0.05$; критерий Манна-Уитни для сравнения групп (РФ/РК) и полов (мальчики/девочки), Краскела-Уоллиса для возраста. Высокая полярность (Р): «Очень важно» + «Крайне важно»; Низкая (Р): «Абсолютно не важно» + «Не важно». Высокая (И): «Согласен» + «Абсолютно согласен»; Низкая (И): «Абсолютно не согласен» + «Не согласен» + «Скорее не согласен».

Анализ шкалы «Чистота/Религиозность» показал значимые возрастные различия в интуитивных оценках ($\chi^2 = 12.832$, $p = 0.046$) со снижением «Абсолютного принятия» с 71.0% (11 лет) до 39.1% (17 лет) и пиком «Крайнего неприятия» в 12 лет (27.4%) (см. табл. 31а). Рациональные оценки оставались стабильными ($\chi^2 = 1.647$, $p = 0.949$) (см. табл. Е13).

Таблица Е13 - Частотная характеристика морального основания «Религиозность» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Общий итог	Краскела-Уоллиса (χ^2 , p)
Чистота/Религиозность (Рациональная)									
Категории:									
▪ Низкая важность*	17.8%	23.6%	28.2%	28.1%	25.0%	31.7%	30.4%	26.0%	
▪ Средняя важность**	62.9%	66.7%	54.3%	54.5%	48.3%	56.1%	47.8%	56.2%	$\chi^2=1.647$, $p=0.949$
▪ Высокая важность***	19.4%	9.8%	17.5%	17.4%	26.7%	12.2%	21.7%	17.9%	

Параметр	11 лет	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Общий итог	Краскела-Уоллиса (χ^2 , p)
Чистота/Религиозность (Интуитивная)									
Категории:									
▪ Крайнее неприятие****	8.1%	27.4%	15.1%	18.1%	18.4%	14.6%	26.1%	17.6%	
▪ Смешанные оценки*****	21.0%	19.6%	32.6%	36.4%	26.7%	41.5%	34.8%	30.4%	$\chi^2=12.832$, $p=0.046^*$
▪ Абсолютное принятие*****	71.0%	53.0%	52.2%	45.5%	55.0%	43.9%	39.1%	52.0%	

Гендерные различия отсутствуют (рациональное: $U = 19496.000$, $p = 0.667$; интуитивное: $U = 19854.000$, $p = 0.908$) (см. табл. Е14).

Таблица Е14 - Частотная характеристика морального основания «Религиозность» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна -Уитни)

Основание	Полярность	Пол (%)	Пол (U, p)
Чистота/Религиозность (Р)	Высокая	М: 17.7% / Д: 17.8%	19496.0, p=0.667
	Низкая	М: 26.0% / Д: 26.0%	
	Средняя	М: 56.1% / Д: 56.3%	
Чистота/Религиозность (И)	Высокая	М: 51.5% / Д: 52.4%	19854.0, p=0.908
	Низкая	М: 18.5% / Д: 16.9%	
	Средняя	М: 30.1% / Д: 30.7%	

Выявлена тенденция к кросс-культурным различиям в интуитивном компоненте: доля «Абсолютного принятия» выше в РК (58.1% / 46.1%; U = 19336.500, p = 0.560) при отсутствии различий в рациональных оценках (U = 19574.500, p = 0.472) (см. табл. Е15).

Таблица Е15 - Частотная характеристика морального основания «Религиозность» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна -Уитни)

Основание	Полярность	Группа (%) (РФ / РК)	Группа (U, p)
Чистота/Религиозность (Р)	Высокая	18.4% / 17.1%	U=19574.500, p=0.472
	Низкая	24.8% / 27.3%	
Чистота/Религиозность (И)	Высокая	46.1% / 58.1%	U=19336.500, p=0.560
	Низкая	9.2% / 5.1%	

Обсуждение результатов валидизации шкал MFQ-Ru

Результаты валидизации русскоязычной версии MFQ (MFQ-Ru) в выборке подростков РФ и РК интерпретируются в контексте Теории моральных оснований (МФТ) Дж. Хайдта. Отсутствие кросс-культурных различий по шкалам «Забота», «Справедливость», «Лояльность» и «Уважение» подтверждает постулат МФТ об эволюционно укорененных универсальных моральных интуициях (Haidt, 2012), отражая общность моральной матрицы в русскоязычном пространстве. Гендерная нейтральность «Заботы» согласуется с ее статусом биологически обусловленного инстинкта, тогда как асимметрия в рациональном компоненте «Уважения» (значимо выше у мальчиков) отражает влияние культурно-гендерных паттернов

социализации (Gilligan, 1982; Deineka et al., 2020) и усвоение маскулинных ценностей иерархичности.

Возрастная динамика согласуется с теориями морального развития: рост рациональной «Заботы» коррелирует с когнитивным созреванием; пик интуитивной «Заботы» и специфическая U-образная динамика интуитивной «Справедливости» – с консолидацией моральной идентичности; снижение интуитивного принятия «Уважения» и «Лояльности» – с развитием автономии; динамика «Чистоты/Религиозности» отражает сензитивность к нормам в пубертате. Тенденция к более высокому интуитивному принятию «Чистоты/Религиозности» в РК согласуется с влиянием религиозных (исламских) норм (Luo et al., 2023), что может детерминировать специфику совладания с этнически мотивированным кибербуллингом (Soldatova et al., 2020).

Дифференциация динамики рациональных и интуитивных компонентов по всем шкалам подтверждает модель МФТ о двух системах обработки моральной информации (Haidt, 2001, 2012). Полученные результаты валидизируют MFQ-Ru для русскоязычных подростков, подтверждают универсальность базовых интуиций (Забота, Справедливость, Лояльность, Уважение) в рамках общего информационного пространства при наличии специфики в возрастной динамике, гендерных (Уважение) и культурных (Чистота/Религиозность) паттернах, что интегрируется в теоретическую модель детерминант стратегий преодоления кибербуллинга.

**ПРИЛОЖЕНИЕ Ж. СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВОЗРАСТНЫХ, ГЕНДЕРНЫХ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ПАТТЕРНОВ ЦИФРОВОЙ
АКТИВНОСТИ И ОПЫТА КИБЕРБУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ**

Таблица Ж1 - Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков: половой анализ. Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; U-критерий Манна-Уитни)

Категория	Параметр	Девочки (%)	Мальчики (%)	U-критерий	p-value
Цифровая активность					
Время в Интернете	Менее 1 часа	6.9	12.7	19264.000	0.506
	1–3 часа	44.2	40.5		
	4–8 часов	40.3	35.8		
	Более 8 часов	8.7	11.0		
Частота кибербуллинга					
В социальных сетях	Ежедневно	3.9	5.2	18816.000	0.267
	Несколько раз в неделю	3.0	4.6		
	Несколько раз в месяц	3.9	4.0		
	Редко	36.4	38.2		
	Никогда	52.8	48.0		
Виды кибербуллинга					
Формы агрессии	Кибер-вербальная травля	50.6	54.3	19891.500	0.932
	Сокрытие личности	22.1	13.9		
	Кибер-подделка	27.3	31.8		
Систематические атаки	Еженедельно/ежедневно	5.2	9.2		
Кибербуллинг (частота столкновения с видами	Никогда	51.1	47.4	18964.500	0.332
	Редко	39.8	40.5		
	Ежемесячно/чаще	9.2	12.6		

Таблица Ж2 - Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; U-критерий Манна-Уитни). Участие в кибербуллинге (половой аспект)

Группа	Ответы	Частота	Проценты	Статистика
Девочки (n=231)	1 — совсем нет	203	87.9%	$U=19676.000$; $Z=-0.456$; $p=0.648$
	2 — один раз	22	9.5%	
	4 — более пяти раз	6	2.6%	
Мальчики (n=173)	1 — совсем нет	152	87.9%	$U=19676.000$; $Z=-0.456$; $p=0.648$
	2 — один раз	16	9.2%	
	4 — более пяти раз	5	2.9%	

Таблица Ж3. Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков: кросс-культурный анализ (РФ / РК). Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; U-критерий Манна-Уитни)

Категория	Параметр	РФ (%)	РК (%)	U-критерий	p-value
Цифровая активность					
Время в Интернете	Менее 1 часа	4.4	14.6	15719.500	<0.001
	1–3 часа	37.9	47.5		
	4–8 часов	46.6	29.8		
	Более 8 часов	11.2	8.1		
Частота кибербуллинга					
В социальных сетях	Ежедневно	3.9	5.1	15783.000	<0.001
	Несколько раз в неделю	5.8	1.5		
	Несколько раз в месяц	5.8	2.0		
	Редко	44.7	29.3		
	Никогда	39.8	62.1		
Виды кибербуллинга					
Формы агрессии	Кибер-вербальная травля	57.3	47.0	17152.000	0.002
	Сокрытие личности	22.3	14.6		
	Кибер-подделка	20.4	38.4		

Категория	Параметр	РФ (%)	РК (%)	U-критерий	p-value
Продолжение таблицы Ж3 Систематические атаки	Еженедельно/ежедневно	—	—		
Кибербуллинг (частота) столкновения с видами	Никогда	40.8	58.6	16720.500	0.001
	Редко	46.6	33.3		
	Ежемесячно/чаще	12.6	8.1		

Таблица Ж4 - Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; U-критерий Манна-Уитни). Подверженность кибербуллингу (опыт-жертва) (полевой аспект)

Группа	Ответы	Частота	Проценты	Статистика
Девочки (n=231)	1 — совсем нет	144	62.3%	U=19292.000; Z=-0.688; p=0.492
	2 — один раз	68	29.4%	
	3 — от двух до четырёх раз	15	6.5%	
	4 — более пяти раз	4	1.7%	
Мальчики (n=173)	1 — совсем нет	102	59.0%	
	2 — один раз	56	32.4%	
	3 — от двух до четырёх раз	8	4.6%	
	4 — более пяти раз	7	4.0%	

Таблица Ж5 - Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков России и Казахстана: возрастные различия (результаты частотного и сравнительного анализа) по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса.

Категория/параметр	11 лет (%)	12 лет (%)	13 лет (%)	14 лет (%)	15 лет (%)	16 лет (%)	17 лет (%)	Н-критерий	p-value
Формы кибербуллинга								6,124 ,409	
Кибер-вербальная травля	62.9	54.9	58.7	47.1	48.3	46.3	52.2		
Кибер-подделка	27.4	23.5	17.4	33.1	35.0	31.7	30.4		
Сокрытие личности	9.7	21.6	23.9	19.8	16.7	22.0	17.4		
Частота кибербуллинга								8,648 ,194	

Таблица Ж6 - Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков России и Казахстана: Виды кибербуллинга: кросс-культурные различия

Категория/параметр	Россия (%)	Казахстан (%)	U-критерий	p-value
Формы кибербуллинга				
Кибер-вербальная травля	57.3	47.0		
Сокрытие личности	22.3	14.6	U=17152.000	<0.002
Кибер-подделка	20.4	38.4		
Частота кибербуллинга				
Ежедневно	3.4	3.0		
Несколько раз в неделю	3.9	3.5		
Несколько раз в месяц	5.3	1.5	U=16720.500	<0.001
Редко	46.6	33.3		
Никогда	40.8	58.6		

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращение	Расшифровка
ACE	Adverse Childhood Experiences (неблагоприятный детский опыт)
АИ	Активное игнорирование
β	Стандартизованный регрессионный коэффициент
BGCM	Barlett and Gentile Cyberbullying Model (модель кибербуллинга Барлетта и Джентайл)
БП	Близкая поддержка
ВИ-МОВ	Belief in the Irrelevance of Muscularity Online (убеждённость в незначимости физической силы в сети)
АП	Активное противостояние
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
GDPR	General Data Protection Regulation (Общий регламент по защите данных ЕС)
DP	Digital Permanence (долговременное сохранение цифрового следа)
ДИ	Доверительный интервал
ФП	Формальная поддержка
ЕС	Европейский союз
IBM SPSS	IBM SPSS (статистический пакет для социальных наук)
KiVa	Kiusaamista Vastaan (программа против буллинга/кибербуллинга; Финляндия)
MMORPG	Massively Multiplayer Online Role-Playing Game (массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра)
МО	Моральные основания
MFQ	Moral Foundations Questionnaire (опросник моральных оснований)
NLP	Natural Language Processing (обработка естественного языка)
РК	Республика Казахстан
РФ	Российская Федерация

Сокращение	Расшифровка
СД	Стандартное отклонение (от англ. SD — Standard Deviation)
SEM	Structural Equation Modeling (моделирование структурными уравнениями)
fMRI	Functional Magnetic Resonance Imaging (функциональная магнитно-резонансная томография)
CBVEQ-G	Cyberbullying and Victimization Experience Questionnaire (опросник опыта кибербуллинга и виктимизации)
CWCBQ	Cyberbullying Coping Strategies Questionnaire (опросник копинг-стратегий при кибербуллинге)
УК РФ	Уголовный кодекс Российской Федерации
χ^2	Хи-квадрат (критерий Пирсона)

ПРИЛОЖЕНИЕ И. СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

Рисунки в основном тексте

1. Рисунок 1.1 — Теоретическая модель детерминантов выбора
2. Рисунок 3.1 — Визуализация корреляционных связей между категориями кибервиктимности и стратегиями преодоления в возрастных группах
3. Рисунок 3.2 — Корреляционная плеяда взаимосвязей категории «Распространение личной информации» со стратегиями преодоления в выборках из России и Казахстана
4. Рисунок 3.3 — Корреляционная плеяда взаимосвязей категорий кибервиктимности и стратегий преодоления в гендерных группах
5. Рисунок 3.4 — Корреляционная плеяда взаимосвязей моральных оснований и стратегий преодоления кибербуллинга в возрастных группах 11–17 лет
6. Рисунок 3.5 — Корреляционные взаимосвязи между показателями моральных оснований и стратегий преодоления кибербуллинга у подростков 11–17 лет (российская и казахстанская выборки). Гендерные различия
7. Рисунок 3.6 — Корреляционная плеяда взаимосвязей цифрового опыта подростков со стратегиями преодоления
8. Рисунок 3.7 — Результаты корреляционного анализа возрастных особенностей выбора стратегий преодоления кибербуллинга
9. Рисунок 3.8 — Результаты корреляционного анализа половых особенностей выбора стратегий преодоления кибербуллинга
10. Рисунок 3.9 — Результаты корреляционного анализа между стратегиями преодоления кибербуллинга (кросс-культурный аспект)
11. Рисунок 3.10 — Структурная модель взаимосвязей латентных конструктов социально-психологических детерминант и стратегий преодоления кибербуллинга подростками в объединённой выборке (Модель 1)
12. Рисунок 3.11 — Структурная модель детерминации стратегий преодоления кибербуллинга подростками для Российской выборки (Модель 2)
13. Рисунок 3.12 — Структурная модель детерминации стратегий преодоления кибербуллинга подростками для Казахстанской выборки (Модель 3)
14. Рисунок 3.13 — Модель социально-психологических детерминантов выбора стратегий преодоления кибербуллинга подростками

Рисунки в приложениях

15. Рисунок А.4 — Структурная диаграмма четырехфакторной модели

Количество рисунков в основном тексте: 14

Количество рисунков в приложениях: 1

Общее количество рисунков: 15

ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ

Таблицы в основном тексте

1. Таблица 1.1 — Сравнительный анализ терминов «копинг» и «совладающее поведение»
2. Таблица 1.2 — Классификация стратегий преодоления и стратегий преодоления кибербуллинга по авторам и критериям
3. Таблица 2.1 — Характеристика выборки (404 чел.)

4. Таблица 2.2 — Характеристика методов и методик исследования
5. Таблица 3.1 — Описательные статистики и коэффициенты корреляции для показателей стратегий преодоления кибербуллинга подростками (по выборке в целом, $n = 404$)
6. Таблица 3.2 — Показатели использования стратегий преодоления кибербуллинга в зависимости от возраста ($M \pm SD$; критерий Краскела-Уоллиса, Н)
7. Таблица 3.3 — Сравнение стратегий преодоления кибербуллинга между подростками женского и мужского пола ($M \pm SD$; критерий Манна-Уитни)
8. Таблица 3.4 — Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - Формальная поддержка в зависимости от возраста и пола
9. Таблица 3.5 — Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «Активное игнорирование» в зависимости от пола и возраста
10. Таблица 3.6 — Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «Близкая поддержка» в зависимости от пола и возраста
11. Таблица 3.7 — Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «Близкая поддержка (БП)» в зависимости от пола и страны
12. Таблица 3.8 — Средние значения и стандартные отклонения выбора стратегий преодоления кибербуллинга - «АП» в зависимости от пола и возраста
13. Таблица 3.9 — Социально-психологические детерминанты категорий кибервиктимности: вербальная агрессия (насмешки, угрозы). Распределение ответов респондентов по возрастным группам (%) на вопросы категории вербальной агрессии (насмешки, угрозы)
14. Таблица 3.10 — Возрастное распределение ключевых переменных кибервиктимизации (%)
15. Таблица 3.11 — Частотная характеристика кибервиктимизации (%) в подгруппах, выделенных на основании возраста
16. Таблица 3.12 — Распределение «социальной изоляции» по полу
17. Таблица 3.13 — Частотная характеристика кибервиктимизации (%) в подгруппах, выделенных на основании страны и в общей выборке
18. Таблица 3.14 — Результаты корреляционного анализа между стратегиями преодоления кибербуллинга (половой аспект)
19. Таблица 3.16 — Частотная характеристика серьёзности последствий в результате влияния кибербуллинга в подгруппах, выделенных на основании возраста (% ; Н-критерий Краскела-Уоллиса)
20. Таблица 3.17 — Половые различия в последствиях кибербуллинга среди подростков 11–17 лет. Результаты анализа влияния кибербуллинга на самочувствие, академическую успеваемость, социальные отношения и психическое здоровье (в процентах; Н-критерий Краскела-Уоллиса)
21. Таблица 3.18 — Кросс-культурные различия в последствиях кибербуллинга среди подростков 11–17 лет. Результаты анализа влияния кибербуллинга на самочувствие, академическую успеваемость, социальные отношения и психическое здоровье (в процентах; критерий Манна-Уитни)
22. Таблица 3.19 — Результаты регрессионного анализа (зависимые переменные – стратегии преодоления кибербуллинга)
23. Таблица 3.20 — Результаты регрессионного анализа в группах мальчиков и девочек (зависимые переменные – стратегии преодоления кибербуллинга)
24. Таблица 3.21 — Результаты регрессионного анализа в группах по трем возрастным когортам: младшие подростки (11-12 лет), средние подростки (13-14 лет) и старшие подростки (15-17 лет)
25. Таблица 3.22 — Результаты регрессионного анализа при модерации кросскультурного контекста (РФ / РК) (зависимые переменные – стратегии преодоления кибербуллинга)
26. Таблица 3.23 — Значимые остаточные ковариации между стратегиями преодоления (Модель 1)
27. Таблица 3.24 — Значимые регрессионные коэффициенты для стратегий преодоления (Модель 1)
28. Таблица 3.25 — Значимые остаточные ковариации между стратегиями преодоления (Модель 1, РФ)

29. Таблица 3.26 — Значимые регрессионные коэффициенты для стратегий преодоления (Модель 3, выборка РК)
30. Таблица 3.27 — Значимые остаточные ковариации между стратегиями преодоления (Модель 3, выборка РК)
31. Таблица Е1 — Частотная характеристика морального основания «Забота» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))
32. Таблица Е2 — Частотная характеристика морального основания «Забота» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))
33. Таблица Е3 — Частотная характеристика морального основания «Забота» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)
34. Таблица Е4 — Частотная характеристика морального основания «Справедливость» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)
35. Таблица Е5 — Частотная характеристика морального основания «Справедливость» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))
36. Таблица Е6 — Частотная характеристика морального основания «Справедливость» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p))
37. Таблица Е7 — Частотная характеристика морального основания «Лояльность» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)
38. Таблица Е8 — Частотная характеристика морального основания «Лояльность» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни (U, p)). (Мальчики, Д-девочки)
39. Таблица Е9 — Частотная характеристика морального основания «Лояльность» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни) в общей выборке
40. Таблица Е10 — Частотная характеристика морального основания «Уважение» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)
41. Таблица Е11 — Частотная характеристика морального основания «Уважение» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни) в общей выборке
42. Таблица Е12 — Частотная характеристика морального основания «Уважение» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни)
43. Таблица Е13 — Частотная характеристика морального основания «Религиозность» на основании возраста по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Краскела-Уоллиса)
44. Таблица Е14 — Частотная характеристика морального основания «Религиозность» на основании пола по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни)
45. Таблица Е15 — Частотная характеристика морального основания «Религиозность» на основании кросс-культурного аспекта по рациональному и интуитивному компонентам (в %; критерий Манна-Уитни)
46. Таблица Ж1 — Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков: половой анализ. Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; U-критерий Манна-Уитни)
47. Таблица Ж2 — Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; U-критерий Манна-Уитни). Участие в кибербуллинге (полевой аспект)

48. Таблица Ж3 — Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков: кросс-культурный анализ (РФ / РК). Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; У-критерий Манна-Уитни)
49. Таблица Ж4 — Результаты частотного анализа по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; У-критерий Манна-Уитни). Подверженность кибербуллингу (опыт-жертва) (половой аспект)
50. Таблица Ж5 — Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков России и Казахстана: возрастные различия (результаты частотного и сравнительного анализа) по анкете «Цифровой опыт» (в процентах; с использованием Н-критерия Краскела-Уоллиса)
51. Таблица Ж6 — Цифровая активность и опыт кибербуллинга среди подростков России и Казахстана: Виды кибербуллинга: кросс-культурные различия

Таблицы в приложениях

52. Таблица А.1. Показатели пригодности модели для трех уровней инвариантности измерений ($N = 1450$)
53. Таблица А.2. Факторная структура опросника
54. Таблица Б.1. Вопросы опросника стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга
55. Таблица В.1. Вопросы опросника «Опыт кибербуллинга и кибервиктимизации»
56. Таблица Д.1. Вопросы опросника моральных оснований

Количество таблиц в основном тексте: 51

Количество таблиц в приложениях: 5

Общее количество таблиц: 56

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ

1. ПРИЛОЖЕНИЕ А — Адаптация и психометрическая валидизация «Опросника стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга» (CWCQ) (Sticca et al., 2015) Г.У. Утемисовой
2. ПРИЛОЖЕНИЕ Б — «Опросник стратегий преодоления ситуаций кибербуллинга» (CWCQ) Sticca, F. Адаптация Утемисовой Г.У. (русскоязычная версия)
3. ПРИЛОЖЕНИЕ В — Опросник «Опыт кибербуллинга и кибервиктимизации» Антониаду Нафсика и Коккинос М. Константинос (Greek Cyber-Bullying/Victimization Experiences Questionnaire - CBVEQ-G)
4. ПРИЛОЖЕНИЕ Г — Анкета «Цифровой опыт» подростков
5. ПРИЛОЖЕНИЕ Д — Опросник моральных оснований (Moral Foundations Questionnaire, MFQ). Авторы: J. Graham, J. Haidt et al. (2011). Адаптация MFQ-Ru: О. А. Сычев и др. (2016)
6. ПРИЛОЖЕНИЕ Е — Результаты валидизации шкал MFQ-Ru
7. ПРИЛОЖЕНИЕ Ж — Статистические данные исследования возрастных, гендерных и кросс-культурных паттернов цифровой активности и опыта кибербуллинга среди подростков
8. ПРИЛОЖЕНИЕ З — Список сокращений
9. ПРИЛОЖЕНИЕ И — Список иллюстративного материала

Общее количество приложений: 9